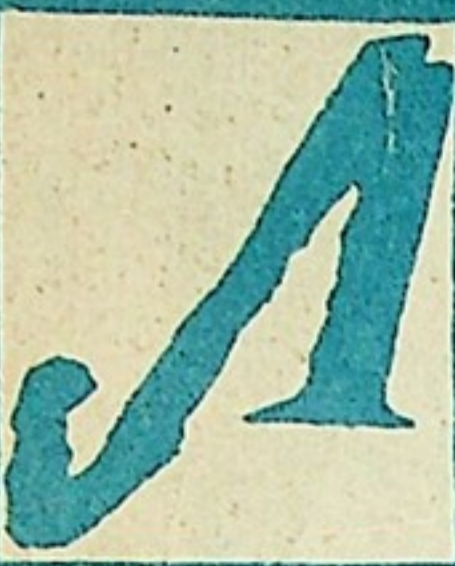

10.335
1990 / 2

ISSN 0130-3600

საქართველოს
საბჭოთავო
კულტურის მინისტრის
გამართავი

1990

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

მამულა

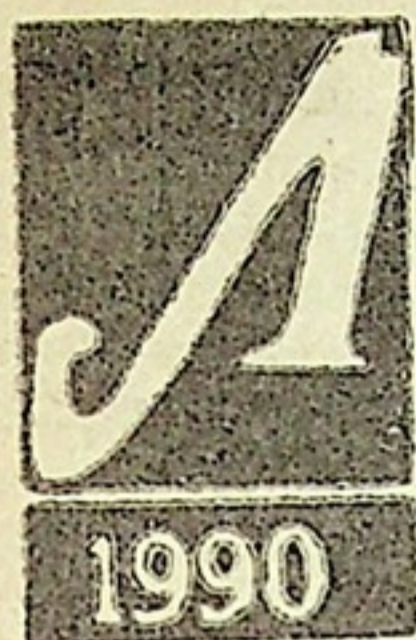
REVISTA GEORGIANA DE HISTORIA Y LITERATURA
Director: VICTOR NORATSE
Calle Buenos Esquinas 2121 BUENOS AIRES

საბჭოთავო კულტურის მინისტრის
გამართავი
საქართველოს
საბჭოთავო
კულტურის მინისტრის
გამართავი
საქართველოს
საბჭოთავო
კულტურის მინისტრის
გამართავი

საქართველოს
საბჭოთავო
კულტურის მინისტრის
გამართავი
საქართველოს
საბჭოთავო
კულტურის მინისტრის
გამართავი

9

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Орган Союза писателей Грузии

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

- УТАР ЧИЛАДЗЕ.** Мартовский петух. Роман.
Окончание. Перевод Элисбара Ана-
ниашвили 3
- ЗОЯ ФИНИЦКАЯ.** Возвращение общечелове-
ческих ценностей. Рецензия 78
- ВАЖА ХОРНАУЛИ.** Стихи. Переводы Дмит-
рия Мизгулина, Сергея Чалова,
Владимира Приходько 82
- КАРЛО АРСЕНАШВИЛИ.** Фазаны в засуху.
Рассказ. Перевод Н. Нинидзе 85
- ДАЛИ ЦААВА.** Из книги «Двенадцать кап-
риччо». Стихи. Перевод Владимира
Еременко 90
- СТАНИСЛАС-АНДРЭ СТИМАН.** Убийца про-
живает в 21-ом номере. Роман. Окончание.
Перевод с французского Алексея Дро-
зовского и Екатерины Дроздо-
вской 94

9

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- ВЛАДИМИР ЧЕРЕДНИЧЕНКО.** Методы изучения и анализа художественного произведения 151

ВОПРОСЫ ЭКОЛОГИИ

- КАРЛО ТУГУШИ.** Человек — ведущий фактор эволюции биосферы 167

ДОКУМЕНТЫ. ПИСЬМА. ВОСПОМИНАНИЯ

- АЛЕКСЕЙ ЧОХЕЛИ.** Из окна американского консульства в Тбилиси 176
ЧАРЛЗ К. МОУЗЕР. Записки о Закавказье 179

ИЗ ИСТОРИИ ГРУЗИНСКОЙ ЭМИГРАЦИИ

- НИНО КАДЖАЯ.** Одна любовь, одна святыня 195

ИСКУССТВО

- КЕТЭВАН КИНЦУРАШВИЛИ.** Возвращение на Родину 199
НАТИА БЕБИАШВИЛИ. Стремиться к нравственному совершенству. Мысли епископа Гавриила о воспитании 206

РЕЦЕНЗИИ

- ВЛАДИМИР МИКУШЕВИЧ.** Узы фатума 216

МАРТОВСКИЙ ПЕТУХ

РОМАН

Потом он сидел в автобусе и то ли спал, то ли бод-
рствовал, то ли сознавал все происходящее, то ли
не отдавал себе в нем отчета. В изнеможении полуле-
жал он, откинувшись на спинку последнего сидения —
ему представлялось, что он возвращается из далекого
прошлого, из незапамятных времен, и все что делается
и что его окружает — снится ему: черная, поблескива-
ющая дорога, свист, вой и хохот ветра, насквозь проду-
вающего открытый, с брезентовым верхом автобус, и
сам этот автобус, что спотыкаясь, трясясь, со скрежетом
и скрипом полз вверх по горной дороге, и пассажиры, с
головой укутавшись, затерявшиеся в своих пальто, ша-
лях, ватниках и побитых войною шинелях. Жутким, тре-
вожным покоем были охвачены все — вернее, это был
не покой, а оцепенение, словно ехали не туда, куда хо-
тели, и поэтому всем было безразлично, куда автобус
держит путь. Или, еще хуже — словно не знали, едут
ли вообще, или вовсе никуда не едут. Словно не в ав-
тобусе сидели, а все вместе, одновременно зародились
в утробе какого-то диковинного, огромного доистори-
ческого животного, плотно уложенные, наподобие яиц
в брюхе убитой Вало Бадалашвили черепахи, но не-
смотря на предельную близость, несмотря на кровное
родство еще не прозрели, чтобы увидеть друг друга.
Пока что у каждого было свое собственное, отведенное
ему место в материнской утробе — чтобы они не пере-
давили, не задушили друг друга по подсказке инстинкта
самосохранения; они еще должны были родиться, ото-
рваться от материнского лона и друг от друга (то есть,

Окончание. Начало см. в №№ 4, 5, 6, 7, 8.

выйти из автобуса), чтобы увидеть, узнать, почувствовать, полюбить или возненавидеть своих братьев или сестер-близнецов. Неестественно скорченные (подобно зародышам), неестественно съезжившиеся, перекошенные — наверно, из-за холода — они казались Нико такими же чуждыми и таинственными, как Нико — им, хотя ни внешностью, ни одеждой они не отличались от любых пассажиров любого автобуса. Они были в высшей степени обыкновенные, обычные, настоящие, что, собственно, убеждало Нико в том, что и он настоящий, действительный, действительно сидит в автобусе и действительно едет домой: или в Батуми (то есть, к матери и отцу), или в Сигнахи (то есть, к бабушке и тете), хотя, впрочем, это было почти одно и то же, только сейчас, в эту минуту, в полусне, Нико все же предпочел бы Батуми, хотя бы по той простой причине, что в Батуми, то есть, на поле боя, — он оказался бы дальше от той опасности, того испытания, которое обрушилось на него в Сигнахи, то есть в убежище. В этом, наверно, была причина того, что ему то и дело мерещилась смоковница с ветвями, свешивающимися из-за каменной ограды; порой, казалось, слышался ему скрип калитки и он невольно настораживался, как прежде, когда дожидался задержавшейся допоздна в больнице матери. Но он еще толком не знал, какой частью целого он был — лучшей или худшей, живой или мертвой — и, следовательно, попутчиком живых или мертвых. Но и в том и в другом случае он был все еще лишь обитателем утробы, неразумным, ничего не чувствующим плодом, который вовсе не обязан, вовсе не призван выяснять, каким образом, откуда он попал именно в эту утробу и где он окажется, где разлепит слепые глаза, выбравшись оттуда. Нико и не ломал себе голову над этим. Ему было безразлично, сам ли он, по собственному желанию, сознательно сел в этот автобус, или его подобрали на дороге в бессознательном состоянии. Это был автобус рока, а рок знал свое дело. Рок должен был определить раз и навсегда, заслуживал ли он второго рождения, вправду ли он мог оказаться лучшей из двух половин целого, или его вторая жизнь была бы подобна и равноценна первой, как одна половина разрезанного яблока — другой. Иначе говоря, кем бы он стал — снова лишь ненужным бременем для своих близких,

или носителем какой-то новой, нужной и интересной всем идеи и цели, оказался бы по-прежнему лишь свидетелем, или же участником всего происходящего — если и не прямым участником, то причиной и движущей силой. Короче говоря, сейчас должно было решиться, быть ему или не быть, — должно было определиться, что он выберет, как будет поступать — проведет всю жизнь в полусне — иначе говоря, останется навсегда пассажиром несуществующего автобуса или все-таки найдет в себе мужество, чтобы сказать в лицо убийце: — «Ты убийца!» — и, главное, докажет тому, даст ему почувствовать — если представится случай, — что несколько не боится его, тем более, что и в самом деле больше несколько его не боялся: единственно лишь жалость к убийце испытывал он — да тот только жалости и заслуживал, раз все его заветные думы, мечты и надежды были связаны с чьей-то смертью, неважно, с чьей именно — Ильи Чавчавадзе или безымянного, бездомного, безродного незнакомца. Но пока что единственной обязанностью Нико было ехать в автобусе, чтобы вновь постепенно, понемногу и, разумеется, по доброй воле повернуться лицом к жизни. И не опричники Евгении Дугладзе должны были вытащить силой его из автобуса, как когда-то вытащили убежавшего «в разбойники» ученика из пещеры, а у него самого должно было родиться желание вернуться к жизни, ожить, за ним самим был выбор — все или ничего; сейчас он должен был напярчь все силы, заставить себя не поднимать головы от ненавистных книг до тех пор, пока вглядываясь в их темную, таинственную глубину, не понял бы, до чего он мелок, слеп, жалок. Но пока что, запущенный в жизнь, как камень из пращи, суровой и беспощадной судьбой, он должен был дозреть внутри этого пропитанного бензином запахом автобуса, как Амирани в брюхе у коровы, прежде чем родиться вторично — на этот раз навсегда.

А автобус катился спотычливо, с ревом и пытением пожирал пространство и время, нырял в бесчисленные ухабы, неуклюже вилял из стороны в сторону хвостом, скрипя на нескончаемых поворотах, и слабым, колеблющимся лучом нащупывал дорогу, утопавшую в клубящемся мраке. Катился как бы наугад, не увлекаемый силой своего мотора, а подгоняемый волнами вет-

ра. И водитель, казалось, вцепился в рулевое колесо лишь для того, чтобы удерживаться на месте при толчках. Брезентовый верх изгибался волнообразно, как хвост дракона, хлопал — словно ему не терпелось сорваться с привязи и взлететь в небо, подхватив и автобус вместе с его пассажирами. А Батуми — или пусть хоть Сигнахи — вместо того, чтобы приближаться, украдкой, исподтишка, отступал все дальше и дальше. И у ревущего от ярости и беспомощности автобуса, казалось, вот-вот лопнет сердце. Ветер готов был сорвать с места всю округу, перемешать, переболтать вместе землю, воду и воздух. Но ничто не могло нарушить спокойствие, равнодушие, дремоту пассажиров автобуса; никто не спешил выйти из него — как будто мир еще не был создан, и еще неизвестно, нащупала ли бы нога вышедшего под собой твердую землю.

Внезапно Нико увидел впереди того самого волка (он ни на минуту не сомневался, что того самого), которого задавил год тому назад именно здесь, на этой дороге, если не этот, то такой же точно автобус. Тогда на автобусе ехал из Тбилиси врач, чтобы спасти тетю Варо, и водитель, возможно, в спешке и не заметил волка — или, если заметил, то слишком поздно и не смог рвануться в сторону, отвести от него свое смертоносное колесо. Так тогда подумал Нико — это были уже такие старые, привычные мысли, столько раз приходившие ему в голову, что он нисколько не удивился, увидев уже однажды задавленного волка. Зато при виде бегущего животного, все, что он считал забытым, вернее, все что он, оказывается, тщетно пытался в своей затаенности и дремоте предать забвению, сразу встало перед ним с грубо отрезвляющей явственностью: искрошенная пулей кладка стены, перепуганные лошади, Гогия, упавший на колени, окрашенный темной кровью лошадиный бок и висящий поперек седла, как переметная сума, разбойник.

А волк бежал впереди автобуса, словно луч автобусной фары, как ловко накинутый аркан, вытащил его из смерти, из одиночества, из неприкаянности. Сперва были видны только задние ноги и лохматый хвост, потом — половина туловища, а потом и весь он оказался внутри пляшущего светового потока. Шерсть свисала ключьями с его впалых боков. Запертый в конусе луча,

он бежал как-то лениво, без страха и без охоты, с мертвым безразличием, словно не убегал от автобуса, а вел его за собой, показывал ему путь — или сбивал его с пути, завлекал на край обрыва, и поэтому старался оставаться все время в поле зрения ездока — и в первую очередь водителя.

Напряженно вглядываясь во тьму, с перехваченным дыханием, вцепившись обеими руками в спинку сиденья перед собой, Нико трясся в подсакивающем автобусе. Он был уверен, что ему одному привиделся воскресший из мертвых волк, но когда кто-то крикнул водителю: «Да отстань от него, может это бездомный пес!» — разволновался еще пуще, еще сильнее стала бить его дрожь. Водитель разок оглянулся, глупо ухмыляясь, а потом, вытянув шею, навалился грудью на руль, словно рассчитывал ускорить бег машины, прибавив свой вес к мощи мотора.

Автобус с ревом преследовал волка. А волк, то ли испуганный, то ли замороженный грохотом автобуса и светом его фар, даже не пытался отскочить в сторону. И в этот раз, снова, наверно, надоела ему жизнь, снова победил он животный страх, потерял звериную осторожность, утратил звериный инстинкт самосохранения и сознательно кидался автобусу под колеса. Или, быть может, он только для того восстал из мертвых, чтобы сказать Нико на свой манер: — «Сколько раз бы ты ни рождался, конец все равно один». — А расстояние между автобусом и волком все уменьшалось. — «Жалко, что он тебе сделал?» — снова крикнул водителю кто-то, но как-то нехотя, неубедительно — быть может, даже лишь чтобы подзадорить его. Человека ведь всегда тянет именно к тому, что ему запрещают или от чего его отговаривают. — «Если не ускользнет на повороте, возьму его», — процедил сквозь зубы водитель. Оглядываться уже не было времени. От волнения волосы на голове у него стояли торчком. Нико почувствовал сперва тупой толчок, а потом ткнулся в спинку переднего сиденья, словно кто-то пихнул его в спину, — да нет, не кто-то, а ветер, как там, у старой церкви, когда он подхватил, погнал Нико к разбойнику, как бездомную собаку. Резко заторможенную машину занесло, она сбила задними колесами целый ряд столбиков вдоль обрывистого края дороги. — «Мать твою... чуть не скинул

нас, подлец, в овраг!» — выругался шофер. Машина понемногу выравнялась. Луч, скользнувший по склону, вырвал из темноты черные блестящие ветви. Водитель выключил мотор и вышел из машины. Тотчас же встал и Нико, хотя еще не знал, зачем ему выходить из автобуса, чего ему было нужно, что он намеревался сделать. А впрочем, может, уже и знал, но пока еще безотчетно. А означало это — то есть то, что он вышел из автобуса — его второе рождение. И поэтому исключительно большое значение имел этот первый шаг для всей его дальнейшей жизни.

Водитель стоял около заднего колеса и смотрел через плечо на невидимую в темноте дорогу, туда, где, по его мнению, валялся мертвый (дважды убитый) волк. Нико озяб и стал тереть себе руки у плеч. Из глубины придорожной лощины доносилось журчанье ручья. Тьма, которой была окутана лощина, пахла пылью и сыростью. Ветер на мгновение унялся — словно застыл, как автобус, на месте, чтобы перевести дух, успокоиться, остыть после перенесенного волнения; а может, это непредвиденная, неожиданная гибель, постигшая еще одно дитя природы, заставила его оцепенеть — молчанием и неподвижностью выражал он свое огорчение, сочувствие, свою жалость. Между тем, дитя природы валялось на дороге, уткнувшись носом в лужу собственной крови. — «Давай, поднимем, отнесем его. Денег дадут, да еще, может, в газете пропечатают», — сказал Нико водитель. Голос у него был хриплый от волнения и гордости. Он явно радовался своей неожиданной, удачной охоте, но пережитое возбуждение скорее подавило его, нежели принесло ему удовлетворение, — как первая близость с женщиной, которая не только не разрешила сладостную и мучительную тайну, так манившую его, но напротив, еще больше запутала в ней, ибо все, что он знал до того по рассказам и расспросам о любовной близости, привело лишь к утолению грубой чувственности, а в результате к опустошенности, к ощущению бессилия и к угрызениям совести. А ночь тихо волновалась, металась, как телящаяся корова, бесшумно шумела, как какое-то волшебное механическое устройство, — ночь, в чьем темном лоне выковывалось множество судеб, смертей и жизней, удач и несчастий, болей и радостей, ликований и разочарований.

— Что ты глаза вытаращил, не слышишь, что я говорю? — сказал Нико водитель.

Впервые сейчас посмотрел внимательно Нико водителя и ужаснулся: перед ним стоял Гогия. — «То-то я подумал, что это за подлюга сидит за рулем», — горько усмехнулся он в душе.

— Не выйдет, — сказал он громко, вызываяще.

— Отчего? Мертвого волка боишься? — осклабился Гогия.

— Думаешь, ты в самом деле волка убил? — ответил Нико вопросом на вопрос.

Гогия невольно посмотрел назад, на дорогу, утопавшую в темени, где валялся мертвый волк; на мгновение он попался на удочку, усомнился, но очень быстро сорвался с крючка.

— Хочешь, чтоб я тебя в долю взял? — спросил он, еще шире осклабившись.

— Плакала твоя награда, Гогия, и на газеты можешь не надеяться, — засмеялся в лицо ему Нико.

— Это почему? — таким же тоном ответил Гогия, но уже не так уверенно, снова барахтаясь на крючке сомнения, на этот раз прочно поддетый. — В чем дело, что ты цену себе набиваешь, чужому и то оказывают помощь, — рванулся он с крючка, но крючок еще глубже вошел в его тело.

— Так значит, по-твоему, я собаку задавил? — не спросил, а взмолился он, дескать, помоги рассеять сомнение.

— Убийца! — крикнул Нико, как тогда, у старой церкви, в кустах.

— Что ты блеешь, парень, как овца над ягненком, — вымученно пошутил смущенный Гогия, ласково и насмешливо в одно и то же время, как старший с младшим.

— Убийца! — снова закричал Нико и подбородок у него затрясся, губы задрожали, но он сделал усилие и кое-как все же выдавил из себя то, что хотел сказать, победил свою врожденную слабость. — Ты кольцо с пальца мертвого человека снял и уже однажды задавленного волка снова задавил!

— Ты, брат, я вижу, на ссору набиваешься, — еще пуще нахохлился Гогия. — Батумский ты или какой еще, мне дела нет, смотри, если я сорвусь...

Но Нико совсем больше его не боялся, лишь чувство жалости, смешанной с презрением, испытывал он по отношению к этой темной, жадной, жестокой твари; так пожалел бы он змею, попавшую в огонь, или больную, вылезшую из норы по своей воле крысу.

— Си-по-си-шел-си-ты-си-гов-си-нюк! — сказал он спокойно и как можно более отчетливо, но Гогия все равно ничего не понял.

— Что? — выпучил он глаза.

— Пошел ты, говнюк! — перевел ему Нико спокойно, отчетливо — как учитель, объясняющий урок ученику, и почувствовал такое облегчение, как будто после долгих усилий вытащил из горла застрявшую кость.

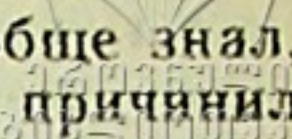
— Что-о-о?! — опешив, не сразу пришел в ярость Гогия.

— Ублюдок! — еще смелее, с охотой и удовольствием, как бы объявил ему радостную весть Нико; он чувствовал невыразимое облегчение и был переполнен никогда не испытанным, сказочным, сновидческим восторгом и блаженством — и, главное, ощущал всем своим существом, что облегчение и радость эти были заслуженными. Свободный от страха и непривычно раскованный, с какой-то безразличной снисходительностью смотрел он на Гогия, еще более жалкого в своей беспощадной ярости.

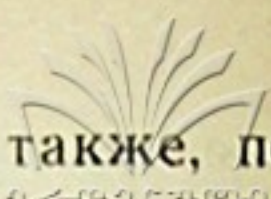
А Гогия для виду будто бы торопливо застегивал уже однажды застегнутые пуговицы своих штанов и, видимо, торопливо соображал, что делать, как поступить, чтобы спастись от срама, как устранить это неожиданное, совершенно непредвиденное препятствие на пути к почти уже обеспеченной награде. Насмешливая, желчная улыбка неподвижно застыла у него на лице, глаза, полные неуверенности и тревоги, вылезли на лоб, и вообще он отдал бы что угодно, лишь бы избавиться сейчас от этого мальчишки с трясущимся подбородком и кривящимися губами.

— Ступай, садись в автобус, приедем в Сигнахи, я тебя научу, как со мной разговаривать, — сказал он наконец Нико снисходительно-строгим, деловым тоном, как старший младшему.

Нико успел уже и забыть об автобусе; сейчас он невольно посмотрел в ту сторону и разинул рот в изумлении. Как вы думаете, что за люди сидели в автобусе?

Все его близкие, домашние, и все, кого он вообще знал, кто когда-нибудь принес ему радость или ^{причинил} огорчение. Все, все были тут: отец и мать, бабушка и дедушка, одна тетья и другая (и ее дочки Дада, Додо, Тату, Ния, Мия и Нату.), Маргарита и дядя Сандро (и с ними Фидо, Ноэ, Абэ), лейтенант и Ламара, Иосеба и Кола-полоумный (со своей лопатой), доктор и Ваночитель, Георгий Упарашвили (с супругой), священник и его дочка, дедушка Гиго и тетья Анико, Евгения Дугладзе, Кето-учительница и Котэ-учитель, Несва, Грдзело, Араминдара, Вало Бадалашвили и, разумеется, Еленица — только, казалось, все они были вылеплены из воска — тускло, бессмысленно, без интереса глядели они на Нико, как если бы на его месте была пустота, ничто. Вот только время от времени слышался ему голос бабушки — слабый, нерешительный: «Нико, Нико, проснись, сейчас придет доктор». — Голос, видимо, раздражал, дразнил, будоражил Нико, и к тому же обидно стало, что не замечают, ни во что не ставят его, вторично родившегося, свои, близкие люди — во всяком случае, никогда до сих пор и в мыслях не мелькало то, что вдруг сейчас сорвалось с языка: «Вы всеее ви-но-ваа-ты», — закричал он автобусу, а потом, не помня себя, бесновался, вытворял бог весть что. Бабушка теперь уже не тихо, а во весь голос кричала, звала его: «Очнись, умоляю тебя!», — а он в неистовстве пинал ногами огромное колесо автобуса. — «Вот вам премия, вот вам газеты, вот вам награда!» — кричал он, как безумный, и отбивал себе ступни, колотя со всей силой, со слепой яростью окаменелый воздух в шине, напрягшуюся пустоту. Но когда он совсем, окончательно очнулся — не было уже ни автобуса, ни Гогия, он лежал в собственной постели в полутемной комнате и был так счастлив, так растроган своим впервые явленным «геройством» (разумеется, в кавычках), что даже при сильнейшем желании не мог бы уже думать о смерти. Впервые он победил страх (пусть и в грезах, в мыслях, в видениях), но от этого не занесся, не зазнался, а преисполнился гордости; не ожесточился, а стал еще покладистей, мягче, отзывчивей, — в первую очередь по отношению к своим, близким, с которыми он столь жестоко расправился несколько минут тому назад, хотя бы и при помощи автобусного колеса. Но теперь он уже знал

истинную цену преодоленного страха и знал также, почему десять лет тому назад так обрадовало его предсказанное ему великое будущее — предсказанное пусть ради денег, за плату, пусть из предписываемой ремеслом угодливости — цыганкой с открытой грудью. Сражение с автобусным колесом, разумеется, нельзя было считать деянием, достойным «великого человека» (тем более, в грезах, в мыслях, в видениях), но еще труднее было вообразить, чтобы «великий человек» трусливо ударился в бегство или бросился под колеса автобуса — едва ли под «величием» разумела что-либо похожее гологрудая цыганка, которая могла, не задумываясь, за рубль напророчить любому ребенку в грядущем громкое имя и пьедестал славы, а тем более — мать, которая после трехлетней разлуки первым делом расквасила физиономию сыну только за то, что он, все эти три года брошенный, оторванный от родителей, оказывается, сбился с пути и отстал в учении, да и поведением не мог похвастаться, и, конечно, тем более — отец, который, прощаясь с сыном, впервые ступившим на тернистый жизненный путь, дал ему на дорогу холодную больничную котлету, потому что ничего другого у него не нашлось. То же самое можно сказать и о дедушке с бабушкой (между прочим, и о тете), так как и они ведь завязывались узлом и наступали себе на кишки не для того, чтобы Нико всю свою жизнь играл в кошки-мышки с Гогня.

Вот какие мысли обуревали Нико, и если порой ему становилось легко и радостно, то через минуту он ужасался собственной жестокости, беспощадности, бессердечию и неблагодарности, и всем сердцем, всем разумом, всем существом стремился назад, в детство, в эту, казалось бы, уже навеки забытую пору жизни, откуда он случайно, неожиданно, непредвиденно и преждевременно был исторгнут благодаря человеческой жестокости, человеческому неведению, человеческому бессилию и человеческому страху. Он стремился в детство, потому что на самом деле уже не был ребенком, и все из той поры, все прежде испытанное представлялось ему и впрямь по-детски маленьким, незначительным по сравнению со всем сегодняшним, всем, что предстояло испытать и перенести — и любое давно минувшее горькое переживание оборачивалось теперь сладостным

воспоминанием. Вот почему он так стремился в детство, ко всему остро-болезненному, что было испытано в детстве. Стремился, как еще незрячий щенок к материнским сосцам — распаленный материнским запахом, но еще неспособный найти, нащупать эти сосцы. — «Вот я!» — доносился временами голос матери то оттуда, то отсюда — как некогда, в лучшие времена, в батумском парке, где он бегал счастливый, с венком из сухих листьев на голове. — «Понял теперь, что такое любовь?» — спрашивала мать. А он с нетерпеливостью, с необузданностью зверя спешил к детству, к снегу, оставленному в детстве... Обильный влажным снегом было занесено, забелено все вокруг. А он, будто бы, жался к стене у дверей булочной и ждал — быть может, какая-нибудь добрая душа вернет ему потерянные хлебные карточки. По-прежнему обуревали его самые горькие испытанные им в жизни чувства, хотя и ставшие сладостными в воспоминании, и батумские набухшие от влаги снежинки сыпались ему за воротник. Он стоял и смотрел на урну. На ободке урны заманчиво, испытующе дымился мокрый, расплющенный окурок, но он не решался его подобрать — весь во власти сотрясающего душу ощущения беды, оцепенелый от страха, он не мог пошевелиться, не мог издать ни звука. Так он обречен был стоять здесь, наподобие урны, и прохожие должны были похоронить его, как урну, под плевками и окурками, потому что он потерял хлебные карточки и тем самым вынес смертный приговор своим домашним. Так он обязан был стоять и дрожать от холода, не позволяя себе даже забежать на минуту в булочную, даже отряхнуть снег, даже подышать себе на руки. Он обязан был стоять неподвижно, как полагается плева-тельнице, мусорному ведру, чтобы прохожие легко попадали в цель, плюя в нее или бросая в нее окурки. Так он должен был стоять до тех пор, пока не выскользнет из него окончательно и без остатка окоченелый, скулящий дух, пока он не перестанет различать деревья, прохожих. Вот если бы он хоть мог подобрать этот зловонно тлеющий, размокший от чужой слюны окурок, тогда... Но нет, нет, это невозможно, даже этого нельзя. Прощения, уступки, льготы для него не существуют. Если он не осознает свою вину, не покается, не вынесет себе самый суровый приговор (он и вынес!),

то даже земля не примет его труп, он будет валяться, как мертвая мышь под стеною булочной, раздвинувшись от мокрого снега. Но неужели он совершил и впрямь столь непростительный грех? Быть может, он не потерял карточки, а их украли? Все равно его нельзя оправдать! Нельзя, потому что мама, когда она вручила ему хлебные карточки — а сама она сидела у постели умирающего мужа с утра до поздней ночи, а часто и с утра до утра — мама сказала ему: «Ну, смотри теперь, мой большой сын, наша жизнь в твоих руках». А снег все засыпает, обволакивает его окоченевшее тело, еще тяжелее клонит книзу его голову, еще сильнее пригибает его к земле. Теперь он, даже если даст себе волю, все равно не сможет войти в булочную, чтобы согреться, его ноги вообще уже забыли, что такое ходьба... К тому же и булочная, наверно, уже заперта. Улица тонет в сумраке. Стена противоположного дома совсем уже растаяла, исчезла в снегу и в тумане. Нет больше и прохожих. Нико остался один. Лишь окурок еще слабо дымится на ободке урны, он один подтверждает, что есть еще, вернее, что был еще хоть кто-то в этом мертвом, занесенном снегом городе. Не оправдалась его детски-наивная, детской честностью подказанная надежда: никто не вернул ему пропавшие хлебные карточки. Никто не пожалел его. Никто не спросил, почему он тут стоит. И сейчас никто не интересуется — что с ним. Потому что он этого недостоин. Никакой он не «великий человек» — просто окурок. Притом, не тот, что еще дымится на краешке урны, а погасший, раздавленный, смешанный с грязью и слюной. Но неужели в самом деле никто не интересуется, что с ним? Неужели в самом деле никто не тревожится, где он до сих пор? И никому не жаль его, несмотря на совершенное им огромное преступление? Действительно отвернулся, отступился от него весь город? Невозможно! Невозможно!!! Тогда вообще зачем нужен хлеб? Тогда недостоин жизни и любой другой, тот, кто не потерял сегодня хлебных карточек. Если голод—это самое сильное чувство из всех, если голод может заставить нас забыть обо всем, тогда нечему и огорчаться. Но, к счастью, не так обстоит дело. Существует и избавление, и прощение. Именно потому эти мучительные, гнетущие переживания столь дороги Нико, столь незабываемы. Нико знает, чем они

завершаются, потому что уже много раз пережил, испытал их... А вот и она — избавительница, несущая ему прощение! Понемногу вырисовывается, выходит из тумана, рассекает плечами туман. Без пальто, без бот. С маленькой шалькой, повязанной вокруг головы. Она тоже, как и он, не чувствует сырости и холода, она тоже не боится пустынного, объятых мраком, замерзшего города, потому что, вернувшись из больницы, не застала сына дома. Пока она не найдет его, пока не отогреет его, не успокоит его, она будет ходить по городу, она обойдет весь город, всю землю вот так, без пальто и без бот, с маленькой шалькой на голове... — «Мой большой сын, мой большой сын», — повторяет она, обнимая, целуя, отряхивая его. А сын, как выброшенная на сушу рыба, лишь тщетно раззевает рот, из которого не вырывается ни звука, и никак не удается ему сказать, что ради одной этой минуты стоило потерять хлебные карточки, голодать, умереть от голода. Мама обнимает его, целует, дышит на его окоченевшие губы, пальцами разлепляет его веки, пытается подхватить его на руки, оторвать от земли, чтобы вернуть на землю, но сын выскользывает у нее из рук, как сеть, полная рыбы, или как урна, словно не о спасении его идет речь сейчас, а он просто играет с матерью перед сном. Так или иначе, а опасаться больше нечего, мама с ним, — единственная надежда, которая никогда не обманывает, единственная защита, которая действительно существует. Спасительница не на один раз, а навечно, прощение всех грехов (кроме невежества и безнравственности).

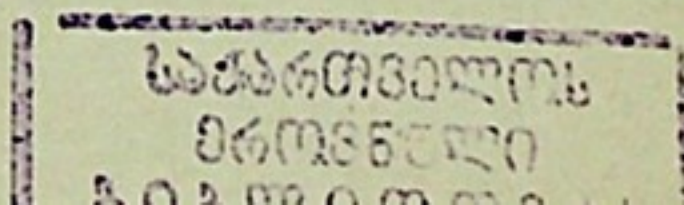
Потом он лежал ничком на своей постели (только на этот раз в Сигнахи), в рубашке, задранной до самой шеи, пахнувший спиртом и уксусом, и видел одним глазом ряды лечебных банок на стуле около кровати, пылающий ватный факел в чьей-то руке и гнувшийся под ветром темный кипарис, который постепенно наклонялся к нему и принимал облик бабушки. — «А где мама?» — искренне удивился Нико. — «Не шевелись, это последняя», — сказала бабушка, ополоснула пламенем банку и приклеила ее к спине Нико. Он непроизвольно напряг спину. Банка впиалась разогретыми губами в его лопатку, всосала в себя, причинив легкую боль, немного его плоти, и он, взбудораженный этим необычным поцелуем, почему-то растрогался, почувствовал комок в горле. —

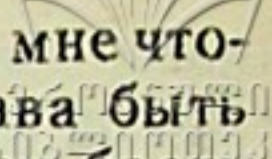
— «Скорей кончай, я все пальцы обожгла», — сказала тетя и засмеялась. Нико стало как-то покойно и легко — как бывает, когда очнешься посреди дурного сновидения и обнаружишь, что лежишь у себя дома, в своей постели. А бабушка брала одну за другой банки со стула и перед тем, как прилепить каждую, говорила одно и то же: — «Не шевелись, это последняя». — «Не мучьте мальчика, жалко», — сказала Маргарита, и ее воркующий, словно набравшийся тепла у огня голос окончательно вывернул всю душу Нико. Он прямо-таки растаял в своей потной постели. — «Когда я поправлюсь, если поправлюсь...» — начал он и тут забыл, что хотел сказать. Маргарита рассмеялась — она одна, казалось, поняла его бессмыслицу. Ватный факел пылал синим пламенем у тети в руках, а она нарочито дрожащим голосом декламировала: «Свеча, свеча, моя душа — свеча». Нико закрыл глаза, и приятная прохлада тонущего в сиреневатом сумраке театрального зала овеяла его лицо. Где-то прогремела пушка. Над почтамтом застрекотал зенитный пулемет. Это не здесь, а в Батуми. Осколок снаряда проломил черепицу. Нико невольно прижался к матери. — «Я здесь, чего ты испугался, глупыш?» — шепнула ему мама. — «Поиграй!» — попросил Нико, подняв к ней лицо. Мама глянула на него с удивлением и направилась к проданному по случаю голодного времени пианино. Вернее, к тому месту, где пианино стояло до продажи. На полу еще четко выделялись царапины, оставленные его колесиками («где теперь найдешь такой инструмент», — сказал настройщик. Не «пианино», а «инструмент» сказал он, и у Нико почему-то от гордости затрепыхалось сердце, хотя этот «инструмент» уже не принадлежал им, был уже продан, и настройщика привел как раз покупатель). В открытом окне мелькнули зеленые ветви апельсинного дерева. — «Снять банки, или еще потерпишь?» — спросила Нико бабушка. — «Пусть потерпит, мама, что ты торопишься», — сказала тетя. Маргарита засмеялась — теплым, воркующим смехом. Еленица, прижавшись спиной к стене, улыбнулась небу и сказала: — «Только что я подумала — вот, оглянись и увижу Нико». — Ничего похожего она никогда не говорила — ни разу она и Нико по-настоящему и не заговаривали друг с другом. — «Птичка мимо пролетит, меня в клюве унесет. Мимо птичка пролетит, ме-

ня в клюве унесет» — напевала тетя. — «Хватит, за-
ладила, уши вянут», — ворчала бабушка. — «Неправда
это, неправда!» — вдруг душераздирающе закричала
тетя. Нико раскрыл глаза и увидел четверых слепцов —
они стояли в ряд, бок о бок и, одинаково улыбаясь,
одинаково моргали. Как будто они пришли не повидать
Нико (да и как слепые могли бы его увидеть?), а пока-
заться ему, чтобы облегчить больному возвращение от
брёда к яви: вот, дескать, и мы здесь, то есть мир
на своем месте, и незачем бить тревогу. — «М-м-па!» —
выдохнула банка и отвалилась от лопатки Нико. Это
было очень приятно. — «Вот если сейчас его продует...»
— проворковала Маргарита. — «Ничего, выдержит, он
молодец», — сказал дядя Сандро. Слепцы заулыбались
еще шире, еще больше просветлели их лица. «М-м-па»,
«М-м-па» и еще и еще раз «М-м-па» — одна за другой
отрываются присосавшиеся к спине Нико банки. Крас-
ные, чуть вздувшиеся круги с белой серединой остают-
ся на их месте. Нико не видит их, но чувствует, потому
что знает: так должно быть. Он видел такие круги рань-
ше, на спине у одной из двоюродных сестер, в Батуми.
На стуле теперь вместо лечебных банок стояли банки с
мацони — белые, прохладные, затянутые сверху желто-
ватой, пористой пленкой из сливок. Но ему хочется
съесть не мацони, а забрать одну из банок к себе под
одеяло. Он хотел бы прижать к себе прохладную банку.
Ему жарко. Он весь горит. Но как только он протягива-
ет руку к банке, стул, на котором стоят банки, отодвига-
ется, уходит от него. А отдернет руку — и стул вместе
с банками со звоном придвигается снова. — «Непоседа,
вертун!» — выговаривает ему для порядка бабушка. —
«Значит, с нами он, цел, невредим, раз ему охотно иг-
раться», — говорит дядя Сандро. — «Мимо птичка про-
летит, меня в клюве унесет, мимо птичка пролетит, ме-
ня в клюве унесет», — повторяет одно и то же тетя.
Маргарита смеется. Слепцы по-прежнему улыбаются,
по-прежнему одинаково моргают — как будто на глазах
у них сидят дрессированные бабочки. Сами они ничего
не видят, но то, что другие могут их лицезреть — уже
великое дело. — «Через неделю будет бегать, как жере-
бенок», — говорит Йосеба, и тотчас же по всему дому
разносится сопутствующий ему запах: смутный, жаркий,
будоражащий — запах стойла, запах жизни...

А это не кто иной, как дедушка, про вино завел разговор: к этим, дескать, фасоли и маринаду вино было бы в самый раз. Разумеется, дедушка. Слава Богу! Свершилось! Решился-таки наконец повидать внука. Болезней боится. И больных тоже. Когда мама и тетя были маленькие, если они заболели, то он не мог войти в комнату, сидел в дверях и плакал. Боязливый он — но ради своих пойдет в огонь, полезет в петлю, ни перед чем не отступит, умрет, но свершит невозможное. Но какой толк — то, что другому зачлось бы за геройство, ему зачитывается за трусость. — «Это ты со страху осмелел», — говорит ему, бывает, бабушка, и он не спорит, не настаивает, не убивается из-за героических почестей. — «Пусть так, что поделаешь!» — смеется он, усталый, потный, а главное, воротившийся домой целым и невредимым. Однажды Нико и его дедушка одолжили у соседей осла и повезли пшеницу на мельницу. Вернулись оттуда они уже ночью, заочневшие, ни живые, ни мертвые. Злой, колючий ветер дул в лощине, не ветер, а ураган. Нико и не надеялся уцелеть, думал, что замерзнет насмерть. Дедушка тоже озяб, шагал как-то боком, сжавшись и уйдя с головой в воротник пальто. С носа у него свисала большая капля. Он отирал нос платком, но сразу появлялась другая капля, и так все снова и снова, без конца. Похоже на цирковой номер, но до смеха ли было тогда? И осла дедушка погонял неумело. Не его это было дело — но ничего не попишешь, его домашним нужно было есть. Дедушка погонял осла и разговаривал с Нико о его отце. В лощине было темно, едва различишь палец перед носом. Они шли за ослом, по стуку его копыт определяли дорогу — если это можно было назвать дорогой. Шли по ручью, в воде. Ноги у Нико были мокры до колен — у дедушки, наверное, тоже. Ветер швырял им в лицо оледенелую землю, сухие сучья и листья. Нико едва сдерживался, чтобы не завывать, как собака, так ему было худо. А дедушка все говорил про его отца: «Хороший человек твой отец, неудачно все у него сложилось, болезнь подкосила, а то бы очень далеко пошел». Посвоему, иносказательно, учил, наставлял внука — дескать, тебе, сыну такого отца, никак нельзя осрамиться (Нико в ту пору как раз вернулся «из разбойников»,

весь Сигнахи судачил о нем); если, мол, тебе во мне что-нибудь не нравится, это вовсе не дает тебе права быть таким же плохим, потому что пример ты должен брать не с меня, а с твоего отца. А буря завывала, ветер бросал им в лицо землю и песок. Нико не чувствовал ног под собой. Казалось, глупо было разговаривать о поведении, о порядочности, когда вокруг разыгрывалось чуть ли не светопреставление, но Нико все же внимательно слушал, ему был приятен — даже как-то согревал его — голос дедушки, и он старался, несмотря на вой ветра, не упустить ни слова. Казалось, дедушка не учил его уму-разуму, а жаловался на то, что его самого заботило и терзало. И многое еще хотел сказать ему дедушка, хоть сейчас и не время было и не место для таких задушевных бесед.

— Ах ты, мой бедный виночерпий, — говорит дедушка. — Был бы на ногах, мигом слетал бы, принес... Да, впрочем, трудно ли — ведь все тут же рядом, в двух шагах.

— Ну так и ступай, принеси сам. Возьми в шкафу чистую бутылку, — отзывается бабушка.

— Что ж, пойду, — говорит дедушка, словно наперекор кому-то; как будто кто-нибудь — жена или дочь — станет ему мешать, или как будто он сам способен приказать той или другой: «Возьми квартовую бутылку и сходи за вином». Нико — другое дело. Нико — мальчик, он все должен уметь, ко всему должен приучиться самого начала. Нет, не с самого начала, а еще раньше, прежде времени, потому что прежде времени возмужал он под натиском жизни. Потому и называет его дедушка мартовским петушком — скороспелым, ранним. И тут же, боясь, как бы не обидеть внука, клянется чем угодно, что мартовский петух и проворней, и удалей всех других, и вообще молодец, каких поискать — не найти. Но так или иначе, он скорее вовсе откажется от вина, чем пошлет за ним женщину. Он не может смириться и с тем, что посылают за вином женщин другие; взволнованный, разозленный возвращается он обычно оттуда, из винного погребка. Вы понимаете? Нет, я вас спрашиваю, вы понимаете, что делается? Женщина стоит перед этим паршивым виноторговцем в погребке и упрашивает его: «Муж велел передать, налей, пожалуйста, из маленькой бочки. Вот они, нынешние женщины. Тьфу!» — «И муж-

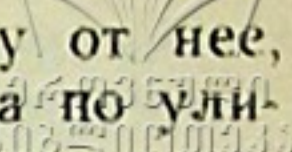
чины тоже», — подливает масла в огонь бабушка. — «Да, в первую очередь — мужчины, — соглашается дедушка. — Муж-то ее с утра душу тешит, заливают эту чашу за вождя, эту за победу, эту за тех, кто с войны не вернулся... А жизнь идет, уходит, люди!»

— Дай-ка сюда эту бутылку, — говорит он бабушке, распаясь от собственных речей.

— Возьми сам, вон она в шкафу. Некогда мне, — отвечает бабушка.

— Э-эх вы, носи вас на руках, только и знай, — ворчит дедушка.

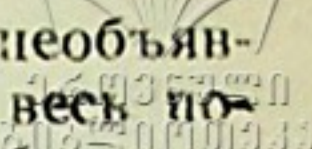
В стенном шкафу звенят бутылки. В печке гудит огонь. Это тоже заслуга дедушки — любит растапливать печку докрасна. Все подбрасывает и подбрасывает дров. Боже праведный, дрова если не сгорят — так и останутся целы, а вот мы век целы не будем. Под печкой сохнут шерстяные носки, перекинутые через поленья. Носки наверняка не Нико — ему уже давно не надобны шерстяные носки. — «Сколько он спит — не ослабеет от сна еще больше?» — спрашивает кого-то дедушка, засунув голову в стенной шкаф. Голос из шкафа доносится глухо и гнусаво: згольго он збит, не озлабеод од зна еще больше? Пока дедушка надевает пальто, кварта стоит на столе и спокойно ждет — как смиренный, послушный внук. Сейчас пойдет с дедушкой погулять — как не радоваться, но пока что хватает терпенья стоять на месте спокойно, а не прыгать, как жеребенок. Если бы это был ребенок, можно было бы сказать: стоит смиренно, как бутылка. И вот уже оба на улице — и дедушка, и бутылка. Дедушка держит кварту за горлышко двумя пальцами, словно не из дому ее несет, а нашел на улице что-то ненужное — просто, увидел и подобрал, чтобы не валялась на дороге, чтобы никто не споткнулся. Да к тому же это прекрасная бутылка, зачем ей пропадать зря? На самом-то деле, не всегда же на улицах валяются такие бутылки! Кажется, она старше самого дедушки. А он, дедушка, стесняется прохожих, иначе не стал бы нести бутылку так, на весу, за горлышко, а, пожалуй, и впрямь прижал бы ее к сердцу, как любимого внука. Может, он даже боится, как бы ее не отняли, и потому так небрежно держит ее за горлышко двумя пальцами — показывает всем, что это пустая бутылка, и никакой от нее поль-

зы, и что если кто-нибудь освободит дедушку от нее, то даже сделает доброе дело. Шагает дедушка по улице, спешит к винному погребку — сегодня у него удачный день, праздничный: давно он не был дома, не обедал по-человечески, а обед без вина, хорошо известно, это не обед. А самое главное, внук ничем опасным не болен. Прежде чем явиться домой, дедушка зашел к доктору — первым делом к нему, сразу по приезде из Цнори, еще с корзинкой; эту корзину потом принесла Маргарита, доктор сказал, что дедушка ее забыл. Но дедушка не забыл корзину, а оставил нарочно, постеснялся ее унести, язык не повернулся сказать другу детства, что это не гостинец для него, а всякая снедь, прихваченная им для дома, для своих, из Цнори: дань нужде... И в самом деле — дань нужде все то, что он приносит в этой корзинке, иной раз собранное, копленное неделями, месяцами. Впрочем, несет он свои дары весьма торжественно, заранее радуясь тому, как обрадует своих домашних. Шагает по знакомой до мелочей дороге и, прежде чем добраться до Сигнахи, тысячу раз пересчитает и проверит в уме, чем он порадует домашних, что ему удалось раздобыть. Собственно, не то, чтобы особенное что-нибудь, но все же лучше, чем ничего. Несколько ягод мушмулы для жены, как знак внимания. Бабушка очень любит мушмулу. Непременно сдерет кожицу с ягод, и причмокивает потом, и вспоминает какие-нибудь мелочи, связанные с мушмулой. «У отца моего росли в винограднике», — или — «Смотрю — а он целую корзину мушмулы принес». Килограмм водянистого сыра. Сыр должен быть со слезой, сыр должен плакать! Что за сыр, если он без слезы. Да ладно, царство небесное твоему отцу, нынче слезы даже и у людей высохли. Два или три хлеба — шоти, уже порядком зачерствевшие. Пучок чеснока — ко многим кушаньям подходит. Банка мацони, буйволиного. В Цнори хороший мацони. Подумал — может, порадуются. Шагает дедушка, довольный, радостный, как бы ни было скромно и скудно его приношение, он все же не с пустыми руками явится к своим близким. В кустах ежевики щебечет, посвистывает птичка (если сейчас лето). Он отвечает ей также свистом. Эх, ты, пичуга, бедняжка! Ежевичный куст так густо осыпан пылью, что сам на себя не похож. Словно кто-то нароч-

но запылит его (и нарочно уйму пыли откуда-то нанес!), чтобы никто на ежевику не позарился. И впрямь, не захочется, поленитесь взять палку и притянуть к себе ветку с пищей для зверя и разбойника (а когда-то и монаха, и отшельника). Но разбойнику-то как иначе быть, чем прокормиться? Поднимется на цыпочки, вытянется и так достанет до ветки с ягодами. Дедушка перекладывает корзинку в другую руку, чтобы ее не увидел разбойник. Но приветствие — Божье дело, приветствовать надо каждого, кто встретится на дороге. — «Здравствуй!» — говорит он в спину разбойнику, весь подобравшись, с тревожно бьющимся сердцем. Горше горького было бы сейчас лишиться этой, почти уже донесенной до дома корзинки. Чем меньше в ней добра, тем острее утрата. — «Здравствуй!» — отвечает разбойник кустам ежевики, некогда ему оборачиваться. Лицо и губы перемазаны у него синим ежевичным соком. Что делать, он тоже — человек, голод не тетка. Так рассказывает дедушка — хотите верьте ему, хотите нет. Как вам угодно. А ему все равно, с чего обмирать от страха — по настоящей причине или по воображаемой. Так что, даже если он все выдумал, то страху натерпелся так же, как если бы вправду с ним все это приключилось. Чего только не подумает, чего не вообразит человек, шагающий по дороге с тяжелой, доверху наполненной корзиной в руке! Бог весть который раз шагает по привычной, осточертевшей дороге, и до последней мелочи знакомо, давно приелось все, что он видит вокруг себя, и рядом нет никого, с кем перемолвиться, от кого можно ждать ободряющего слова. А дорога умеет разобратся в путнике, и если попался ей в руки боязливый да нетерпеливый — растянется, растянется, продлится нестерпимо. Но как бы она ни тянулась, всему приходит конец. Еще двести, триста, самое большее четыреста метров — и покажется источник, внезапно мелькнет, блеснет, заискрится струя в глиняном желобе. Под ней, внизу, зимой и летом, расстилается маленькая зеленая площадка, как коврик перед тахтой, чтобы ей не наступить босиком на голую землю. А путник шагает, спешит к дому. Страх перед зверем, страх перед злоумышленником, сотня всяких страхов гонятся по пятам, окликают, угрожают, завывают, подгоняют путника, стародавнего под-

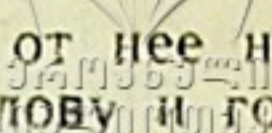

данного несуществующей страны, дезертира необъявленной войны. Иногда он добирается до дому весь покрытый потом, так что от него идет пар. Бабушка с трудом, а на взгляд даже как бы силком, стаскивает с него пропотевшую рубаху. Можно подумать, что грабит беднягу (без оружия), или, еще того хуже, сдирает с него кожу живьем. И при этом оба смеются — тихонько, про себя. Они одни знают, отчего смеются. Возможно, вспоминают ту злополучную ночь, когда он, убежав из армии, явился к жене с ног до головы заляпанный грязью. — «Такой был грязный, что хоть в дом не пускай, — рассказывает бабушка. — Еле сумела привести его в человеческий вид». — И дедушка признается — «Ничего уже во мне не оставалось человеческого — вот, когда я узнал о болезни дочери, тогда поневоле вернулся в люди, а то ведь уже стал слякотью, дорожной грязью». — Все что у них имелось в доме (не очень много), он выбросил в нужник: серебряный пояс с кинжалом, рога в серебряной оправе с монограммами, семейный альбом в бархатном переплете и сшитые вместе рукой матери Нико детские журналы... Он сам не знал, не отдавал себе отчета в том, что делает. Целую ночь он провел в беготне — сперва искал врача, потом метался между постелью больной дочери и окном с закрытыми ставнями, взад—вперед, взад—вперед, без остановки: то прислушивался к дыханию дочери, то ловил голоса жизни. — «Кому ты нужен, право, — говорила ему бабушка. — Нет у большевиков другой заботы — только и знают что тебя разыскивать». Когда бабушка рассержена, то непременно припоминает дедушке ту давнишнюю ночь. Знает, что воспоминание о ней ему всего неприятней. И правда — хоть убейте его, только не спрашивайте, что и как было тогда. — «Что было — ушло, быльем поросло», — сопротивляется он беспомощно. — «А ты Наскиду спроси», — беспощадно добивает его бабушка. Наскида говорит, что у дедушки тайная переписка с бежавшим правительством. Вернее, он так говорил до тех пор, пока дедушка не поднес ему в «пешкеш» целый пуд вина. Это, наверно, и сердит бабушку. — «Собака ему лапу не протянет, а ты не знаешь, как к нему подольститься». Когда Наскида показывается на улице, дети принимаются бить камнем о камень: Наскида идет! Наскида идет!

Он пускается за ними, пыхтя и сопя. Вечно у него насморк, вечно течет из носа. Хоть и гонится за ребятами, а нисколько не удивляется, почему его дразнят. Если даже плюнете в него, он и то не удивится, утрет лицо, а потом скажет: — «Не беда, плевков пятна не оставляет». — Знает, что виноват перед всеми и каждым, всякий может припомнить ему какую-нибудь пакость, но это его не заботит — как будто так и должно быть, а вот если бы так не было, тогда и надо бы возмущаться. Дедушка говорит: «Когда я еще в бабки играл, он уже своим ремеслом занимался». При меньшевиках он служил в тюрьме надзирателем. Носил деревянные башмаки, и по их стуку узнавали заключенные о его приближении. — «Скорей, прячьте, у кого что есть, Наскида притащился» — били тревогу. Он крал у заключенных деньги и еду. А их письма сперва читал, а потом рвал, хотя заранее получал плату за пересылку. Когда меньшевики бежали, он был арестован и оказался в свой черед заключенным, но, как рассказывает он сам, не так уж много на этом потерял — остался, как был, в тюрьме, да притом на этот раз под чужим надзором. Так, говорит, было даже лучше, никаких обязанностей, не о чем беспокоиться — я, говорит, разжирел, как свинья. Кормили-поили даром. А при меньшевиках, говорит, я замучился, считая деньги. Чтобы съездить на базар, надо было, говорит, нанять самое меньшее два фаэтона для денег. Как же, черта с два! Небось, вообще никогда не сидел в фаэтоне! — «Слушай, друг-приятель, пшмыг, пшмыг, ты такой оборотистый, пшмыг, пшмыг, наверно у тебя есть и тайные виноградники, пшмыг, скрытые от правительства», — сказал он дедушке. А дедушка многозначительно улыбнулся (а притом, небось, обмирал от страха — как бы кто не поверил) и ответил: «Ты плодов отведай, что тебе до садовника». Дедушка, правда, труслив, но добр. Очень многое случается с ним от доброты. — «И он ведь Божье создание, — говорит он о Наскиде. — Как знать, может, когда я поднес ему вино, он впервые и почувствовал себя человеком». Всех жалеет дедушка, только хорошее у него на уме. Все равно что пчела: если жужжит — значит, мед собирает, если молчит — значит о меде думает. Не его вина, если доброта нынче не ценится, если не добьешься от

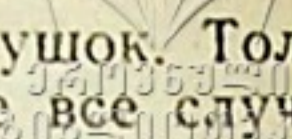
нее плодов, как ни старайся, как ни желай. Однажды он даже попробовал исправить горького пьяницу, но в результате, как говорит бабушка, только сам пристрастил к вину. А было дело так, что сама жена того пьяницы попросила дедушку, священника и доктора помочь ей, повлиять на ее мужа — может, дескать, он хоть вашего слова послушается, хоть с вами посчитается. Вот они втроем взяли и пошли туда, к пьянице, не решились отказать его жене, потому что она очень надеялась на них, вернее, только на них уже и надеялась — как-никак, один — священник, другой — врач, а третий порядочный, уважаемый человек. Ну, так вот, когда в один прекрасный день предстала перед пьяницей эта святая троица, этот миротворный, доброхотный триумвират, пьяница чуть с ума не сошел от радости, ему и в голову не пришло, что гости пришли наставить его на правильный путь. И такой стол по его велению накрыла жена пьяницы (а у нее все было заранее подготовлено), что у мертвого потекли бы слюнки. Словом, завертелась волчком бедная женщина в надежде, что вот, наконец, пришла ей помощь, спасение. И то и дело подмигивала гостям из-за мужней спины: дескать, теперь за вами дело. Немного, правда, усомнилась, когда стал разгораться пир: не понравились бесконечные тосты. Однако пока что она не тревожилась, думала, верно, что так нужно, что гости ее люди ученые, не ошибутся. Так она держалась, колеблясь между сомнениями и надеждой, до самой ночи. Но вот уже миновала полночь, а гости, явившиеся, чтобы побранить ее мужа за пьянство, отлучить его от вина, только и делали, что воздавали ему хвалу со стаканами в руках — и тогда она, наконец, взорвалась, стукнула кулаком по столу, закричала: — «Да вы, я вижу, пьяницы еще похуже моего муженька!» — Изгнанные оттуда, собутыльники отправились сперва к священнику и продолжили там кутеж, потом перешли к доктору, а когда, наконец, направились к дедушкиному дому, пьяница сложил оружие — я, дескать, больше не могу, мне с вами не тягаться, я человек больной, где мне за вами угнаться. Очень хорошо бабушка рассказывает эту историю. Шутливо рассказывает, но и от жалости к тому пьянице у нее в глазу блеснет слеза. Бабушка ведь насмешница, только скрытая, не в лоб, умеет подсмеяться исподтиш-

ка. А с виду тихоня, мухи не спугнет, лист от нее не шелохнется. Но если понадобится, придаст слову и его речи, и слабости, и, главное, — соли. Не любит много говорить, но уж что скажет, то к месту, в самую точку, и сдобрит солью. Такое иногда слово сорвется у нее с языка, что все сразу встанет перед вашими глазами, словно вы не слышите, а видите, или, еще вернее, и слышите, и видите сразу, а еще вернее, не только видите и слышите, а сами причастны к тому, о чем речь, сами действуете в ее повествовании. На балконе пьют чай, а она, как бы между прочим, отрывок за отрывком выкладывает историю исправления пьяницы. Видимо, кому-нибудь припомнилась забавная история и упросили бабушку рассказать, как все в точности было. Сама по себе она не стала бы рассказывать. Ни минуты не остается она за столом без дела — вынесет что-нибудь, внесет, не знает покоя. Но что ей выносить, когда почти ничего не лежит на столе (пусть у вас ничего не заболит — такая есть здравица у Иосебы, когда он напьется — прежде чем сахар вернется в сахарницу, масло — в масленку, молоко — в молочник, соль — в солонку, перец — в перечницу, табак — в табакерку, а деньги — в кошелек), и что она внесет, когда пусто в шкафу. Лишь закоренелая привычка заставляет ее хлопотать: разве что унесет пустую чашку или подобранную с пола ложку, чтобы, вымыв и вытерев до блеска, внести их обратно. Словно, если она остановится хоть на мгновение, все перепутается и пойдет вверх дном. Впрочем, все и впрямь перепутается. Так же, как сердце, она не может остановиться. Войдет, обронит два-три слова, немного продвинет вперед свой рассказ и сразу уйдет. А слушатели корчатся от смеха, зовут ее, упрашивают не мучить их, досказать уж историю до конца, но она свое дело знает — прежде чем продолжить свою повесть, повозится с чем-нибудь, передвинет чашку или чайник, как будто от этого прибавится красоты, изящества сервировке, при этом бросит украдкой взгляд исподлобья на дедушку — не обижается ли он на нее. При чужих, даже если этот чужой — Иосеба, она никогда ничего лишнего не позволит себе по отношению к своему супругу. Какое Иосебе дело до того, что они могут обсуждать между собой. Иосеба должен слышать лишь то, что еще более возвысит де-

душку в его глазах. — «Как там дальше было, кто из вас сцепился с этим пьянчугой? — спрашивает она де-душку, обращается к первоисточнику, чтобы не дума-ли, что добавляет от себя или выдумывает хоть что-нибудь. А дедушка хлопает себя рукой по колену и мо-гает головой: ну и память, как она только помнит все до мелочей! Не сердится — да и с чего ему сердиться, все правда. — «Да, да, так оно и было, — подтверж-дает он. — Мы свое сделали, попытались его образу-мить. Бог свидетель, не нужно было нам его вина, и вовсе не хотели мы, чтобы он еще пуще запил».

Словом, Нико и не думал, что так обрадуется, уви-дев дедушку. Сейчас он нетерпеливо ждет, когда де-душка вернется из винного погреба, и чтобы скоротать время, испытывает себя: сколько дедушкиных присло-вий сможет вспомнить до его возвращения. Дедушка ведь — ходячий сборник пословиц и басен. А для Нико вспоминать эти пословицы и поговорки — своего рода игра, и не только развлекательная, но и поучительная — чем чаще он повторяет одну и ту же пословицу, тем лучше ее понимает. Недаром ведь сказано, что повто-рение — мать познания. Кроме того, он еще и проверя-ет, по слову Ваню-учителя, не притупился ли у него ум от долгого бездействия, пока он лежал больной в посте-ли. Значит так: лучше недоедать, чем долгов набирать. Трудно, но верно. Неуч сел на камень — камень к кам-ню пристал. Это обо мне сказано, — улыбается Нико. Богатство бедняка — дети. Дети, а не дитя, один сын или дочь, хотя бы даже сам Нико. Чистота красоте ров-ня. Всех беспощадней — трус. Что правда, то правда. Гогия безжалостный. И его приспешник, ни парень, ни девка — тоже. Но в конце концов ведь заставил их Ни-ко умыться слезами! Послушали бы вы, как он скулил! Ой, рука! Ой, рука! Ой, рука! Небось, задумали — про-учим как следует этого батумца, а потом будем измы-ваться над ним, сколько нам заблагорассудится. Ошиб-ка Нико в том, что он сразу не догадался, какой подвох они ему готовили. Впрочем, может, и догадался, но не отступил, чтобы они не заметили в нем страха, не за-хотел показать себя трусом перед озорниками, которые хотели свалить его, сбить с ног, унижить так, чтобы он плакал от обиды и злости. Он добровольно дал себя одурачить, чтобы скрыть свою трусость. Какой он мар-

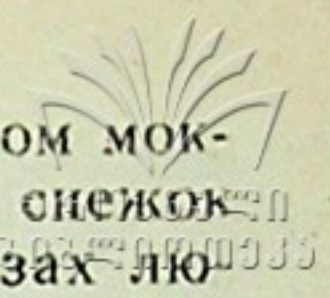
товский петух — просто обыкновенный петушок. Только одного он желал тогда — чтобы скорее все случилось. Велосипедный руль ходил ходуном, вырывался из его трясущихся рук. Казалось, водопад, подхватив его, низвергался с ним в пропасть. В лицо ему бил горячий, колючий ветер, из глаз струились слезы — дань добровольной слепоте — и тотчас же высыхали на пылающих щеках; водопад с гулом и громом несся с кручи и увлекал его вниз, где ждала его незаслуженная, унижительная боль, цена сохраненного, незапятнанного достоинства. Собственно, враг, если правду сказать, пострадал гораздо больше, чем Нико: его велосипед, весь искореженный и измятый, валялся на дороге с намотанной на переднем колесе веревкой, а сам он ползал по траве, как кузнечик с оборванными крыльями, и скулил: «Ой, мамочка, рука». Отложил на завтра дело — глянь, зима уж подоспела. Это дедушка, должно быть, о себе говорит, уж он-то мастер откладывать, ни за что не сделает сегодня того, что можно сделать завтра. Даже если стул понадобится с места на место переставить, и то он будет целый день думать и волноваться. Чем больше слов, тем меньше дела. Не бывает веселья без слез, не бывает горя несмеянного. — «Это ты потом поймешь, — сказал он Нико, — когда узнаешь жизнь, опыта наберешься». — Но Нико и сейчас все прекрасно понимает, он ведь уже прожил одну жизнь до конца. Из-за завтрашних забот что сегодня изводиться? А это уже о бабушке. Нет-нет да и ударит себя по щеке: «Что с этим мальчишкой будет, когда он школу окончит?! А время ли сейчас об этом думать — до окончания школы еще вон как далеко! Да и спросите сперва Евгению Дугладзе, даст ли она вообще аттестат зрелости Нико? Может, ей скорее волчьего билета для него не жалко? Она ведь уже однажды чуть было в волка его не превратила! Нико и Вало Бадалашвили двое суток жили в волчьем логове. Сами-то они, правда, называли его пещерой, но как знать, может это и вправду было брошенное волчье логово — уж не того ли волка, которого перед тем раздавили на дороге? Он и Вало с трудом втискивались в эту дыру и еле назад вылезали, когда требовалось. А сверху на них все время сыпалась земля, так что они все время, когда спали и когда бодрствовали, лежали с закрытыми глазами,

как мертвецы, и прижимались друг к другу, как близнецы в утробе, или, вернее сказать, как мумии фараона и его жены в общем саркофаге. Мышь и ту жалко, если на одну единственную норку вся ее надежда. А он и Вало вдвоем на одну нору надеялись. И в эту нору загнала их Евгения Дугладзе. Если бы их вовремя не разыскали, они, пожалуй, и задохнулись бы в конце концов в этой тесноте. Иногда у них возникало такое чувство, словно они остались одни на свете, и тогда им противно становилось даже глядеть друг на друга. От ненависти они готовы были зубами вцепиться один другому в горло. Благо, дотянуться было не трудно, они были зажаты в узкой щели, и каждый чувствовал горячее, яростное, испуганно-прерывистое дыхание другого на своем лице. — «Ты во всем виноват! — злился Вало Бадалашвили. — Подумаешь, тетрадку со стихами разорвали. Тоже мне Важа Пшавела!» — «Трусись, потому так разговариваешь», — не уступал Нико. Потом они долго молчали, прислушивались к звукам ночи, старались по дыханию определить настроение друг друга. А клочковатая, вспугнутая тьма клубилась, металась в пещере, как дым в заделанной трубе. Где-то совсем рядом, словно у самого уха, раздражалась хохотом гиена или оторвавшийся обломок скалы со свистом прорезал воздух, падая в ущелье, и Вало Бадалашвили снова овладевали страх и сожаление. — «Ты виноват, ты во всем виноват!» — шептал он, задыхаясь от волнения, с бешено бьющимся сердцем, словно сию минуту прибежал откуда-то издалека специально, чтобы это сказать. — «Самолюбие надо иметь, а загонит нас в пещеру Бог или Евгения Дугладзе — не все ли равно?» — говорил Нико уже остыв, угомонившись, примирительным тоном, словно извиняясь перед товарищем, но все же не признавая окончательно, что виноват — не только перед ним, но и вообще. Впрочем, он и сам уже жалел, что все получилось так глупо, и ждал рассвета с тайной надеждой, что опричники Евгении Дугладзе непременно их разыщут. Зато в отличие от Вало Бадалашвили он уже понял, что в его жизни произошел огромный, роковой перелом, что он помимо воли, совершенно случайно, всего лишь благодаря тетрадке своих стихов получил самый сложный и притом самый простой жизненный урок — сложней-

ший из-за своей осязаемой простоты и простейший из-за своей бьющей в глаза сложности, ибо это был урок высказывания мысли без слов, движения через неподвижность и проявления силы через бессилие. Разбойник — это не обязательно ведь грабитель! Как говорит Ваню-учитель, было такое время, когда вся Гурия ушла в лес, в разбойники. Не для того, чтобы делать что захочется и поступать, как заблагорассудится, а для того, чтобы мирно и честно, никого не страшась, и жизнь свою уберечь, и достоинство сохранить. Разбойник жил, оказывается, тогда, как крестьянин, был так же беден и занимался тем, чем занимался и что умел делать прежде, до того, как ушел в разбойники: вырубал где-нибудь в неприступном месте, в дремучем лесу участок под пашню и из года в год пахал, сеял, мотыжил, полел... К разбойнику, бывало, приходили из деревни занять кукурузы. Держал разбойник и козу, и кур. Иной даже пускал лозу на дерево, делал вино и жил себе тихо, миру и людям не в тягость, хотел — сочинял стихи, хотел — описывал свои приключения. Все у него было, что полагается крестьянину, но в конце концов добиралась до него власть, окружала, брала в кольцо, всаживала в него десяток-другой пуль, опрокидывала кипящий котелок в очаг, обрубала с дерева лозу, разгоняла коз и кур, а напоследок снималась, присев на корточки рядом с изрешеченным пулями, боногим разбойником, на память о лучших днях... И тем завершалась жизнь еще одного выловленного властями разбойника. Ну, а Нико и Вало Бадалашвили как раз вовремя застигли опричники Евгении Дугладзе, подспели в последнюю минуту — опоздай они еще немного, и сам черт не смог бы беглецов разыскать: столько снега навалило в тот день, что люди через крыши забирались в свои дома. Когда «разбойников» взяли, валил снег. А когда их привели в Сигнахи, город был уже весь занесен снегом. Веселый гомон стоял вокруг. Из домов таскали в ведрах воду, поливали улицы, устраивали каток. Со скрипом волокли санки, торопливо прикрепляли к ногам самодельные деревянные, подбитые жестью коньки. Девочки выходили из школы, закрывая лица школьными ранцами, покорные судьбе, примирившись с неизбежным — не сидеть же было в заледенелой школе до утра, под защитой однорукого

скелета. Как гранаты, рассекали воздух со свистом мокрые, крепко скатанные снежки. Убить такой снежок не убил бы, но мог зашибить до темноты в глазах любую девочку, от младшенькой до старшеклассницы. Поддай руку, подружка, падаю! Отсохни рука у того, кто швырнул! Только для Нико и для Вало Бадалашвили не существовало зимних утех. Их еще вели, они были лишь недавно схвачены и еще не миновали старой церкви. Поэтому город не помнил о них — но когда кто-то закричал: — «Разбойников ведут!» — весь Сигнахи, со своими санками и коньками, высыпал на пригорок. Впереди всех стояла Евгения Дугладзе, со скрещенными, как у Наполеона, на груди руками и смотрела сверху на пленных бунтовщиков. Ветер развеивал листок письма, высывавшийся у нее из-под локтя. Когда она в первый раз прочла эту записку, у нее сперло в груди дыхание, она не могла вздохнуть — Котэ-учитель целый час колотил ее кулаком по спине. — «Тот, кто это... Тому, кто это... Того, кто это написал...» — повторяла она, как сумасшедшая, и бегала из класса в класс, размахивая запиской Нико. А сейчас она стояла на пригорке, как угрюмая, мрачная, неприступная крепость, вся окутанная реющими снежинками. Где-то внизу, под ногами у нее, ее опричники волокли оскорбителя. Волокли с торжеством, горланили, старались перекричать друга друга: — «Поймали, схватили, ведем, э-ге-гей!» Не ждали, что так легко удастся взять разбойников — Вало Бадалашвили не дал им подняться к пещере, сам скатился радостно навстречу. Теперь они громко, так, чтобы слышно было Евгении Дугладзе, хвалились и всячески раздували свои заслуги в надежде обеспечить себе в конце учебного года похвальные грамоты. И Нико сердился не столько на Евгению Дугладзе, сколько на ее опричников, потому что Евгения Дугладзе делала свое дело, а они — чужое. И действительно, не их это было дело — преследовать Нико; но у него так перекосилось лицо, так свело челюсть от ярости, что он еле ворочал языком, не то высказал бы им все, что о них думал — и, право же, знал, что им сказать так, чтобы они надолго запомнили. Если ты ученик, то должен учить уроки или не учить уроки, но ловить разбойников не твоя забота. Для этого существуют Роланд, Георгий Упарашвили, Несва, Грдзело, Араминдара... Но

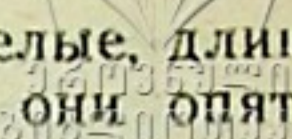
вот, поди ж ты — «Э-ге-гей, схватили, поймали, ведем!» — орут они, как пьяные дружки на свадьбе, И с такой готовностью, с такой охотой исполняли поручение — казалось, прикажи им Евгения Дугладзе притащить к ней за волосы собственных матерей, и то не посовестились бы, не отказались. Зато они отличники, всем известные люди, пример и стимул для других, хотя, имей Нико такую возможность, их самих ткнул бы стимулом в одно место. Но он был пленником, он был беспомощен, и ему оставалось лишь примириться со своей участью. И все же — ноги у него отказывались идти, смерти подобно было для него сейчас появиться в Сигнахи, пальцы у него сводило и, казалось, что разорвется, не может не разорваться готовое выломать ребра сердце; но не Евгению Дугладзе боялся он, а стыдно ему было перед своими — бабушкой, дедушкой, тетей — так как перед тем как уйти в разбойники, он ни на минуту не задумывался, какую огромную боль причинит их исполненным вечной любовью и верой в него, навеки преданным ему сердцам, какое несмываемое в глазах сигнахских сплетников пятно он оставлял на их лицах, застывших в смятении и изумлении от его неблагодарности. Ни на мгновение не пришла ему мысль, что он просто мелкий, низкий человек и обыкновенный воришка, когда упихивал в мешок недельный запас хлеба и последний кусок копченого окорока и потом, вскинув мешок за спину, на цыпочках крался по двору. Ни разу не заколебался он, ни разу не спросил себя — а имел ли он, сын такого человека, как его отец, право так поступать. Больше того, опасаясь, как бы не скрипнула калитка, он перекинул мешок через забор и сам перелез вслед за ним. Обо всем этом он задумался лишь позднее, когда опричники Евгению Дугладзе вели его, связанного, домой и горланили на радостях: «Схватили, поймали, э-ге-гей, ведем!» Между прочим, копченый окорок съели те же опричники, и так оно и должно было случиться, вернее, и это было Нико поделом; отнятое у близких не могло пойти ему впрок; за два дня он и Вало Бадалашвили и двух кусочков от окорока не отшипнули, едва могли зубы разжать — а те, опричники, в два счета разделались со свиной ногой, и тем завершился земной путь кабанчика, с самого начала неудачный и ничего не принесший, кроме мно-

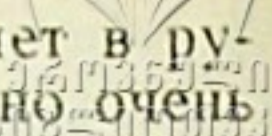
жества неприятностей. Правда, Маргарита сказала, что увидеть во сне покупку свиньи — к богатству, а на яву все оказалось совсем иначе. Началось с того, что дедушка и Нико насилу привели кабанчика из Цнори — хорошо, что сами остались невредимы. Дедушка оцарапал себе руку, Нико порвал штаны; от усталости оба еле стояли на ногах, шли не по дороге, а через заросли и чащи, напрямик — с ног сбились, гоняясь за поросянком. А тот все норовил удрать, все тянул в сторону, лез под каждый куст, в каждую канаву, в каждую норку, просто в землю, как крот, а веревку так загадил, что и в руки взять ее было противно. То дедушка, то Нико все время держали его за одну из задних ног, но он и на трех других бежал быстрее, чем они оба, и с истошным визгом тащил их за собой. И после, до самого того дня, когда его закололи, он изводил всех, всем истребал нервы. Гость не мог войти во двор — кабанчик кидался на каждого, чтобы укусить — словно бешеный, или пьяный, или черт его знает еще что. И никак нельзя его было насытить — весь двор рылом перекопал, все пожирал, что попадется на зуб, съел саженец абрикоса, куст жасмина, бабушкины розы (сор для варенья), съел палас, бельевую веревку, гнездо для наседки, топорище, дедушкины старые сапоги (еще дедушкиных солдатских времен, с присохшей тогдашней грязью), и если бы его не закололи вовремя, должно быть, съел бы и их самих. Но что толку — оказался он беспородный, тощий, негодный, весь — одна щетина; ошпарили — и ничего от него не осталось, валялся на доске, точно утонувшая в ливень крыса. Нарезанный и засоленный, он поместился весь целиком в одном маленьком котле. Другие не знают, куда свиное мясо запихать, бочонки набивают доверху, а этот весь уместился в одном маленьком котле, и крышка свободно закрылась. А последний окорок этого кабанчика, вот, слопали чужие, сразу, целиком, вместе с кожей и костями (впрочем, белоснежной бедренной костью размахивал над головой, как гантелью, Лео: «Схватили, ведем, э-гей!») — слопали и еще накнулись с притязаниями на законного владельца: дескать, коли уж в разбойники подался, надо было побольше мяса захватить в дорогу. Нико слушал их упреки, понурился, и старался только справиться с трясущимся подбородком, унять

эту постыдную дрожь. Лучше всех, слаще всех, мой дом, мой дворец. Коли вовремя выпить, сладкая отрава. От спешки сука слепыми щенятами оценилась. Но где же дедушка до сих пор? Повстречал, наверно, кого-нибудь по дороге. Верно, постеснялся сказать, что торопится, внука целый месяц не видел. Денег ад боится. Деньги ад могут разрушить. Деньги — маленький Бог. Правильно. Верно. Ангела в разбойника могут превратить, а разбойника — в ангела. Охти мне! Мой-то человека убил, а ему даже спасибо не сказали! Неужели человек стоит меньше волка? Деньги лучше безденежья, что там ни скажи. Что любовь, что ненависть — обе слепые. Отсюда следует, что любовь слепа. Нет, не слепа она, а сама есть слепота. То, что зовут слепотой, — есть любовь, а то, что называется любовью, — есть слепота. У везучего человека и бычок отелится. Кто не бежит, тот и не падает. Не совсем так: дедушка побежал — и упал, папа не бежал — и все же упал, Нико сперва упал, а потом побежал. Убежал от Гогия, от этого жалкого убийцы. Стоит взять палку в руки, как вороватый кот шмыгнет за дверь. Вот почему поят кошачьим лимонадом. Лучше бы с самого начала давать крысиного сахара. Лучше ли? То слово — сила, что через девять дверей пройдет. В деревенской глуши из исподних платье сошьют. Лапоть лаптем останется, будь он хоть из чистого золота. Сирота сам себе пуповину перережет. Кто отец сироты? Господь Бог. У кого душа не болит, тот слезы не обронит. Честный человек в рваной чохе ходит. Но нынче большинство людей одето в рваное да в латаное. Как-то раз доктор в шутку рассказывал: умер, говорит, честный человек, и не знали, как хоронить. Нынче всех одинаково хоронят, честных и нечестных, порядочных и непорядочных, больших негодяев и малых: впереди знамя, сзади — оркестр. Цам-парампацампарампа-рампампа. Цену здоровья знает больной. От чужих дел душа болит, а от своих дел спина. Сокол сокола высиживает, а ворона — ворону. Посадил я орех и вырос орех, будет сын такой, каким был отец. Если это так, то из Нико должен получиться хороший человек — вернее, мог бы выйти хороший человек, если бы его жизнь пошла по правильному пути, если бы он не повстречался со всякими Гогиями и Лео. У Гогия глисты. Он их скинул однажды в школьной

уборной — не черви, а прямо-таки змеи — белые, длинные, с хорошей ремень длиной. Скинет, а они опять заводятся. Ничего не помогает — ни жареные семечки, ни вареные. Не у него глисты, а он у глистов, не он им, а они ему хозяева. Он просто — гнездо глистов. Приходили и к бабушке Нико за лекарством, но и бабушкино лекарство не помогло. А бабушка всем помогает. Кто бы на что ни жаловался, раскроет свой «Карабадини», словно писатель Судеб свою книгу, и какие только ни записаны там травы да цветы! Тут тебе и фенхель, и ассирийский сельдерей, и просто укроп, и белосус, и козлобородник, и подорожник, и зверобой, и чабер, и мак, и роза, и ревень, и репница, и шафран, и карликовое дерево, и черника, и росный ладан... Что, все я должна кадить вам ладан, курить фимиамы? До каких пор? Уже и жизнь прошла. Девчонки, мои ровесницы ходят на высоких каблуках, пудрятя и помадятся... Гиацинт, белена... Ты случайно не белены объелась? Как с отцом разговариваешь? Как с отцом, говорю, разговариваешь?.. Шиповник... Нико собрал, наверно, шиповника больше, чем весит сам. Как только приехал из Батуми, тотчас же погнали его в лес за шиповником. Вся школа от учителей до первоклассников была отправлена в лес, собирать ягоды с колючих кустов. Фронту был нужен шиповник. Кожа у детей пошла волдырями, зуд их мучил так, что они беспрерывно чесались, до того, что расцарапали себя в кровь. Руки даны не только для того, чтобы собирать шиповник, но и для того, чтобы чесать, где чешется... Боярышник, перекапти-поле, лесная мята, полынь, горький миндаль, трилистник, белый мак, ворсянка, касатик, зимоцвет и еще тысячи и тысячи других... Такие все красивые названия, что сколько ни повторяй, никогда не надоест, как играть в «Флирт цветов». Впрочем, карты этой игры, принадлежащие Нико и его родным, в руки уже взять нельзя. Кому только их ни одалживали, кто только их ни забирал! Попросят на один вечер — скажи большое спасибо, если принесут через месяц. Очень эта игра распространена в Сигнахи. А званый вечер без нее и представить себе нельзя. Она считается признаком «культурности». Ну, во всяком случае, надо хоть уметь читать и писать, чтобы принять в ней участие. Но самая большая беда в том, что все хотят быть поэтами, как

дый воображает себя поэтом, как только возьмет в руку карандаш. В годы войны поэты действительно очень размножились — потому что война до самых тайных глубин потрясла душу и сердце людей, лишила их корня, опоры. Иной раз такое припишут и добавят, что посмотришь, в отчаянье придешь. И разобрать порой не просто — иной какие-то каракули выводит, видно, недавно писать научился, а иной нарочно, для красоты, чтобы себя показать, превращает буквы в кружева. В картах, принадлежащих родным Нико, добавленный текст превышает уже по объему основной. Незабудка: Извините, туфли вам не жмут? Или, еще хуже: Ромашка (по-грузински цветы не назовут — от бо-ольшой культурности). Уважаемой Ивлите: войду, куда велите. Поэт там или не поэт, а уж если кто-нибудь может сказать: дивитесь на меня, вот какой я человек — так тот, кто это написал. Не скажет мошка комару. Как говорит Серго Цалтвинашвили, не поймешь, не газбегешь, что твоится. Да ничего не творится такого, что не творилось бы раньше несчетное число раз и что не будет твориться всегда, пока на земле рождаются и умирают люди. Как в природе день сменяется ночью, а ночь сменяется днем, так и в жизни человека за возвышением следует упадок, за просвещением — отупение, за одухотворенностью — одичание... И так будет всегда, ибо жизнь одинаково сладка, будь ты очеловеченный зверь, или озверелый человек. Зато все любят суетиться у чужого гроба — ах, не пропустить бы это, не забыть бы про то — но лишь до того, как мертвый начнет смердеть, испустит трупный запах. И тогда его поспешно засыпают землей, закапывают в землю глубоко, как можно глубже, — с глаз долой, из сердца вон. Клетка все равно клетка, хоть золотая, хоть деревянная. Нужен пастух и сотне овец, и одной овце. Забудешь печаль от новой печали. Для кошки игра, а из мышки дух вон. Одна свинья всю Джавахети дотла разорила. Интересно, о ком это речь, что это за «свинья», что вошла в пословицу. Свеча под собою не светит. И зачем свече под собою светить. А вот у иного человека не грех бы всю исподнюю осветить, многое стало бы видно, старательно запрятанное и утаенное. А свеча... Знаете, что такое свеча? Горит и светит. Другим свет дарит, а сама сгорает, тает, исчезает. Недаром гово-

хорошем человеке, что он как свеча. Маргарита сказала однажды священник: «Ты не женщина, а зажженная свеча, добро творишь, слепых призреваешь». Но Маргарита почему-то рассердилась — эти, говорит, слова скорее к моему мужу относятся, если есть у тебя вправду какая-то сила, о нем молись. Нико и Вало Бадалашвили случайно подслушали их разговор — сбежав с уроков, они сидели под церковной стеной за углом и грелись на солнце. Сначала они затаились из любопытства, но потом услышали такие вещи, что никак уж им нельзя было выйти из укрытия. Маргарита плакала (это больше всего удивило и встревожило Нико). — «Довольно, не плачь», — успокаивал ее священник. А Маргарита повторяла одно и то же: «Молись за моего мужа, его всех жальче, вы ведь не видали, вы не знаете, каково это — смотреть, когда слепец плачет». — Нико казалось, что все ему снится. Изумленно смотрел он на Вало Бадалашвили и, приложив палец к губам, показывал ему, чтобы не шевелился и не подавал голоса. Никогда ничего похожего он от Маргариты не слышал и не думал услышать. Если Маргарита рассказывает что-нибудь, то всегда со смехом. Она сама всех подбадривает и успокаивает, и тот, кто не заглядывал ей в душу, не поверит, чтобы на долю этой красивой, веселой женщины могло когда-нибудь в жизни выпасть горе, обида, тяжелое переживание. О своем прошлом она тоже рассказывает другим весело, шутливо, словно все, что с нею случалось в жизни, забавно и смешно, имело единственной целью развлекать ее нынешних слушателей и не оставило никакого следа ни на лице ее, ни в ее душе. А между тем, если вдуматься, то она — просто несчастливая женщина в самом обычном смысле этого слова. Еще девочкой, почти ребенком, братья выдали ее замуж за какого-то синахского фотографа. Сбыли ее с рук, отделались от нее. То одна, то другая сноха в мужней семье топала на нее ногами. А она, смешно вспомнить, толком даже не знала, почему ей надо ложиться в постель с чужим мужчиной. Фотограф оказался подонком, каких свет не видал — потихоньку делал с Маргариты всякие снимки и продавал их вразнос по духанам, по вагонам, по базарам — до тех пор, пока не угодил в тюрьму. А Маргарита вспоминает со смехом, что у него был на мизинце

длинный-предлинный ноготь, которым он и соль зачерпывал, чтобы посолить еду, и ковырял в ухе. Саму Маргариту спас на суде адвокат — представил ее не соучастницей мужа, а жертвой его корыстолюбия и развращенности, и так вошел в роль, что заставил рыдать весь зал, включая судей и заседателей. Словом, как со смехом рассказывает Маргарита, воевал до тех пор, пока не отправил Маргаритиною мужа надолго в тюрьму, а сам стал ее любовником. — «Ходить за ним приходилось, как за малым ребенком, — смеется Маргарита. — Даже сахару в чай должна была я ему накладывать». — Когда он приезжал в Сигнахи по каким-либо судебным делам, то останавливался непременно у Маргариты — «как в собственной семье». На всякий случай у нее хранилась смена белья, домашние туфли и зубная щетка. Но однажды ему стало плохо, и он спешно отправил Маргариту на почту, чтобы она вызвала телеграммой его жену. — «Я уж и не знала, — смеется Маргарита, — от его имени посылать телеграмму или от своего». — И тогда она, как обычно, пошла к дяде Сандро и спросила его совета — как ей поступить. Это у нее было, оказывается, так заведено — приходить к дяде Сандро со всеми своими заботами. Не было у нее больше близких — у кого бы за нее душа болела. Братья даже не интересовались, что с ней, как она живет. У дяди Сандро стояла как всегда на коленях чашка с водой, он макал хлеб в воду и слушал Маргариту. — «Слушал и не говорил ни слова, — смеется Маргарита. — Словно я непременно сама, без его подсказки, должна была понять, что моя судьба — это он, и иной дороги у меня нет». — Ну, и догадалась. Пришла к нему еще раз и сказала: «Чем мне на веревке, тобою свитой, висеть, лучше я у тебя самого на шее повисну». — Все это очень хорошо, но неужели требуется столько времени, чтобы купить бутылку вина? Десять раз до сих пор можно было вернуться не то что из ближнего погреба, а хоть из «лавки» нукрианского Мафусаила. Правда, оттуда не так легко унести ноги. Если допустишь такую оплошность, что спросишь, как он себя чувствует, то, конечно, не отвяжется: «Почему спрашиваешь? Плохо выгляжу?» А как ему еще выглядеть — не вечно же по земле ходить! Всех, какие были, близких пережил. Как звали отца

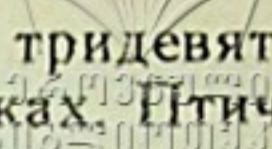

и мать уже не помнит. Штаны спускает тогда, когда следует поднимать. А скажут --- рассердится, это ему не по нраву. Как же, как же, лопни твои глаза! Скрючит, расслабит, перекосит его подступившая смерть, а в последнюю минуту все же другого вместо него уведет, словно он все еще не выбрал до конца то, что было на его долю бог весть когда отпущено. И сидит он, весь перекошенный, перекореженный, в комнате с настезь распахнутыми дверьми — а воображает, что в лавке! — и с терпеньем паука дожидается несуществующих покупателей: «А ну, кто сказал, что нельзя торговать», — и ткнет палкой в сторону бумаги с царским гербом, висящей в рамке на стене наподобие картинки. Ничего для него не меняется, ничего на него не действует. — «Пока дух в теле, пока дух в теле...» — лопочет он, с трясущейся головой. На «прилавке» у него водружен старый (прошлого века) истрепанный альбом, только наклеены в нем не фотографии, а рекламные объявления, вырезанные из таких же старых-престарых газет. Если пожелаешь, можешь рассмотреть, почитать, он не помешает. Напротив, ему даже приятно, он гордится тем, что кто-то рассматривает его альбом: может, покупатель? Сидит, трясет головой, в уголках слюнявых губ подрагивает еле заметная улыбка — то, что осталось от улыбки, — сидит, глядит на тебя провалившимися, красными, водянистыми глазами, словно у него в самом деле имеется все, что перечислено в этом альбоме, и он только ждет, сколько и чего ты купишь. Не торопитесь, сударь, ознакомьтесь и выберите без спеху все, что вам нужно; хотите — из колониальных товаров, хотите — из аптекарских и химических, все самого лучшего качества. Может, вам нужны патентованные средства для очистки воздуха, для дезинфекции или для уничтожения насекомых? Или всевозможные, разнообразные украшения, краска для волос, бровей и ресниц, парфюмерия и косметика? Есть у нас множество улучшенного качества металлических граммофонных пластинок, русских, грузинских, армянских, азербайджанских, иранских, турецких, польских, французских, немецких и всяких других знаменитых певцов. Выбирайте что вам угодно. Только при выборе просим обращать внимание на нашу фабричную марку: «Пишущий амур» (гм, гм), без которой пластинка представ-

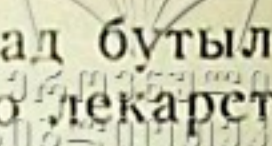

ляет собой подделку. Но если вы любитель добротной еды (и не забыли ее вкуса), то пожалуйста сюда. Всегда в наличии самые свежие (гм, гм...) высшего качества балык, осетрина, севрюга, лососина (донская и грузинская), белужий бок, любые рыбные консервы и икра всех видов и сортов. Цены доступные для всех. Исполняем любые заказы своевременно и добросовестно (гм, гм). А у самого, при такой рекламе, всех-то «товаров» — несколько кусочков похожей на сухой птичий помет жевательной смолы в надбитом стакане, полторы головки маринованного (а точнее — гнилого) чеснока на грязной, бог весть с каких пор немытой тарелке, горсть некаленых семечек на дне небольшого мешочка... И все же он торгует, торгует, несмотря ни на что, утоляет свою страсть к торговле. Играет в торговлю, впав в детство, и это нисколько не удивительно, потому что он только и может теперь «торговать», то есть сидеть в комнате с открытой дверью и дожидаться несуществующих покупателей. Когда человек старится, говорят, он впадает в детство — как будто детство означает дурость и тупоумие! Ну так нукрианский Мафусаил с каждым днем все больше впадает в детство, и ему все больше хочется играть. А уж если залучит вас для разговоров, не отпустит. Да, но дедушке-то незачем было добираться до самого Нукриани! Где же он до сих пор? Посреди слепых кривой — полководец боевой. На словах — ох да ах, а на деле неплох. У докуки-печали мать потаскушка: и туда пойдет, и сюда подастся. Деньги топором себе путь прорубают. Деньги, деньги и деньги. Все о деньгах думает человек — и потому, наверно, не умеет их добывать. Или, если добывает, то оказывается их жертвой. На цвет — алее рубина, на вкус — вода из графина. Так обычно дедушка говорит о вине, принесенном из погреба. А бабушка нападает на него: «Был бы ты смельчак, так лучше сказал бы это там, когда покупал, чем теперь тут смеяться; коли знаешь толк в вине, так чего же даешь себя обманывать?» — И если дедушка не смолчит, ввяжется в спор, то ему могут припомнить и самое отдаленное прошлое — разговор из-за бутылки водянистого вина растянется, растянется, и в конце концов будет даже сделан вывод, что только по вине дедушкиной мягкотелости, нерешительности и боязливости од-

ну его (и бабушкину) дочь унесло куда-то за тридевять земель, в Батуми, а другая сидит дома в девках. Птичка мимо пролетит, меня в клюве унесет. Птичка мимо пролетит, меня в клюве унесет. А дедушка уже возвращается, наверно, из винного погреба. С чего бы он стал там, в погребе, так долго задерживаться — если, конечно, не случилось то, чего он больше всего боялся и из-за чего обычно посылает за вином вместо себя Нико. То есть, если кто-нибудь не пригласил его там выпить с ним стакан вина, и дедушка, хоть и обливаясь холодным потом, но не смог уклониться — и ведь не может он пить вино на голодный желудок, да еще стоя, как лошадь, но и отказаться не хватает духу, стесняется, раз так уважили его, оказали честь; ну, а если он не любит и не может пить вино, так ведь зато угощающий и любит, и может, и умеет! А ты должен мучиться, потому что тебя уважили, оказали тебе честь, поднесли стакан вина... И еще потому, что никому ни в чем не можешь отказать, что не способен никого обидеть. Не даже если его пригласили на чарку, он все равно досих пор как-нибудь сумел бы унести ноги. Однажды Нико поскользнулся на ступеньках, поднимаясь из того самого погреба, и чуть было не покатился назад вместе с бутылкой. — «Тише, парень, — крикнули ему снизу, из полумрака, напоенного винным запахом. — Мы пьем, а ты хмелеешь?» — А вот и дедушка идет, несет на весу наполненную кварту. И явно стыдится того, что несет домой всего одну бутылку вина. Чего только он ни стыдится, просто лопнешь от злости. Боятся, как бы кто не крикнул ему на улице — «Зачем тебе это вино, пить собираешься, или рот прополоскать?» Нико — другое дело, Нико все позволительно, ведь что ни говори, а он все еще ребенок (по дедушкиному летосчислению, конечно). Если взрослому неудобно купить всего одну бутылку вина (тоже, конечно, по его воззрениям), то ребенку, напротив, нельзя держать в руках больше одной бутылки. Шагает дедушка, небрежно держа бутылку за горлышко — дескать, даже если выроню — невелика потеря; а на деле, внутренне, он весь напряжен, весь в тревоге — как бы действительно ее не выронить. Но всего больше его беспокоит — как бы кто-нибудь не увидел, как бы кто-нибудь не сказал или не подумал: вот до чего

дошел, что с человеком жизнь сделала, как над бутылкой вина дрожит, несет домой бережно, словно лекарство для больного ребенка. Хоть бы вино было как вино! Даром что цвет рубина, все равно как вода из графина. Ополоски от винной бочки. А язычки у здешних остры — дай Боже! Стоят, заложив руки в карманы, перед лавкой, гаражом или парикмахерской, словно только что вышли оттуда и еще не решили, вернуться назад или пойти еще куда-нибудь (но куда?). Может ли Бог послать им лучшее развлечение? Побитый жизнью, как и они сами, но более гордый, более самолюбивый (и пусть более стеснительный) человек несет за горлышко по улице одну бутылку вина, как будто она ему и не нужна вовсе, или как будто он взял ее на пробу: понравится — купит сотню бутылок, чтобы лежали дома до тех пор, пока понадобятся. А может, человек несет в бутылке не вино, а мочу своего внука — в поликлинику, для анализа. Э, в самом деле! У него же внук болен, тот самый батумский озорник. Как он, ваш больной, почтеннейший? Правда, что и он там был, у старой церкви? В порядке, крепок, как стамбульский кремль. — улыбается в ответ дедушка. Но про себя говорит то, чего не хочет или не может сказать вслух: «Что особенного, или у вас никто никогда не заболел? Хотите мне целое дело пришить? Что общего у моего внука с бандитами? Да и какой бандит, если он в своем уме, свяжется с мальчишкой? Язык без костей, сболтнет что угодно — но ведь вам-то незачем верить этому подлецу Наскиде. Сами ведь над ним смеетесь! Так, если смеетесь — зачем ему верите, а если верите — зачем над ним насмехаться? Знаете, что он обо мне говорит? Пусть не пойдет ему впрок мое вино! А впрочем, вы лучше меня знаете, что он говорит. Ну и пусть болтает, пока не надоест. А мальчика пусть оставит в покое. Пусть отвяжется от моего мальчика, говорю!» — Лучше у малого огня погреться, чем от большого огня обжечься. И все-таки не заметил Нико, как вошел дедушка. И раскрыл глаза лишь тогда, когда бабушка спросила: «Почему ты с мальчиком не заговоришь?»

— Да ведь он спит! — сказал дедушка, и Нико снова закрыл глаза, невольно, как бы для того, чтобы подтвердить его слова.

— Не спит он, просто лежит так, с закрытыми глазами, — объяснила бабушка.

А квартовая бутылка, полная вина, уже стоит на столе. Дедушка, в пальто и шапке, присев около печки, стучит растопыренными и чуть согнутыми пальцами по раскаленной докрасна ее стенке и говорит: «Светопреставление да и только! Унесет ветер весь город, сорвет с места». А глаза у него лукаво поблескивают. Он доволен — от ветра спасся цел и невредим, и от насмешливой душевности горожан — тоже, дома у него горит в печке огонь, есть и вино, и хлеб... И вдруг поднимается в смятении, оборачивается к бабушке и говорит встревоженно:

— А маринад? Маринад почему до сих пор не достали?

— Вон он, на столе, твой маринад, — отвечает бабушка; и в самом деле, рядом с квартовой бутылкой стоит глубокая тарелка с маринованными овощами.

При виде маринада и у Нико текут слюни — хотя на столе уже нет ни бутылки, ни тарелки с соленьями. Видимо, это уже другой день, только ветер дует по-прежнему. Перед иконой теплится свеча, зажженная бабушкой. Свеча горит себе тихо, спокойно, порой слабо потрескивает и заставляет плясать собственную тень на стене. Дедушка сидит у печки, на коленях у него полено. Бабушка гладит ночную рубашку тети и временами неожиданно всхлипывает. Это она плачет без слез. Плакивает судьбу своей дочери. Жалеет ее — незамужнюю вдову. От всего, бедняжка, отстала, на все махнула рукой. Нет для нее ни туфель на высоких каблуках, ни пудры, ни помады. Но и плакать открыто бабушка не решается, потому что не теряет надежды и боится, как бы Бог не разгневался на нее за траур по живым. Когда бабушка всхлипывает, дедушка бросает на нее украдкой встревоженный взгляд. Догадывается, понимает. А в общем, вокруг царит храмовая тишина и может даже показаться, что ты в церкви. Нико любит заходить в церковь, только одному как-то неудобно, он стыдится, не решается и лишь иногда увязывается за тетей. Впрочем, и тетя стесняется не меньше, и она колеблется на церковном пороге, испуганно оглядывается по сторонам, как воришка, словно боится, что кто-то издали следит за нею. — «Я неверующая, я

только ради Сосо сюда пришла», — говорит она достаточно громко, то ли извиняющимся, то ли даже вызывающим тоном, наверное, чтобы слышали следующие за нею. Последний раз они были в церкви перед рождеством, поставили свечи, принесли дар Господу Богу, малый, пустяковый, копеечный, но обязательный — способный осветить ад. Чуть заметный отблеск пламени свечи играл на звеньях цепи, спускавшейся из-под сводов купола. На этой цепи висело раньше, должно быть, паникадило, а сейчас она бесцельно свисает сверху, заляпанная пометом ласточек и летучих мышей, лишняя, ненужная. И приковать ею никого нельзя. Нико растерянно и несколько смущенно рассматривает сплошь покрытых, как матросы татуировкой, всевозможными надписями святых. Чего только на них не написано — и все же с непоколебимым, нерушимым, неосквернимым спокойствием и терпением глядят они вдаль, туда, куда обратили взгляд, когда их запечатлели на стене. — «Была у нас здесь очень хорошая икона, но мы отослали ее в Тбилиси, католикосу», — сказала Нико дочка священника (что ж, может, икона и сейчас в дороге). Она (то есть дочка священника) то и дело терла себе ребра под грудью, должно быть ей жал лифчик. Почувствовав на себе взгляд Нико, она бросила на него быстрый взгляд и дурашливо улыбнулась. Нико сразу отвел глаза. Невысокая девушка, коротышка, пышнотелая. Зимой и летом носит шерстяной джемпер-безрукавку. Короткие, толстые руки ее сияют белизной. Говорят, Несва тискает ее по ночам за церковью. Но в Сигнахи удивляться надо только, если такого не говорят. Тетя стояла перед свечкой и шевелила губами беззвучно, не раскрывая рта, как бабушка. Только чуть подрагивали ее плотно сжатые губы. Наверно, она была сейчас там, в Цнори, в проулке, напоенном запахом акации, вместе со своим бритоголовым Сосо и собакой. В это время, откуда ни возмись, появился в церкви Кола-полоумный, в рубахе с распахнутым воротом, с лопатой на плече. — «Сколько раз тебе говорить, не вноси сюда лопату». — накинулся на него откуда-то вдруг появившийся священник. Но Кола-полоумный, не обращая внимания на его упрек, уставился на него и зачастил: — «Скажи, пожалуйста, с каких это пор уважение к отцу и сыновняя любовь почитаются за безу-

мие?» У священника торчала из-под мышки свернутая вместе с крестом и епитрахилью ряса; он походил на обычного сигнахского ремесленника, и незнакомый с ним человек мог бы подумать, что он заглянул в церковь, как все другие, чтобы поставить свечку или просто осмотреть храм. — «Чего тебе от меня нужно, Кола, добиваешься, чтобы я на себя руки наложил?» — взмолился он. — «Хочешь, скажу тебе, кто сумасшедший?» — не отставал от него Кола-полоумный. Но священник поспешно ушел из церкви, а Кола-полоумный последовал за ним. Так что Нико так и не узнал, кого считал сумасшедшим Кола-полоумный.

«Мои несчастные дочки», — сказала вдруг бабушка и стала складывать выглаженную рубашку. Дедушка поднял на нее внимательный взгляд, насторожившись, как испуганный зверь. И глядел так на нее с минуту, напевая себе под нос:

Со мной Христос распятый,
со мною крест честной,
со мной святой Георгий
не страшен мне нечистый.

Бабушка покачала головой со снисходительным видом взрослого человека, слушающего ребяческий вздор, и сказала: «Не стоила наша жизнь столько тревожных дней!»

— Ну, теперь она доберется до моего прошлого, — обернулся к печке дедушка, словно заранее объяснял ребенку, которого привел в первый раз в театр, что и в какой последовательности будет происходить на сцене. Или словно рассчитывал, что печка заступится за него, и объяснял ей наперед, о чем в основном будет спорить он с бабушкой.

На коленях у него лежит белое, суковатое полено и он быстро-быстро перебирает по нему пальцами. Точно такие же поленья сложены в кучу под печкой. — «Ночью, в холоде легче умереть, чем днем, в тепле», — почему-то подумал Нико. Наверно, чтобы разрядить внезапно сгустившееся напряженное молчание.

— Доберусь? Доберусь, да и разберусь, — рассердилась бабушка. — Тоже мне — что у тебя за такое особенное, похвальное прошлое!

Рассержена она была и до того, но все искала по-

вод, чтобы излить раздражение и досаду. Дедушка в смятении, пальцы его все быстрее пляшут на полене.

— Молчи, женщина, ты же знаешь — и у стен есть уши, — говорит он с улыбкой, будто бы в шутку.

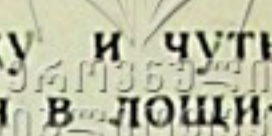
— Молчать? — удивляется бабушка. — Но почему? Разве я что-нибудь не так говорю? Или мне уже и в собственном доме нельзя правду высказать?

Лицо у нее такое, как будто она в самом деле знает правду, только не верит, что сможет внушить ее другим, — и поэтому сердится. Дядя Сандро говорит — «Иногда и меня берет желание выложить правду, да только не знаю, что сказать». Но бабушка знает — и говорит. — «Молчи!» — упрощивает ее дедушка. — «Может, неправда все, что я говорю», — упорствует бабушка. Потом умолкает ненадолго, видимо, борется со слезами, ждет, чтобы они отхлынули от глаз, а потом, остыв, успокоившись, продолжает: — «Бедный мой отец бывало подойдет к ограде своего виноградника и плачет, плачет, слезы катятся у него по щекам, будто перед ним рухнувший дом и загубленная семья. «Что ты плачешь, папа, о чем сокрушаешься?» — спрашивала я, и сердце во мне переворачивалось от жалости к нему. А он посмотрит на меня удивленно: «Как же мне не сокрушаться, хуже со мной ничего не может случиться — в собственный виноградник не пускают, гроздья гниют на ветках». — «А ты за ружье взялся, чтобы их защищать! Ну, твое ли дело — винтовка!» — снова выходит она из себя.

— Ну, ружье-то недолго держал в руках! — вымученно смеется дедушка; он встревожен, напряжен, смеяться ему вовсе не хочется, но он надеется, что легче будет смирить гнев жены уступчивостью, лаской.

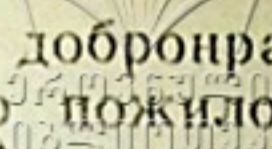
— А потом, — продолжает бабушка, как будто опять остыв, опять успокоившись, — а потом ты все, что у нас было при нашей бедности, выбросил в выгребную яму, точно именно против тебя имели зуб большевики, точно они так уж и взбесились бы от вида твоего ржавого кинжала да серебряного пояса!

Правду она говорит — но ведь и сама сплеховала, не очень-то много спасла оставшегося от прежних времен: булавку от головного убора и маленький детский золотой крестик, тот самый, что обменяли прошлой зимой на мешок пшеницы —, потом эту пшеницу

Нико с дедушкой возили на осле на мельницу и чуть было сами при этом не сложили головы. Буря в долине не свирепствовала такая, так они оба заledenели, что едва дотащились до дома. Но тут Нико не совсем прав — потому что до сих пор с удовольствием вспоминает время, проведенное на мельнице. Ночь ли тому виной, холод или неодолимая дремота, но все тогдашнее вспоминается Нико сейчас, как сладостный сон: и жмущиеся у полуобрушенной стены, притиснувшиеся друг к другу вьючные ослы, и мешки, выстроенные в очередь, и люди, обсыпанные, убеленные мукой, и такой приятный, убаюкивающий гул мельницы. Он лежал на мешках в полусне, ему было тепло, уютно, и мягкий, чуть влажный, разогретый помол заносил ему лицо. Дедушка стоял вместе с другими мужчинами за дверью мельницы и дымил самокруткой. Очень он вкусно умеет курить — непременно сам должен завернуть табак, готовых папирос не любит. Табак и бумага всегда у него в кармане. Оторвет аккуратно от листа прямоугольный кусочек, табаку насыпет в меру, рука у него привычная, ровно столько достанет из кисета, сколько нужно, ни больше, ни меньше. Долго катает самокрутку в пальцах — умягчает, как бы успокаивает. Потом со вкусом проведет языком вправо-влево по бумажке — словно слизывает мед с ножа. Даже если вы не курите — научит, заставит пристраститься к курению. Курил дедушка, и то и дело поглядывал в сторону Нико: что он там делает, спит или бодрствует. А Нико не мог никак разлепить веки, и было смешно, что ему не удастся открыть глаза. Впрочем, не очень этого и хотелось — ему казалось, что он снова в Батуми и утопает в бархатной тишине театра вместе со своими двоюродными сестрами. От них шел такой приятный запах. Три девочки сидели слева от него, а три другие — справа. Тетя, их мать, говаривала, что не возьмет в зятя никого меньше рангом, чем консул. А дядя смеялся — где, дескать, мы найдем столько консулов в нашем захудалом Батуми! Но они, правда, очень красивые, эти обезьянки — Дада, Додо, Тату, Ния, Мия и Натули. Когда они отправлялись куда-нибудь вместе, например, в театр, то одевали их в одинаковые платья, и причесаны они были одинаково, и одинаково скрипели их ботинки на пуговицах. С поднятыми бровями и

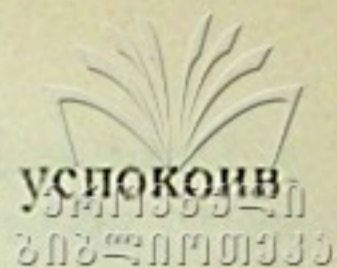

губками сердечком, они напоминали ангелов добронравия, слетевших с небес. Однажды какой-то пожилой человек показал на них пальцем и сказал: «Голову дам на отсечение, если это не дочери какого-то троцкиста». Когда они дома рассказали об этом, дядя чуть было не слег в постель, целую неделю ходил с мокрой тряпкой на лбу. Но кузины Нико держались как ангелы только вне дома — стоило им прийти домой и сменить платья на домашние, как они накидывались друг на друга с такой яростью, что уже сами не могли разобрать, кто из них кто («Тише, зверюга, сейчас пузырь у меня лопнет!»). Над уроками они тоже не надрывались. Зато с утра до вечера по всему дому разносился гром пианино. Соперничая друг с другом, они все играли — и, точно так же из соперничества, всеми одновременно овладевало желание играть. И воцарялся в доме сплошной кавардак — шум, вопли, дерганье друг друга за волосы, тумачи. Тетя, их мать, выйдя из терпения, вооружалась длинной линейкой и гонялась за ними. Все гурьбой, и тетя за ними, бегали в большой столовой вокруг стола. Весь дом, казалось, кружится, как карусель. Впереди сестры, за ними тетя с линейкой в руке — длинная, гибкая линейка свистела в воздухе. Впереди тетя, за нею девочки. Случайно заглянув к ним и застигнув их за этим занятием, можно было растеряться — кто за кем гонится? А дядя смеялся: — «Один в Батуми консул сидит, не спугните и его, сбежит!» — Но, к сожалению, все это происходило на этот раз на мельнице — в уголке сигнахской мельницы повторялись батумские истории. Нико лежал на мешках и няичился со своей беспочвенной, бессмысленной, лишь помогающей проводить время тоской, играл с нею, как пес с костью — пока она, как бы растаяв, не ускользала, не исчезала без следа. Потом он пытался рассердить себя — потому что так хотел попробовать табачного дыму, а было нельзя: — «Все-то нам запрещено!» — разжигал он в себе злость, столь же беспочвенную, как давешняя тоска, но и негодование это, как прежде печаль, было ему приятно, дарило ему блаженство, рождало в нем чувство беззаботности, и он еще глубже зарывался в нагретую его же телом пшеницу.

«До каких пор ты собираешься держать у себя на коленях это полено? Брюки протрешь!» — говорит де-

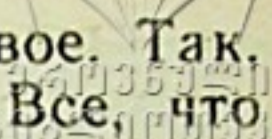
душке бабушка, на этот раз действительно **успокоив** шись, заботливо, ласковым голосом.

А дедушка сидит себе около печки и, как знать, быть может, и он думает о том, стоила ли его жизнь стольких треволнений. На коленях у него лежит поле-но, которое он поглаживает длинными, худыми пальца-ми. Но вполне возможно, что это опять уже другой день. На дворе воет ветер, готов сорвать с места и уне-сти весь мир. Давно уже не слышал Нико скрипа вере-вочного стана. Погода не благоприятствует, пока еще нельзя вынести стан во двор, ветер беснуется в мире. Сколько бы ни свили веревок, ветра не свяжешь... Ес-ли бы не деревья, и впрямь подхватил бы и унес всю округу. Только деревья оказывают ему сопротивление. Они одни осмеливаются ему перечить. Ну, а люди по-прятались, жмутся в домах, ждут, что будет — усто-ят деревья перед ветром, или ветер вырвет их с кор-нем из земли. Зато, если деревья выдержат, то сразу, как только уймется ветер, взорвутся, запылают, расцве-тят в тысячи цветов все вокруг. Ничего не может быть приятнее, чем смотреть на цветущее дерево, но до тех пор еще много воды утечет. Весьма возможно, что мно-гим из нас и не доведется дожить. Но народ непременно доживет. Ваню-учитель говорит: народ бессмертен, именно в этом, в вечности, в бессмертии его сила, и единственное, что от него требуется, это сохранять жизнь, потому что все можно вернуть и восстановить, кроме жизни — и овечью отару развести, и виноград-ные лозы вырастить. Помпеи и Гитлеры приходят и уходят, а народ должен вечно быть и быть — из-за этого, разумеется, приходится ему переносить много па-костей и унижений, но с течением времени он сам собой, как море, очищается от всяческой грязи. Зато человек смертен. Даже если прибавить ему годы жизни не только осла, собаки и обезьяны, но еще и вороны — в конце концов он должен умереть. И поэтому, в отли-чие от народа, ему следует заботиться не столько с сохранении жизни, сколько о том, чтобы, рожденному человеком, человеком и уйти из этого мира. Если народ сохраняет жизнь, как зола — раскаленный жар, то че-ловек — хранитель смысла жизни, и олицетворяет огонь, пламя, что гнездится в раскаленных углях. Поэтому он не должен отступаться от всего того, что подтверждает

и утверждает его человеческую сущность, и сохранение чего возможно лишь ценой неописуемых страданий. Что ж, ничего не поделаешь, человек — ученик, а страдание — учитель. Бог, оказывается, посылает больше страданий тому, кого любит; суровее испытывает того, в кого верит. — «Что за смысл в такой жизни, какая ей цена?» — сказала однажды бабушка. — «Жизнь не имеет цены, — ответил ей доктор. — Жизнь бесценна, жизнь — дар, а не богатство». — И притом спокойно, неспешно намыливал себе руки. В комнате стоял прохладный запах воды с мылом, запах чистоты. Спросить Нико, так доктор специально приходит для того, чтобы помыть руки, так как бабушка хорошо согревает для него воду и хорошо поливает ему из кувшина — в меру и вовремя. Э-эх, сестрица, Бежан ведь погиб, еще до войны. Что ты говоришь? Да-да. И Бежан, и Мито. И бедная Ницуца. Ты ведь знала Ницуцу? Ей и потом хорошие парни давались в руки, но раз она сказала, то сказала. Она всегда ставила на своем. Эти все вместе ушли, вместе напились воды забвения... Поди разберись, о чем или о ком они разговаривают — а сами друг друга прекрасно понимают. Бабушка все охает да охает — «ох, горе ты мое», и «ах, умереть мне на месте». А доктор — «Да, да-а» и «вот, во-от»... И мылит себе руки — спокойно, неторопливо, основательно, словно не выстукивать Нико собирается своими прохладными, пухлыми пальцами, а хочет заново замесить его в корыте, как скисшее тесто. Да, да, все можно возобновить, вернуть к жизни, в жизнь. Весна обновит и вернет к жизни весь мир. Разве птенец — это не возобновленная птица? Жеребенок — это возобновленная лошадь, щенок — возобновленная собака, а ребенок — возобновленный человек. — Ну, а пока рождаются птенцы, жеребята, щенята и дети, никакой ветер не сможет сорвать и унести мир. Когда Иосеба вышел с новорожденным жеребенком на руках из конюшни, не было никого счастливей на свете, и никому не под силу было бы его одолеть. Маленькие ноги свешивались, качаясь в воздухе, через руку Иосебы, на лбу у жеребенка топорщился мокрый хохолок. А у Иосебы играла на лице тихая улыбка, в глазах блестели слезы, потому что он уже любил и жалел жеребенка. А если ты любишь и жалеешь, то и на жизнь имеешь пра-

во. Ты должен любить и жалеть всех, все живое. Так, как любит и жалеет Йосеба своих лошадей. Все, что Богом сотворено, заслуживает по-своему любви и жалости. — «Не могу больше, извелся я жалеючи, посмотри, какие у них осмысленные глаза!» — признается иногда Йосеба бабушке. — «А потому ты не должен пить, хоть их должен стесняться!» — говорит ему бабушка. Йосеба уходит, плетется к своему обиталищу. Побродит еще немного, взбудораженный внимательным, честным, чего-то ожидающим или о чем-то молящим взглядом лошадей, и, еще раз, как всегда не раздеваясь, завалится спать на старых шкурах, на уздечках с бубенцами, на растрескавшихся седлах, на почернелых потниках — до утра он ни разу даже не перевернется, и во сне не расставаясь, беседуя, споря со своими лошадьми. Порой выходит из себя, грозит им рукояткой плети — дескать, не ваше дело, пить мне или не пить, а порой, охваченный властным порывом, стремлением к покаянию, изо всех сил бьет себя кулаком в потную грудь — дескать, конечно, с завтрашнего дня прекращаю это безобразие. «Самого себя, не нас обманывай», — улыбаются в душе лошади и посапывают, пофыркивают, мягко постукивают по устланной соломой земле копытами, уткнувшись в торбы, спокойно, невозмутимо, с хрустом жуют овес с солью и терпеливо ждут пробуждения хозяина — один его возглас, одно ласковое прикосновение его ладони к холке им дороже всего на свете. А лимонное дерево полыхает — словно и вправду охваченное пламенем, извергает, как вулкан, жар и искры. И не имеет никакого значения, в самом ли деле подарил его Вану-учитель, или Нико в своих грезах заставил того сделать этот подарок. Если вообразил — значит, вообразил то, чего желал всей душой, а все остальное и впрямь не имеет значения. Главное, что такое дерево существует в природе. Существует... И вот, полыхает, волнуется, как живое. Хлопает зелеными ветвями, как крыльями, словно в самом деле пытается вылететь из кадки, пробить верхушкой потолок и с гулом, с шелестом и шорохом устремиться к небесам. Подарили его Нико, или он сам себе его подарил, но никому теперь уже не отдаст, не уступит. Ни в коем случае. Не уступит, пока жив. Потому что... потому что это дерево непременно должно остаться здесь, на земле. В

небесах оно исчезнет без следа, а земле его будет не хватать. Оно принадлежит земле, рождено для земли. Вот увидите — и Гогия переменит весна, он станет хорошим — не будет поджигать живые деревья, не будет требовать денег в награду за убийство, а покорно протянет руку судьям страны душ: вот, скажет, этой самой рукой... И они тотчас отсекут ему руку под самый корень ножницами для стрижки овец. Мир окрасится кровью убийцы. Весь Сигнахи высыпет из домов, люди бросятся к Гогия, сами с головы до ног перепачкаются в его крови, пока затащат Гогия в сверкающую чистотой поликлинику. Поднимется шум, беготня, сутолока — а ну, скорей. йод, а ну, скорей, бинт. Люди умеют помогать, даже любят, получают удовольствие от своих хлопот, своего усердия; будь ты хоть кто угодно, лишь бы нуждался в помощи — непременно примут близко к сердцу твою нужду, и удержат ее в памяти, несколько дней будут обсуждать твои беды, довольные своей чуткостью, своей отзывчивостью. А Гогия будет сидеть нахохлясь, как воробей, скучный, печальный. Не наскоро перевязанный, а основательно, крепко спеленутый белыми бинтами через плечо, поверх руки, под мышкой. Весь какой-то сжавшийся, жалкий, и уже расквашивающийся, уже думающий о превратностях жизни (как же, прежде нос у него похорошеет, у образины!).

Грешник, гони соблазны прочь,

На страшном суде тебе уже не помочь.

Весной, наверно, достанут мертвую кошку из бассейна в парке. Всю зиму — во всяком случае, до болезни Нико — она плавала в нем, раздуваясь, как подушка, вместе с гниющими листьями и детской погремушкой. Между прочим, и Нико мог бы оказаться там, рядом с кошачьим трупом — это было вполне возможно. Прошлогодняя весна вообще могла оказаться для него последней, и он вполне этого заслуживал, потому что вздумал поплавать в бассейне сигнахского парка, как будто, раз он был из Батуми и соскучился по морю, то ему все разрешалось, и как будто маленький бетонный бассейн, доверху наполненный растаявшим снегом, мог заменить ему море. Как только он прыгнул

в бассейн, у него перехватило дыхание, все тело свело судорога, и он пошел камнем ко дну. Лишь когда Бадалашвили закричал: «Берегись, Кола-полоумный идет», он опомнился и оттолкнулся ногой ото дна. А то позорно утонул бы в талом снегу, и никто не пришел бы к нему на помощь — подумал бы, что это он затеял игру всем напоказ, — ведь не утонет же привычный к морю пловец в бассейне величиной с кухонный таз! Его спас страх. И спасителем его оказался Кола-полоумный. Это Колы-полоумного он испугался и от страха пришел в себя. Через минуту он уже вместе с другими убегал вприпрыжку, как косуля, через кусты шиповника и боярышника. У всех были до крови расцарапаны ляжки между ног. Но сколько можно было бегать голышом, не косули же они были в самом деле, — играли в мужчин, петушились, как могли. Был еще апрель — или самое начало мая. В тени было еще прохладно. Прижавшись спиной к крепостной стене, отделенные от остального мира, они смотрели на кладбище, врезанное, как мыс в молочно-белую даль. Как будто, голые, они были чужими, иными, и ничто не связывало их с здешними местами. А между тем, все здесь знакомо и любимо. Вон, по узкой тропинке между могил идет женщина в черном с кувшином на плече — несет воду мертвецам. А для них ничего уже не существует, ничего они не ждут, ничему не верят, в молочно-белых далях утонул, пропал корабль их мечты, а сами они остались на узкой полоске земли между молочно-белым пространством и крепостной стеной. Ни малейшей искорки надежды во мраке одиночества и покинутости. Потому что они голые и живые. И горят у них царапины в промежностях. А женщина в черном идет — колючие ветки ежевики, шиповника, терновника одна за другой вцепляются в лянло-черный подол ее платья. А она идет себе с кувшином на плече, не обращая на них никакого внимания — как пастух на собак среди своей отары. Обиженные ее пренебрежением ветки долго еще разочарованно качаются в воздухе. А женщина в черном шествует с кувшином на плече — няня, сестра милосердия и домохозяйка мертвецов. Воду она несет, чтобы напоить своих подопечных. — «Где ты до сих пор?» — зовет ее из могилы мертвец, мучимый жаждой, нетерпеливый и, главное, избалованный внимани-

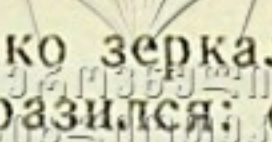
ем и уходом их заботницы и хозяйки. А они трясутся от холода, трутся голыми спинами и ягодицами о шершавую крепостную стену, и боятся отдалиться от нее хоть на пядь, как будто их тотчас же поглотит бездна. Впереди — пропасть, сзади — крепостная стена; все из-за наготы и ради жизни. Вот тебе и купанье! В сигналахском парке! Больше вы ничего не желаете, дети? А впрочем, этого пропустите, ему можно. он батумский, поплескаться в воде — это у него потребность. Пусть утолит в нашем бассейне тоску по морю. Но если бы у Нико не оказалось на счастье в кармане фотографии его отца, все они и сейчас жались бы там, у крепостной стены, а их одежда была бы давно уже продана на бодбисхевском базаре. — «Кто это такой?» — крикнул Кола-полоумный и поднял вверх фотографию. Подобранная с земли одежда была у него зажата под мышкой. — «Это мой отец!» — закричал в ответ Нико и невольно стал искать на земле взглядом камень. Руки у него были прижаты к телу пониже живота. Кола-полоумный переводил взгляд с портрета на Нико и обратно, видимо, ища сходства, но мог ли он найти то, чего не было: отец — мужчина, а Нико — щепка, отколотая от ствола. А в тот день он еще больше напоминал щепку, голый, еще не обсохший. Но была весна и она сделала свое — заставила Колу-полоумного поверить Нико на слово. — «И не стыдно тебе, сыну такого человека, разыгрывать из себя дурачка?» — крикнул он Нико и скинул одежду на землю.

И все же приближение весны больше всего отражается на сновидениях. Каждый сон по-новому неожидан, по-новому странен и по-новому будоражит. Вот все сна будто бы Нико и Маргарита сидят во дворе под липой. Колени Нико и Маргариты порой касаются друг друга, и Нико сгорает от стыда, так ему неловко перед Маргаритой. А стыдно ему потому, что это невольное прикосновение очень и очень приятно. И вот, наконец, он не в силах больше терпеть это мучительное блаженство и встает, хочет будто бы уйти, но не может сдвинуться с места и теперь уже этого стыдится, замирает от страха, как бы Маргарита не заметила, что с ним делается. От напряжения у него звенит в ушах, кровь с шумом мчится по жилам. А он разглядывает, задрав голову, как дурак, ветви липы — словно в пер-

вый раз попал в собственный двор. Но Маргарита все же замечает его замешательство и говорит ему со смехом: «Что случилось, или мы вас чем-нибудь обидели?» — «Как же не обидели, зачем ударили меня коленкой в колено?» — предъявляет ей наглый упрек Нико, которому очень хочется выглядеть чистеньким, невинным, безгрешным — ему самому толком неясно, перед кем именно, перед дядей Сандро или перед Маргаритой. А Маргарита смеется, смеется от души. Ей ни за что и ни перед кем не стыдно, она не считается с дядей Сандро и ей нипочем ее собственная женская честь — как будто они ничего не делали предосудительного, как будто это такие ничего не значащие пустяки — прижиматься коленом к колену, — тем более изредка, случайно. И как будто им — если не обоим, то хотя бы одному Нико — нечего скрывать, никаких мыслей, никаких вожделений, никаких желаний. — «Подумаешь, сделали больно молодцу! Велика важность!» — смеется Маргарита. А Нико пристаёт к ней, как цыганка-попрошайка, канючит, умоляет, чтобы она рассказала ему, как плачут слепые. — «Как же, как же, все на свете уже известно молодцу, только это одно и осталось узнать», — смеется Маргарита, и обматывается веревкой, свитой дядей Сандро, как бы кокетничая с Нико. Веревка, словно живое существо, обвивает, сжимает ее бедра, талию, грудь... вот-вот задушит ее... Но Нико не отвязывается — очень его интересует, как плачут слепые. — «Посмотри в зеркало и узнаешь», — смеется Маргарита. Нико тотчас же смотрит в зеркало и что же — лицо у него, действительно, все заляпано грязными, черными слезами. Оказывается, он давно уже плачет, но не чувствует этого — «Птичка мимо пролетит, меня в клюве унесет. Птичка мимо пролетит, меня в клюве унесет», — частит тетя. — «Ты все свое определила, может и то знаешь, что мне нужно, отчего я плачу?» — спрашивает Нико. — «Отчего ты плачешь?» — испугалась тетя. — «Если можно, дай мне на минуту зеркало», — как можно вежливее попросил Нико. — «Зачем тебе зеркало? — совсем перепугалась тетя. — Мама, он просит зеркало. Можно зеркало больному давать?» — позвала она бабушку. — «Кончено. Все. Ушла его болезнь — ветром унесло», — сказала бабушка. «Вот, пожалуйста, зер-

кало», — тотчас же сунула тетя в руки Нико зеркальце на ножке. Нико заглянул в него — и поразился: остались от него одни глаза! И в то же время он был очень на кого-то похож. — «На кого я похож? На кого я похож?» — и тут он вспомнил, и сразу обдало его зноем тбилисского лета, и запах конного экипажа заполнил комнату, и он, как бы снова вдруг очутился между отцовских колен, явственно увидел в сверкающей под солнцем витрине огромный ботинок и маленькую обезьянку на корточках перед ним. И опять ему стало беспричинно и безотчетно жаль набитую опилками куклу, у которой не было ни души, ни разума и которая все же всякий раз будоражила Нико и наполняла его грустью. В порыве какой-то неопределенной, неясной злости, он небрежно отшвырнул зеркало.

— Тише ты! Как ты себя ведешь? Да ты, я вижу, в самом деле уже здоров! — цыкнула на него тетя.

— Где мое лимонное дерево? — огрызнулся Нико.

— Мама, он спрашивает, где лимонное дерево, — обратилась тетя к бабушке. — Что это может значить?

— Какое лимонное дерево? — удивилась и бабушка.

— То, что принес мне мой учитель, Вано-учитель. — воинственно, сердито заявил Нико.

— Да ладно, ну тебя, ей-богу! — взорвалась вдруг в свою очередь тетя. — Тебе-то горя мало, нежишься себе в постели!

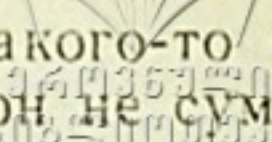
Видно, казалось все-таки напряжение, длившееся целый месяц, и сейчас, когда опасность миновала, она перестала держать себя в руках, у нее иссякло терпение. Но и это было лишь еще одним свидетельством выздоровления Нико. И доктор подтвердил в тот же вечер, что Нико выздоровел, но добавил, что сейчас особенно нужны осторожность и уход. И действительно, Нико чувствовал себя гораздо хуже, чем во время болезни. Он был совершенно обессилен. Если его на минуту поднимали с постели, у него сразу голова шла кругом и темнело в глазах. В изнеможении, в упадке, без сил взирал он из разнеживающей, расслабляющей глубины постели на лица, склоняющиеся над ним, и скорее догадывался, кому они принадлежали, нежели узнавал их. Он слышал знакомые голоса — и это доставляло ему удовольствие — но осмыслить услышанное был не

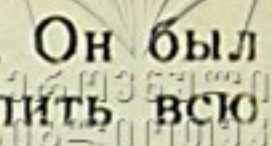
в состоянии. Между его телом и его волей не существовало никакой связи. Он помнил, он знал, что и когда ему следовало делать, но сам же первый отвергал свое знание и свой опыт. Как рыба с подбитыми плавниками, он тщетно старался обрести чувство равновесия и с равнодушием, с бесчувствием неодушевленного предмета отдавался течению времени. Ничего ему не было нужно — лишь бы дали ему покой, лишь бы не мешали ему спать, лишь бы оставили его наедине с почти что приятным ощущением собственного бессилия. Но не тут-то было — то бабушка трясла его, чтобы он очнулся, то тетя. То ему давали нюхать нашатырный спирт, то проводили неожиданно по лицу тряпкой, смоченной уксусом и спиртом. То силой заставляли его есть, то вливали ему в рот лекарство. И так, шаг за шагом, понемногу, но упорно выводили его из сумерек бессмыслия, бесчувственности, беспомощности. Еще немного и, благодаря человеческой внимательности, заботливости и терпению, он вновь радостно, с охотой бросится в шумные, беспокойные житейские волны.

15

Ветер стих. Кончилось своевольничанье марта. Через окно вливаются в комнату ласковые, теплые солнечные лучи. Не сегодня — завтра Нико выпустят на балкон. Можно долго не мыться, это еще человек способен выдержать, ведь он и так состоит на две трети из воды, но вот пребывание в четырех стенах, взаперти, в особенности выздоравливающему, после болезни — еще худшее наказание, чем сама болезнь. Хоть больного брось на улице, хоть здорового запри дома. Но Нико не бунтует против близких, более того, ему даже приятно, что они не заставляют, не обязывают его подниматься с постели. Может он, как сказала тетя, в самом деле привык лежать, в самом деле полюбил болеть; и, может навсегда останется прикованным к постели, как его отец. Он бы и рад встать, но как-то не может, да и не тянет. Точно так же он чувствовал себя наутро после того, как в первый раз захмелел. Ему то холодно, то жарко. И хочет, и не хочет, и может, и не может встать. Стоит ему вытянуть ногу, как она задрожит, затрясется — словно это чужая нога, и

он не умеет с нею обращаться, не знает какого-то ее секрета. Горло у него перехвачено так, что он не сумеет проглотить и навощенную нитку. В ногах его постели стоит таз — невыносимо, отвратительно знакомый — и вид этого таза противен ему, как вид пыточных орудий — прошедшему через пытки человеку. До того ему казалось, что кутить — это особое увеселительное занятие, присущее актерам — понятия «актеры» и «кутеж» с давних лет были связаны между собой в его представлении. Однажды в Бакуриани, когда он был еще маленьким, с утра до вечера распевали песни какие-то люди, и мама сказала, что это кутят актеры. Потом пришел папа, лег в гамак, взял в руки книгу, валявшуюся рядом в траве, и повторил то же самое: «Актеры кутят». Над папиными ботинками порхала бабочка. Обрывки солнечной ткани, разодранных верхушками деревьев, были разбросаны на траве. Где-то очень далеко раздался свисток паровоза — один, другой раз. Потом пришли папины товарищи, с ружьями, и с ними запыхавшиеся собаки с высунутыми языками. У охотников висели на поясах окровавленные перепелки (осудить на расстрел и последующее повешение!). У одного из них были на ногах блестящие желтые кожаные краги. Весь парк сразу наполнился запахом свежеработанной кожи. Все вместе, группой, снялись. Фотограф то и дело поскользнулся на хвое, устилавшей землю вокруг деревьев, и сам смеялся своей неловкости (как знать, может это был Маргаритин фотограф, искавший счастья там, далеко от Сигнахи). Тот, что был в крагах, поставил Нико между своих колен. Помнится, он все заставлял Нико положить ему руку на колено. Перед Нико лежала собака. Она пыхтела, высунув длинный красный язык, закрывавший ей грудь, как красный платок. Стоило пролететь мимо мухе, как она норовила вскочить с места. Скулила, повизгивала, металась. То ли она была черная с белыми подпалинами, то ли белая в черных пятнах. Охотники сказали то же самое: актеры кутят, сам Жоржолиани приехал. После того, стоило Нико услышать пение, как ему казалось, что где-то «кутят актеры». А вот его первый «кутеж» вообще обошелся без песен. Зато у них был аккордеон, они пировали с аккордеоном. Аккордеонист привел с собой на встречу нового года любимую де-

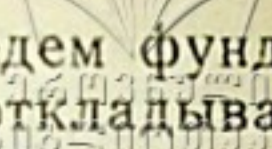

вушку, и от этого Нико совсем потерял голову. Он был готов утонуть в своем стакане, готов был выпить всю Алазани. Покончено с детством, пропади оно пропадом, — повторял он в уме, уже порядком захмелев. Подвластный вину, или освобожденный вином. А тот, аккордеонист, растягивал свое нагрудное пианино во всю его длину и всякий раз при этом подмигивал своей девушке — дескать, как хорошо, что мы вместе, мы с тобой одно и понимаем друг друга без слов. И это волновало, будоражило Нико, он, наверно, даже немного завидовал аккордеонисту и грустил оттого, что сам он никому не мог вот так свободно, на глазах у всех подмигнуть. Еленица наверно пока ничего не понимала в таких вещах, да и вообще невозможно было представить себе ее здесь — в своем достаточно полинялом и поношенном платье с ленточками и бантами. Да она попросту задохнулась бы от табачного дыма, если бы даже не перепугалась до смерти от одного вида стольких пьяных юнцов. Как бы то ни было, а Нико в свою очередь строил глазки девушке аккордеониста — и девушка аккордеониста встречала его взгляд с напряженным, окаменевшим лицом, но через минуту, улыбнувшись, отводила глаза. А Нико был уверен, что поступает именно так, как нужно, что он непременно должен дать понять этой девушке, что она ему нравится, и что он кое-что смыслит в подобного рода делах. Наутро, когда стали подниматься из-за стола, девушка потребовала большой стакан и подняла его за своего парня: «Будь счастлив, мой милый!» И что-то обеспокоило, смутило, изумило Нико, хоть он и был крепко под хмелем. И у него в семье женщины пили вино, глоток-другой вина за обедом был у них даже в обычае, но он впервые видел, чтобы девушка вот так, как мужчина, осушила целый стакан. — «Пусть у тебя вот так же не останется врагов», — сказала девушка аккордеонисту и, перевернув стакан, вытряхнула из него последние капли. А он, аккордеонист, со сдержанной улыбкой жевал мундштук папиросы. Свет от лампочки падал ему на нос — казалось, на кончике носа блестит гнойник. Очень он гордился собой — смотрите, мол, какой я парень, и какая у меня девушка, молодчина да и только. Распухшее от пьянства лицо было у него цвета индюшечьего хохолка. Но стоило всем выйти на улицу, как

от молодечества девушки не осталось и следа. На холоде, на свежем воздухе ей сразу стало плохо, она вдруг раскисла. Смеялась и вдруг переставала смеяться, словно внезапно забывала, что ее рассмешило. Как-то противно шевелила губами, словно старалась сбросить соринку, налипшую на губе — руки у нее были заняты, она повисла на аккордеонисте, ухватившись за его локоть обеими руками. И ноги ее не держали, она раскачивалась так, как будто вышла первый раз в жизни на лед на коньках. Противен любой пьяный человек — а уж на пьяную девушку и смотреть тошно. Такое было удручающее зрелище, что Нико потом долго пытался уверить себя, будто это он сам все вообразил — в наказание девушке за ее невниманье и равнодушие к нему; или потому что он сам был пьян, и все вокруг казались ему такими же вдребезги пьяными. Но хоть он и думал так, а перед глазами у него стояла пьяная, осоловевшая девушка и жалость, перерастающая в ненависть, терзала его сердце. Как-то она сразу обмякла, обвисла, как тряпка, словно даже взмокла — как-то странно, изнутри. Волосы свисали ей на лицо, она никак не могла откинуть, отклеить их, как будто в довершение всех бед весь лоб у нее зарос лишними волосами. — «Кончилось наше пиршество», — сказал аккордеонист и уложил свой инструмент в футляр. Потом перекинул блестящий его ремень через плечо и подхватил пьяную девушку на руки, как Иосеба — новорожденного жеребенка. И у девушки свешивались и болтались в воздухе, как у жеребенка на руках Иосебы, ноги — только не тоненькие и слабые, а обессиленные, тряпичные, как у больной. На одной ноге у нее перекопсился чулок, и Нико отвел глаза. Девушка больше не нравилась ему. Если бы аккордеонист ее сбросил, то Нико не подобрал бы ее. Он ненавидел в эту минуту не только ее, но и всех вообще женщин. Именно поэтому, наверно, он и сам не сумел удержать в себе выпитое вино — еле успел добраться до дома. Бабушке и тете стоило невероятных усилий удерживать его на тахте, так все безудержно крутилось, вертелось вокруг. И не было конца-краю кислой, отвратительно теплой, пенистой тьме, бессмыслице, гадости. — «В ваше время тоже так кутили дети?» — смеялась тетя. — «Оставь, мне не до шуток!» — ворчала бабушка. И сейчас точно так

же, как тогда, хлопочут они над ним, готовят его к расставанию с постелью, возвращают жизни блудного ее сына. — «Вставай, вставай, уберем постель, чтобы дом стал похож на дом», — говорит тетя. Бабушка в дырявых перчатках, в одной руке у нее обломанный кухонный нож, другой она прижимает к боку таз, из которого высовываются шершавые побеги саженцев роз — она идет устраивать новый розарий. Все начинается сначала. Все должно возникнуть снова — все, что пожрала свинья. На дворе уже весна. Вот-вот зацветет сирень. Медленно, лениво поплывут в прозрачно-ярком пространстве ее тяжелые, густые гроздья — как облака на небе мечты. Все назревает, все будет «вот-вот». Вот-вот встанет с постели Нико. Вот-вот кончится жизнь. А на дворе щебечут, чирикают птицы, сходят с ума — пришла весна, дорогая гостья, желанная, долгожданная. Да, да, это птичьи голоса — притом, множества птиц, всяких, разнообразных, на разные голоса щебечущих, но обо всех одинаково говорится: это птичий щебет. Словом, на дворе птичий Вавилон. Подняли галдеж в еще не одевшемся листвою саду. И такой же гомон, наверно, сейчас в школе — и там готовятся к празднествам, к первому мая. Готовятся заблаговременно. Одни учат наизусть стихи, у других спевка, третьи маршируют, четвертые будут представлять сцены из многострадального исторического прошлого Грузии. Словом, предпраздничные хлопоты вокруг — учителя затапаны в чохы, учительницы — в старинных головных уборах. Когда проходит мимо Евгения Дугладзе, поправляя складки вуали, все почтительно уступают ей дорогу. — «Котэ, ты же знаешь меня!» — «Не волнуйтесь, уважаемая, все будет как полагается». А птицы носятся, чирикают, перелетают с дерева на дерево, с ветки на ветку. Копаются в сырой земле, вырывают из клюва друг у друга мокрых, извивающихся червей и снова носятся с щебетом среди деревьев, воздвигают башню надежды у Нико во дворе, готовятся встречать весну, хлопочут в волнении, в ожидании. Так обычно женщины волнуются и хлопочут, если предстоит какое-нибудь торжество, скажем, чья-нибудь свадьба. Еще и молодые не появились, они еще в церкви. То есть нет, не в церкви, а в Загсе! Регистратор тетя Женя работает, засучив рукава. Дело не пустяшное — заклады-

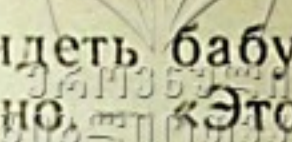

вается фундамент новой семьи. Какой подведем фунда-
мент, такое выйдет и здание. Работает, откладывает
горящую папиросу на край стола то справа, то слева от
себя, в зависимости от того, в какую сторону наклоня-
ется в поисках каких-нибудь совершенно необходимых
документов. С необычайной быстротой перебирает и пе-
релистывает подшивки разного цвета и разного форма-
та («Куда эта бумага запропастилась, хотела бы я
знать!»). Жених смотрит в потолок. Он уже свое нашел,
находка при себе — теперь пусть другие ищут хоть бу-
маги, хоть чего угодно еще. Невеста тоже спокойна —
не век же будет тянуться эта возня, оформление, или
как оно там называется. Тетя Женя свое дело знает —
должна же она немножко помучить людей, иначе лю-
ди ее и уважать перестанут. И невеста спокойно смот-
рит на щель между половицами, а вернее, на свои сва-
дебные, хорошенькие туфли. «Жмут. Узкие сшил, от-
сохни у него руки», — ругает она в душе Абрама Уж-
мурашвили. Собственно, его и не грех хорошенько от-
ругать: всю жизнь шьет женскую обувь, а сам так и
остался холостяком. Никому не пришелся впору — на-
смешничают сигнахские злословы. Зато прислуживают
ему две его сестры, тоже старые девы: утром одна под-
метает его мастерскую, вечером — другая. — «Это из
любви и уважения к нему мы обе не вышли замуж», —
попыхивают они за спиной брата-кормильца. Но спросить
тех же сигнахских насмешников, так они в молодости
были совсем уродинами — возраст, будто бы, все же
немного облагообразил их лица. А в доме радостный
шум, ждут молодых и их свиту. Женщины носятся, ще-
беча, туда, сюда — как птицы: с ветки на ветку — чи-
рик! С дерева на дерево — чирик! Радуются, и хотят
всем, всему миру (что за радость, если ее скрывать!)
возвестить: вот, мол, как мы рады, и вы тоже все ра-
дуйтесь, худа вам не будет! Напротив, люди, наоборот!
Радуйтесь, радуйтесь! Радость — как сиротский хлеб,
на всех хватит, всем достанет, всех насытит. Отломите
кусочек каждому прохожему, ешьте сами и домой при-
несите. — «Встанем, встанем, уберем постель, не в
больнице же мы в конце концов!» — говорит тетя, при-
жимая к груди неразлучную свою книгу. — «Попра-
вились мы, здоровы. Поправился бабушкин внучек», —
подбадривает Нико бабушка, поднимает в нем дух, ук-

репляет его — чувствует, как трудно ее внуку подняться на ноги, расстаться с привычной постелью. У Нико от слабости подгибаются ноги, но он медленно поднимается, распрямляется понемногу — и сразу отражается в окошке, выходящем на балкон, отражается весь с головы до ног, худой, нескладный, как бы склеенный из спичек человечек. Кто-то делал таких человечков в Батуми — может даже какая-то из двоюродных сестер — сидела и склеивала их из спичек. — «Вот, видишь — вот так, понемножку, постепенно. Привыкай держаться на ногах», — учит, остерегает его взволнованная, взбудораженная бабушка. — «Оставь его в покое, мама, он же не грудной ребенок!» — отзывается не менее взволнованная, не менее взбудораженная тетя, и Нико снова почему-то вспоминается тот день, когда он ждал, затаив дыхание, когда оживут в ванне уснувшие было рыбы. Почему-то? Потому, наверно, что сейчас точно так же, затаив дыхание, прижимая книгу к груди, ждет, когда он «оживет», тетя — а он сам, раскинув руки, неуверенно делает первый шаг, как бы ступая по шаткому, узенькому висячему мосту. Неуверенно переступает шаг, потом другой — а мир качается, как палуба корабля. Тени мечутся из стороны в сторону. Еще немного, и зловеще застывшие предметы сорвутся со своих извечных мест, столкнутся, разлетятся вдребезги и все смешается в одну кашу. Нико ищет опоры в коварно опустевшем пространстве вокруг себя, раскинутые его руки дрожат, они не могут удержать стоямя его шаткое тело, и он в страхе вцепляется в перекладину арбы. На этой арбе они ехали в отцовскую деревню когда-то, в незапамятные времена, но и сейчас бьет ему в ноздри запах потных быков, и сейчас он слышит их тревожаще-громкое, шумное дыхание — но в конце концов все завершается благополучно, мир вновь обретает привычную, надежную устойчивость, а допотопные быки и скрипучая арба исчезают в бесконечных глубинах памяти Нико. — «Слушай!» — говорит отец, и глаза его закрыты, а лицо залито потом. — «Нет! Нет!» — выходит вдруг из себя Нико. — «Совсем ведь ослабеешь. дружок, леж в постели», — говорит испуганно бабушка. — «Я не тебе! Я не тебе!» — кричит на нее Нико, но еще не успев умолкнуть, уже раскаивается в своей вспышке и сердце у него бо-

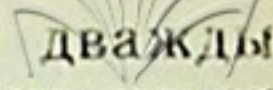
лезненно сжимается. Он вовсе не хотел обидеть бабушку, да еще так грубо и совсем беспричинно. «Это я не тебе говорю, бабушка», — продолжает он уже тихо, примирительным тоном. — «Да, да, внучек, да», — говорит бессмысленно бабушка, не понимая, чему она поддакивает, но для Нико эти слова — целительный бальзам, объяснение и оправдание столь же бессмысленной его ярости. На полу явственно видны следы от колесиков проданного пианино, хотя Нико прекрасно знает, что пианино у них было не здесь, а в Батуми. И вот он уже смело, упрямо, со злостью ступает по воображаемому полу и сам, без чужой помощи направляется к двери... Но на балконе от свежего, чистого, еще немного студеного весеннего воздуха у него идет кругом голова и он, чтобы не упасть, хватается обеими руками за балконные перила. И вот он стоит на балконе дедовского дома — заботливо и тепло укутанный — кость и кровь своего отца, дух и плоть своей матери. Под джемпером на нем надет американский жилет, облегающий его, как панцырь. Он чувствует себя в нем бодрей, сильней, спокойней, как будто действительно одет в броню, и ему теперь несколько не страшны вражеский меч и вражеское копье, хотя бы потому, что этот американский жилет — его личный трофей, он сам вытащил его из кучи, просунувшись между ногами, руками, телами навалившихся на кучу людей. Кто-то даже наступил ему на руку — но Нико не выпустил добычу. Война тогда еще была в разгаре. Между семьями фронтовиков распределяли ношеную одежду, присланную из Америки. Тетя заявила, тетя настаивала, что и ей тоже полагается. Тогда никто не знал и не интересовался, кто кого ждет и кто к кому вернется после войны — да и скоро ли вообще дождутся ее конца. Но когда тетя увидела, что творится в подвале, куда снесли полученные вещи, то твердо заявила, что ни за что туда не спустится, даже если всей ее семье придется ходить нагишом. А люди ворвались в подвал и накинулись на кучу сваленной на полу одежды, как волки на добычу. Все что там было стоящего да хорошего, наверно, отобрали для себя заранее те, кому было поручено распределение. Сейчас распорядители стояли в сторонке, засунув руки в карманы, и с улыбкой смотрели на разыгрывавшуюся перед ними свалку. Такая

поднялась свара вокруг отобранных вещей, что и близко нельзя было подступиться. Вырывали друг друга из рук бог весть кем ношенные брюки или рубашку, пиджак или пальто. Нико зажмурился и нырнул головой вперед, как в морские волны, в сплошную шевелящуюся кашу, из которой торчали грязные, грубые башмаки. Когда вернулись домой и развернули, посмотрели на свету добычу, она понравилась гораздо больше. Этот жилет похож на какую-то птицу, разумеется, только цветом. На перепелку, или на лесную курочку. А спина — из черной, скользящей блестящей ткани. В кармашки разве что двумя пальцами что-нибудь засунешь. Но что? В воздухе уже пахнет весной. На сирени набухли почки, налились земными соками. «Умереть бы мне под деревом» — это потому, что дерево есть олицетворение жизни, единения жизни и смерти. Вечно одно и то же повторяет нам оно, и если мы дадим себе труд хорошенько приглядеться, то многому от него можем научиться. Дерево мудро. Полно доброты. Терпеливо. Беспреданно, неутомимо, из года в год представляет оно нам весь наш путь от рождения до смерти и от смерти до рождения. «Умереть бы мне под деревом, чтобы листьями засыпало», — напевает Нико в душе, подражая дедушке. Дедушка любит эту песню — и что тут стыдного, если Нико хочется петь? И Нико напевает, напевает в душе все одни и те же слова; от чистого, прозрачного воздуха у него голова идет кругом, от слабости и от переполняющего его радостного чувства пробирает дрожь. Ему приятно смотреть на деревья. Как-то легче на душе оттого, что столько деревьев растет у них во дворе. Смерть у подножья дерева означает, наверно, второе рождение. Дерево — жилище Бога. Дерево каждый год сызнова начинает жизнь и никогда не оканчивает ее, никогда не наскучивает ею, так как мало того, что само любит жизнь, еще и жалеет человека, и стремится каждый год вселять надежду в его душу. Стоит на балконе Нико, тепло укутанный — словно фрукты, отсылаемые в холодную страну, — стоит, подставляя солнцу лицо, и такие вот странные мысли приходят ему в голову; словно сейчас он знает больше, чем знал месяц тому назад, словно весь этот месяц он не лежал при смерти в постели, а прилежно занимался. Месяц болезни или месяц смерти в самом де-

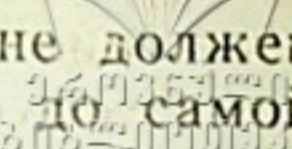
ле на многое открыл ему глаза. И, главное, он сейчас знает наверняка: жизнь так же трудна, как смерть; одна обязывает тебя что-то разгадать, другая что-то преодолеть. И то и другое трудно. Но ты должен суметь и то и другое, разгадать и преодолеть; должен научиться — хотя бы у дерева, чтобы никогда не возвращаться в лишенную смысла и корней тьму, из которой хоть и с мучениями, но уже раз и навсегда, как из камня статуя, изваялась суровая, нерушимая, ясная действительность; чтобы тебе никогда не было трудно оправдаться не только перед случайными людьми, но и перед другими, гораздо более значительными и облеченными правом и властью, теми, чье существование именно и вызывает в тебе чувство вины и стремление оправдаться; только ты не можешь ни представить себе, ни назвать по имени того, кто рождает в тебе это чувство, не знаешь, кто это может быть. Мама? Папа? Бабушка? Дедушка? Тетя? Еленица? Маргарита? Все они по отдельности и все вместе. Но все по отдельности и все вместе они подарили тебе столько грусти, что целой жизни твоей не хватит для печалей и сожалений. Не то что одной жизни, не хватит и десяти. Ты должен вечно печалиться и сожалеть, печалиться и сожалеть, беспрестанно и нескончаемо, нескончаемо и беспрестанно, до истечения времен; и так же нескончаемо и беспрестанно помнить о чем-то и о ком-то, хотя бы о тех перечисленных выше людях, чьи имена уже высечены у тебя на груди, как на надгробном камне. Это — твой долг, твое назначение, для этого тебя породила природа — назначила не только продолжателем, но и хранителем памяти. С помощью памяти ты должен перенести в завтра все сегодняшнее, должен передать будущему все, что сегодня знаешь, все что видел, испытал, услышал и запомнил сегодня — донести до будущего, превратившись навсегда, навеки в копилку памяти, скрывающую в своих темных недрах редкостные сокровища, несметные богатства — судьбы и беды, мудрость и неразумие, любовь и ненависть самых близких, самых дорогих людей... Да, немало уже помнит Нико — сколько совсем незначительных, едва ли даже связанных между собой картин, образов, событий, мелочей, которые он жадно, торопливо собирал в течение пятнадцати лет, как голодный — крошки хлеба на

раскинутом столе жизни. Только эти «крошки» не уто-
ляют, а лишь еще больше обостряют его голод, и он
еще истовее напрягает ум, еще неодолимее в нем стра-
стное желание все сохранить, все увековечить в своей
памяти. Вот он стоит на коленях у матери, весь, с но-
гами в белой, длинной рубашке. Вот он сидит один на
пестром блестящем полу в бане, а вокруг в густом, го-
рячем и клейком тумане движутся голые фигуры. А
вот он с матерью посреди неоглядной чайной планта-
ции, как бы на дне зеленого моря. Им жарко, они с
трудом переводят дух. Сам он пристроился в тесной
тени маленького чайного куста. На маме широкополая
соломенная шляпа, ей трудно, лицо у нее пылает. Вот
он, весь напрягшись, в прилипшей к спине рубашке,
сжав зубы, прокладывает себе локтями путь в толпе
своих сверстников, рвется вперед, как зверь, отбивший-
ся от своры собак, пробивается к полуоткрытым две-
рям большой залы детского сада, чтобы заглянуть
внутрь. Сверстники его одержимы таким же стремле-
нием — так как в зале, выстроившись в ряд под порт-
ретами, взирающими со стен, их родители и их воспи-
татели... поют вместе, хором. Каждый хочет увидеть
своего отца или свою мать поющими. Борются, проры-
ваясь к двери, молча, но самоотверженно: отлетают пу-
говицы, рвутся рубашки, наливаются синяки, вскаки-
вают шишки, но стоит кому-нибудь из малышей найти
взглядом мать или отца в хоре, как все забывается:
«Вон моя мама! Та что с раскрытым ртом». Вот он с
отцом возвращается откуда-то на извозчике. Поздний
вечер. Теплый ветерок залетает ему под рубашку и
ласково шарит по его голому телу. — «Ну что, пока-
зали мы им, где раки зимуют!» — радуется папа. —
«Показали, где раки зимуют», — повторяет и он. Оба
смеются. Извозчик то и дело поглядывает на них че-
рез плечо и тоже смеется. Вот они у кого-то в гостях.
Старая женщина, накинув одеяло на плечи, сидит в
своей постели на горшке и спокойно, степенно беседует
с окружающими кровать женщинами: — «Для меня
сладости не существует...» — Мать Нико — среди жен-
щин - посетительниц. А сам он в соседней комнате иг-
рает — нет, не играет, а воет — с кошкой. Никак не
может подхватить ее на руки — кошка изо всех сил
цепляется лапами за половицу и вытягивается, растя-

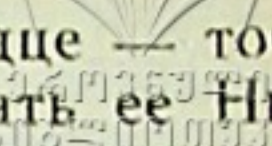
гивается без конца, как пружина. Но за каким из этих осколков воспоминания погнаться Нико, какой из них попытаться восстановить — все одинаково дороги и неповторимы. А поэтому, пусть они пока по своей воле, беспорядочно теснятся в его душе и его сознании, придет время и они сами найдут друг друга, соединятся, склеятся, как осколки сосудов Камар, возлюбленной Амирани, и со звоном устремятся в небеса, и расскажут всему свету о Нико. А отсюда, с балкона, виден лишь небольшой кусок улицы. Выше на горе — главная часть города, ниже — Дабахана (его, Нико, Крцаниси) и овраг с речкой. Вон, бездомная собака трусит по направлению к оврагу, к Дабахане. Должно быть за старой костью, спрятанной ею там еще в прошлом году. — «Курша! Курша!» — зовет ее Нико. Нет — «Камар! Камар!» Смотри-ка, оглянулась — хотя она на любой голос оглядывается, зови ее как хочешь, любым именем, только позови, только покажи, что хоть во что-нибудь ее ставишь. Такова судьба бездомной собаки. Кто-то гонит навьюченного дровами осла по подъему к верхнему городу, к базару. А красиво выглядит осел, навьюченный дровами! Несет на спине топку на целый месяц, если не больше, и мотает себе головой. Огонь нужен человеку всегда — и зимой, и летом. На кипарисе чирикают, заливаются птички. Шелковица, кизил и липа стоят еще голые, но это им идет. Словно приготовились искупаться. А потом наденут на чистое тело чистые рубахи и станут еще красивей. Вало Бадалашвили, наверно, не посмел прийти, постеснялся бабушки. И очень хорошо — все равно, сидел бы, как немой, у него ведь силой надо вырывать изо рта каждое слово. Он застенчив, как дикарь. Извините-с. До свиданья-с. Не пришел, так не пришел. Дай Бог ему счастья. Бог вознаградит. Коли ты спасен, что ж, очень хорошо... А нет — так ничего не поделаешь. Интересно, если бы Нико умер, произнесла бы и над его могилой прощальную речь Кето-учительница? Договорила ли бы до конца — вот что Нико хотел сказать. Наверно, нет. Какое для нее имеет значение, кто лежит в гробу — Нико или Тенгиз? Оба — ученики, обоих одинаково жаль. То есть, вернее сказать, Нико, если бы он действительно умер, было бы жаль так же, как Тенгиза, но на самом деле Нико только готовится к

жизни, — спасенный, уцелевший при потопе, дважды рожденный, в растерянности и смятении, только не от неведения и послеболезненной слабости, а от обретенной мудрости и упорства, овеванный, насыщенный дыханием жизни и природы. Так легко он теперь уже никому и ничему, никакому потопу не даст себя затопить, потому что знает: быть одиноким — это значит не просто остаться одному, а от всего отступить и отвернуться; и одиночество не имеет ничего общего с независимостью, а тем более свободой, так как быть независимым и свободным значит именно шагать в ногу с природой, с жизнью, смотреть в глаза опасностям и испытаниям, и не печалью, а делом доказать, что не напрасно принесли такие жертвы его близкие, что он был достоин не только рождения, но и спасения. А для этого прежде всего необходимо, чтобы и он поставил себе целью что-нибудь спасти — хотя бы эти переживавшие деревья, или чью-то могилу, выцветшее фото, надтреснутую чашку, чью-то память — все равно что, лишь бы оно было для него своим, беспредельно, до боли своим, какие бы ни будило в нем воспоминания, горькие или сладкие, как, скажем, следы колесиков проданного пианино на полу. Гитлер, оказывается, собирался уничтожить целые народы. Разумеется, мыслимо вообразить, что кто-то имел такие намерения, но исполнить их невозможно. Иначе, это значило бы, что нет ни Бога, ни человека, нет вообще ничего такого, из-за чего стоило бы жить, из-за чего иногда и смерть бывает не страшна. Если человек не очень глуп и не очень труслив, не то что живого, а и мертвеца не заставишь плясать под свою дудку. Гроб со святой Нино не могли поднять, не могли с места стронуть, чтобы отнести в Мцхету и там похоронить. Потому что здесь она хотела покоиться в земле. Понравились ей здешние кипарисы, полюбила их, не могли поднять гроб с одной хрупкой женщиной, потому что сама она, покойница, этого не хотела. Как же иначе, в самом деле, это объяснить? Какая могла быть тяжесть в одной небольшой женщине, да к тому же святой? Питалась, наверно, одной зеленью да ежевикой. Но то, что любишь, надо любить лишь ради самой любви, и то, что ненавидишь, тоже следует ненавидеть ради любви. Ничто не должно тебя останавливать — ни нужда, ни унижение, ни ра-

зочарование, ни неудача, ни перед чем ты не должен отступать и, главное, необходимо, чтобы ты до самой смерти, до последнего вздоха верил, что из тебя может в самом деле получиться «великий человек». Ты не должен оскорблять сомнением и неверием свое детство. Никогда не должен ты забывать цветущий сад твоего детства, как бы ни изменили, ни иссушили, ни вырубил его время и войны; не забывать его пьянящего солнца, его блаженно-прохладной тени, его незримых и немолчных птиц, обрывков паутины на шершавых инжирных листьях и внезапно возникшей из темной, душной, сумеречной чаши смоковниц цыганки с открытой грудью, предсказавшей тебе будущее «великого человека»; одной рукой цыганка вцепилась в запястье твоей матери, словно собиралась увести ее с собой, а на другой сидел у нее грязный и вертлявый, как щенок, маленький ребенок, ее собственный, то и дело хватавший ее за оголенную грудь — до сих пор, пока мать не сунула ему в руку незрелый плод инжира и пока из надломленной ножки твердого плода не выросла огромная, молочно-белая капля, чье ослепительное сияние постепенно затопило все вокруг — не затопило, а замаскировало, скрыло от дурного глаза, запрятало до лучших дней в молочной белизне, в молочном лоне, чтобы сейчас, в день твоего второго рождения, оживить, восстановить и поднести в дар тебе, как единственному и полноправному владельцу и хозяину. — «Придешь сюда, в комнату, или принести тебе молоко на террасу?» зовет бабушка. Сердце у тебя захлестывает радость, ты переполняешься гордостью. Именно так — ты законный и достойный владелец всего, что уцелело от потопа. С зубчатой стены высокой башни обзревает свои владения великий феодал. Все боятся его, все его почитают — не потому, что он суров, а потому, что справедлив и, главное, знает себе цену. — «Подать вам туда, или изволите в покои пожаловать?» — вот как с ним разговаривают! В зависимости от того, как ты себя поставишь, все и будет с тобой почтительно или непочтительно обращаться. — «Подай сюда!» — бросает он через плечо бабушке. — «Давайте ему как можно больше молока, меда и масла», — сказал доктор и сам засмеялся своим словам — долго хихикал и отдувался. Но бабушка из-под земли достанет что угодно. Ос-

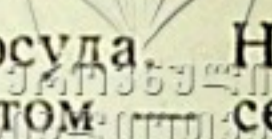
торожно несет она стакан с молоком на блюдце — точно птичку держит на мизинце, чтобы показать ее Нико, и боится, как бы та не улетела. По пути она помешивает ложечкой в стакане. Идет, позванивает, как коза бубенчиком. Во рту трава, в вымени молоко. Густое, сдобренное маслом и медом молоко лениво кружится в стакане, пенится, выбрасывает брызги. Толстая, ленивая молочная капля упала на руку бабушке. Она ставит стакан на перила балкона и медленно, со вкусом, как кошка, слизывает с руки эту каплю. Тихая, ласковая печаль овладевает вдруг Нико, приятно щекочет ему горло — оживляет воспоминания, возвращает далекие, полузабытые дни, — долгие, длинные, как поезд времен его детства, притихшие в ожидании, миротворно зеленые и все же волнующие, пробуждающие множество мыслей, множество переживаний. Это — поезд Нико, поезд его детства, но уже пустой, отведенный в тупик. Во всех окнах поселилась пустота. Как бы бесчувственные, равнодушные, бесцветные, безликие близнецы смотрят на Нико из окон вагонов. Этот поезд уже никуда не идет. Как — не идет? Отчего он остановился? Отчего так опустел? Ведь сюда-то Нико приехал на этом поезде! Что-то произошло слишком рано. Какая-то непредвиденная причина вызвала эту остановку. Пропустили другой поезд, более важный, с солдатами, танками, орудиями — необходимый, важный, значащий гораздо больше, чем детство какого-то одного ребенка. Но Нико все же упрямо вглядывается в лица беззаботных близнецов: может, они случайно что-нибудь скажут, проговорятся, может, в глубине их пустых взглядов еще что-нибудь удастся различить! Нет-нет, неправда — ничто не исчезает без следа, так, как будто никогда и не бывало. Вот бабушка медленно, аппетитно слизнула с руки каплю молока. На террасе стоит стол, покрытый скатертью. Густо-зеленые ветки апельсиновых и лимонных деревьев свешиваются чуть ли не на самый стол. Воздух напоен их крепким и в то же время нежным ароматом, проникающим до глубины души. Где-то поет птица. На скатерти тоже вышиты птицы — странные, с длинными шеями и распущенными хвостами. Стол залит солнцем, ослепительно сверкают под его лучами чашки, блюдца, ложки, молочник, масленка, сахарница и даже кристаллики са-

харного песка, которые только что рассыпал на скатерти Нико, когда он попытался сам, без маминной помощи положить себе сахару в чай. От горячих, поджаристых, шершавых бубликов еще идет пар. Каждый из них так велик, что Нико свободно мог бы надеть его себе на шею. Папа уже встал из-за стола и допивает на ногах последний глоток чая. Потом лебедино-белой салфеткой оттирает себе губы. Смятая салфетка, обронив крылья, падает на стол, а папа сперва целует маму, потом ласково шарит пальцами на макушке у Нико и убегает на службу. Мама лениво и разнеженно, как кошка, слизывает с руки каплю молока и улыбается. Где-то поет птица. На скатерти вышиты странные птицы — с длинными, горделиво изогнутыми шеями и распущенными хвостами. К перилам прислонено игрушечное ружье. Ремень из красной шелковой ленты безжизненно свисает с ружья. — «Мама!» — зовет Нико отсюда, из Сигнахи. Мама оглядывается — но она не видит Нико, просто глядит в сторону Сигнахи. Потом, некоторое время — ничего нет, пустота. Голос невидимой птицы и густо-зеленые, блестящие под солнцем ветки. Внезапно показывается по ту сторону зеленой, влажно-сумеречной глубины двора отец. Вернее, большая отцовская голова на улице, над забором («И я когда-нибудь вырасту такой высокий»). Это он, конечно, спешит со службы домой. Чтобы пообедать вместе с женой и сыном. А потом, после обеда — мертвый час, мучительно-нескончаемый, невероятно живой: наполненный голосами, запахами, желаниями, мечтами, замыслами, грезами и видениями. И — опять пустота, непонятная, ускользающая из памяти. Кокетливые лилипуты и огромные розовые напудренные великаны на цирковой арене. «Бабаликашвили, Бабаликашвили». По улице шагает Голиаф — осторожно, со страхом: как бы не наступить на кого-нибудь. Нико сейчас смешно от тогдашних страхов. Нико сегодняшней хотел бы сказать себе тогдашнему — бойся обыкновенного человека, повседневного, которого не природа, а жизнь превращает в лилипута или Голиафа. Но, сказав это, Нико сегодняшней окажет медвежью услугу Нико тогдашнему. Те, прежние ребячески-беспочвенные страхи предпочтительнее для тогдашнего Нико, навеки оставшегося в мире вышитых мамой птиц, венков из сухих листьев,

или одинаково хорохорящихся карликов и великанов, в мире, где еще не пролаял злобный пес войны, где еще не пробили черепиц на крыше маленького, безобидного дома осколки зенитного снаряда, в спокойном мире, где трудно представить себе выстроившихся в очереди перенумерованных людей, скрежет и звон сталкивающихся бидонов, пьяных матросов, выкорчеванные лимонные и апельсиновые деревья, свежерытую яму для бомбоубежища, стоящего в ней, опирающегося на лопату утомленного, обессиленного человека, и без вины виноватого, охваченного тяжелым предчувствием, сомневающегося в своем ничтожестве, и все же с нетерпением ожидающего своей голодной порции ребенка; где зажигать свет вечером еще не считается преступлением — и, разумеется, участковый, закрывшись с головой брезентом от хлещущих струй дождя, не бегаёт, пригнувшись, по улицам, охотясь за проблесками света в затемненных окнах, как ребенок за бабочкой. — «Остынет молоко», — говорит Нико бабушка, говорит нерешительно, робко — как бы понимает, что он сейчас далеко отсюда и не хочет сразу, окриком возвращать его. Молоко в стакане подернуто блестящей желтой пленкой застывшего масла. Нико, наморщась, отпивает из стакана, и первый этот глоток, теплый, маслянистый, сладкий, ему приятен. Потом опять — пустота и нескончаемые рыдания истязаемого шестью парами рук пианино. Таинство любви на цыпочках входит в дом. Нет, не входит, а прокрадывается: боится тети, папиной сестры, боится ее линейки. И вот — первый посланец внешнего мира, безобразный бородавчатый померанец, мокрый от росы, провалявшийся всю ночь во дворе. Признавайтесь, кому? Признавайтесь, говорю, признавайтесь добровольно! А девочки пожимают плечами и переглядываются с простодушным удивлением, покорно сложив едва оперившиеся крылья, а в душе, небось, каждая из шести мечтает, чтобы этот шар, заброшенный ночью во двор, предназначался именно ей. Перечислить их имена — все равно что песенку пропеть: Ния, Мия, Натули, Дада, Додо, Тату. Разумеется, всем за консулов выйти невозможно. Где столько консулов найти! Дядя улыбается в усы, словно это нисколько его не касается. А его жена и его дочери бегают вокруг стола. Линейка, занесенная, как меч, со свистом рас-

секает воздух. В огромном буфете звенит посуда. Но все случится так, как должно случиться. Потом серое, дождливое утро и встревоженные, переполошенные старшие. Однажды умер какой-то родственник в другом городе (или в деревне), и они точно так же все всполошились и разволновались. Папа сидел за столом и составлял телеграмму. Остальные, вытянув шеи, следили за папиной рукой. А ну-ка, припоминайте, не забыли ли мы кого-нибудь? Нет, детей не надо. А в то утро, напротив, все только о детях и говорили: что с детьми делать, где их спрятать. Детей — в уборную! В выгребную яму! Там их не найдут! Вот откуда ведет начало страх — из выгребной ямы, в которой собираются спрятать детей. А потом и вправду больше ничего — очередь за хлебом, очередь за керосином, очередь за хлебом, очередь за керосином. Номера, написанные мелом на спине, бидоны, камни. Мерзнут ноги, болят намятые бока. Бледная женщина со сбившимся платком и растрепанными волосами, которая никак не может доказать, что занимала очередь, что вышла из очереди только на минуту. Санитары усаживают папу в фаэтон. Папа смотрит по сторонам, смущенно, растерянно, стыдливо, как подсудимый после вынесения приговора, разыскивающий взглядом своих близких в зале суда: «Не верьте, я безвинен!» Все по-своему безвинны. Мама садится с папой в фаэтон. Она тоже поглядывает по сторонам — словно ищет улетевших, собственной рукой вышитых птиц. Фаэтон трогается. По всей улице разносится тяжелый запах гноя и лекарств. У калитки стоит мальчик и провожает взглядом отходящий экипаж, — беззаботный, беспризорный звереныш, щенок. Все еще ребенок. Через несколько минут он поставит вверх дном весь дом, возбужденный ощущением свободы и безнадзорности, и доберется, в конце концов, до завалившейся в самом дальнем углу буфета довоенной конфеты. Отставший от пролетевших дней птенец жметя в углу, а мама, только что вернувшаяся из больницы — она попала в дождь и вымокла с головы до ног — присела на краешек стула, как бы на мгновение, словно птица на проволоку, чтобы передохнуть, и вцепилась зубами в кулак, чтобы удержать рвущиеся изо рта проклятья, чтобы не завывать. А потом — все один и тот же день. Один и тот же день и одна и та же

ночь. Пароходные гудки в порту. Неожиданные свистки санитарных поездов. На крыше буфета — нескончаемая свалка чудищ, страшилищ, змей. Звон раздробленной осколком снаряда черепицы — то ли услышанный сквозь сон, то ли повторенный во сне. Погасите свет! Погасите свет! А, чтоб ты замолк навеки, проклятый! Вырытые с корнями лимонные и апельсиновые деревья свалены дядей под забором. Извилистые, переплетенные, все еще влажные корни похожи на усы мертвой рыбы (катрана). В жуткой пустоте оголенного двора разверзлась пасть огромной черной ямы. В яме стоит дядя — сломленный (невольным грехом), преобразившийся от бессмысленного труда. Это не труд, а отбываемое наказание. Никому не нужно то, что он делает. — «Мне твое бомбоубежище ни к чему, — кричит ему тетя с балкона. — Я себя заживо хоронить не намерена!» — в бомбоубежище и впрямь могильная темнота. Пахнет затхлостью — гнилыми досками и мокрым песком. Но в этой затхлой тьме притаилась Еленица — воображает, что прячется от цыган. Но и мрак бомбоубежища бессилен погасить белизну ее платья с лентами, а затхлость не в силах заглушить запах жареной рыбы — запах Еленицы. Нико не только слышит, но и видит, как бьется ее боязливое сердце. — «Меня скоро похитят, — говорит Еленица, улыбаясь. — Где бы я ни спряталась, все равно найдут». — Бабушка допивает оставшееся на дне стакана молоко и уходит. Уходит, позванивая стаканом, блюдечком и ложкой, кормилица Нико, его Амалтея. А Нико все стоит на балконе и щурится на солнце. Всем своим существом впивает, всасывает он пьянящее дыхание жизни, умудренный месяцем, проведенным между жизнью и смертью, возмужавший. Но возмужание подразумевает и сохранение детского простодушия, детской чистоты — то, что обретено нашим детством, до смерти принадлежит нам. Это — все наше богатство, вся наша благодать, сокровищница, запрятанная в самом надежном месте — все в том же нашем собственном детстве. Благодаря этой благодати набухают и лопаются почки, растет трава, птицы с щебетом вьются друг около друга и на глазах у нас, в нашем присутствии дают начало новой жизни. Еще немного, и вновь наполнятся гнезда блестящими, веснушчатými птичьими яйцами. А Юсеба сло-

жил на камень конец старой, растресканной, отполированной в работе оглобли. На оглобле висят ^{черные} от пота, перекореженные ремни и уздечки, ^{увешанные} бубенцами. В одном углу двора стоят жмутся лошади, в другом углу слепцы вьют веревку. Сам Иосеба чистит конюшню. Из приоткрытой двери конюшни выбивается запах лошадиной мочи, навоза и сырого сена, перед дверью громоздится целая куча навоза. — «Я не знал до сих пор, что такое любовь», — поет Иосеба в конюшне. Кобыла-мать стоит неподвижно и смотрит в землю — словно слушает и даже понимает хозяина. А кобыла-дочь ерзает, то и дело вскидывает голову и тычется в бок матке — словно возмущенная тем, что Иосеба выставил на всеобщее обозрение все их лошадиные нечистоты. Нико помнит рождение этого жеребенка так, как будто это было вчера. Он бросился опрометью в конюшню, но сперва в ее теплом и влажном сумраке ничего не увидел. — «Да вон он, вон!» — показал пальцем Иосеба и лишь тогда разглядел Нико: кобыла-матка беспокойно переминалась, фыркала, а жеребенок лежал скорчившись у ее ног на соломе, положив на собственное бедро взъерошенную голову с мокрыми губами. А сейчас это уже довольно большая кобылка и задается перед Иосебой, — верховодит в доме! — «Не обращай внимания», — говорит ей порой матка и ласково, успокаивающе обхлестывает изрядно посиневшим хвостом ее длинную, напряженную шею. Кобылка ненадолго успокаивается, затихает, как матка, словно и ее захватила песня Иосебы. Теперь они обе смотрят в землю перед собой. Лишь временами вздрогнет на шее или на спине у какой-нибудь из них мышца под лоснящейся, гладкой кожей. Они греются на солнце, как Нико, и держатся так, словно не имеют никакого отношения ни к куче навоза перед конюшней, ни к самой полуоткрытой конюшне, ни к человеку, напевающему в ее сыром сумраке. — «Я не знал до сих пор, я не знал до сих пор», — поет Иосеба. Слепые вьют веревку. Скрипит веревочный стан. Один крутит рукоятку стана, двое держат концы прикрепленных к вилкам стана пучков толстых, шероховатых нитей, а четвертый водит вдоль нитей, между ними большим деревянным инструментом, похожим на гребень. Водит вверх-вниз, вверх-вниз — и нити, про-

пущенные между зубцами гребня, крепко, надежно соединяются в одно целое. Хоть льва связывай. Готовая веревка валяется на земле, похожая на подрезанную под корень девичью косу. Около стана стоит кувшин. Бок у кувшина мокрый — то ли его сейчас наполнили, то ли из него только что пили воду. Четыре молчаливых человека трудятся, закинув головы. Трудятся и смотрят на небо, на Бога — прилежные и мудрые, как пчелы. Каждый их шаг, каждое движение размерено и целесообразно. Хоть они и незрячи, однако ничего не спугают, ни в чем не ошибутся. У всех четверых одинаково закинута лица, устремлень в небо невидящие бесполезные глаза. Бога они все равно не увидят. Зато как бы прислушиваются к чему-то. Словно пытаются сквозь скрип стана и хриплую песню Иосебы слышать какой-то другой, важный для них голос. Наверно, тот голос, который служит им вместо глаз. И моргают они одинаково, как бы в такт. Мелькает под быстрым веком жуткая белизна окаменелых, ненужных, праздных глаз. Хоть они не братья, однако похожи на братьев — не сыновей одной матери, а жителей одной и той же, общей им всем тьмы. Хлопочут, трудятся, создают — с упорством, с прилежанием, с умением насекомого. Не видят мира, но миру нужно их изделие — сколько чего на свете требуется привязать, связать, перевязать, увязать, подвесить... Да и сами они связаны с миром веревкой, следуют за веревкой, как за бесконечной мыслью. Маргарита вывесила на перила своего балкона красное стеганое шелковое одеяло и выбивает его гибким кизилковым прутом. Пыль поднимается от одеяла и золотистым нимбом окружает ее голову. При каждом взмахе прута воздух издает гулкий, отрывистый стон. Свободное платье явственно обрисовывает здоровое, крепкое женское тело. — «Я не знал до сих пор, я не знал до сих пор», — дрожит, переливается голос Иосебы. В углу двора стоят, не шевелясь, лошади, смотрят в землю перед собой. У с — матки и дочери, одинаково поблескивают большие, влажные глаза.

Перевод Элисбара АНАНИАШВИЛИ

Возвращение общечеловеческих ценностей

Перевернута последняя страница романа Отара Чиладзе «Мартовский петух», и на завершающих страницах его почти формулировочно проступает главная внутренняя тема произведения — второе рождение, тема, которая до сих пор исследовалась, пожалуй, почти исключительно в научной литературе, посвященной индуизму. И термин — оттуда, из индуизма, из брахманских традиций и учений, утверждающих, что у человека бывает два рождения: одно физическое, второе — духовное. Насколько мне известно, в художественной литературе до сих пор эта проблема с такой откровенностью никем еще не ставилась. И в этом я вижу бесспорную заслугу автора романа; тем более, что само состояние современной жизни все более императивно взывает к тому, чтобы подумать — а рождаемся ли мы духовно, родившись бесспорно — физически?

В брахманизме ко второму рождению подростка или юношу готовят постом, медитацией, обрядами очищения, возрождением; усвоением моральных постулатов и максим. Героя романа О. Чиладзе ко второму рождению готовит сама жизнь, преподнеся ему жесточайшие уроки познания зла (и добра), самопознания, познания других людей. Такое посвящение не ритуально, но реально, основано не на усвоении готовых нравственных формул, но на процессе их выстраданного обретения и соотнесения с явлениями и горизонтами уже освоенной жизни. Личность юного героя наполняется новым духом, пройдя через осознание события-случая, потрясшего его до потери ощущения своего «я» и адекватности окружающего. Старый личностный мир разрушен. Но из него рождается новый.

Умение точно и тонко воспроизвести переживания центрального персонажа зиждется не только на владении приемами традиционного литературного психологизма, но и на знаковом восприятии действительности, на глубоком осмыслении явле-

ний-символов, реалий-символов, как бы служащих для героя дарами познания и самопознания.

Есть реальная мотивировка: мальчик болен после тяжелого потрясения, его свалила тяжелая пневмония; но конкретная суть происходящего то и дело воспаряет к иной сфере, в которой воспоминания, переживания, осознания обретают знаково-бытийственную вертикальную значительность. Тем самым структура художественного мышления О. Чиладзе (как и в предыдущих его произведениях) выявляет свой подлинно синтетический смысл, в котором конкретное почти всегда завязано в единый узел с универсальными вопросами человеческого бытия. И его императивами.

Второе рождение предполагает не только обретение нового духовного и личностного качества, но и отказ от чего-то. Чего? Задумываемся ли мы о том, что все десять заповедей начинаются с отрицания? «НЕ убий»... («ахимса» индуизма = НЕ насилие). Вокруг заповеди «не убий» и разворачивается внутренний сюжет произведения. И тут очень любопытен логически-образный круг, который и образует в романе всю систему художественных доказательств. Именно художественных, хотя в произведениях такого рода (когда моральный постулат — в центре внимания) легко впасть в морализаторство. Но этого (за редкими исключениями) не происходит.

Подобно навязчивому видеосюжету прокручивается в сознании и воображении героя центральный — «взрывной» — эпизод: преследование неизвестного человека группой вооруженных людей и его убийство. Отношение к этому трагическому факту подразделяет персонажей на разные группы, вы светляет их нравственные установки и стереотипы поведения. Если для главного персонажа этот случай — боль и мучение, то для других — совсем иное. Почти брейгелевско-достоевские (из «подполья») фигуры вырисовываются в ряде сквозных эпизодов, нанизанных и на воспоминания о другом, уже далеком убийстве (Ильи Чавчавадзе). Тема каиновского мироощущения реализуется в образах гротескных и зловещих, каких-то подземно-подпольных (кстати, невольно вспоминаешь «Розу Мира» Даниила Андреева...), но тем не менее укорененных в самом что ни на есть конкретном быте и повседневных проявлениях. Традиционная для О. Чиладзе тема генетической цепочки зла реализуется в образах дяди и племянника, которые о совершенных ими злодеяниях думают чуть ли не с гордостью, видя в них возможность возвыситься. Над чем? Вот тут и возникает ощущение подполья-подземья, напоминая мо-

тивы Достоевского и Даниила Андреева, мотивы инфернальные, философски насыщенные — об отрицательном измерении античеловеческого в человеке. Думается, современный грузинский писатель коснулся здесь материй, невороятно существенных для современного нашего мира и мироощущения. И опять же — почти не углубляемых в современной литературе. О. Чиладзе касается таких долов человеческой психики (в обыденных, вовсе не демонических проявлениях), в которые надо бы повнимательнее взглядеться, если мы действительно хотим предотвратить нравственную катастрофу, о которой так много в последнее время кричим. Точный и подробный диагноз лучше любых самых громких взываний...

Принцип НЕ насилия, по сути, — отрицание отрицания. Отрицается отрицание жизни (то же и «не убий!»). Но отрицательная жизнь агрессивна в своем жизнеотрицании, она омертвляет живое. Так в сознании главного героя возникает, например, странно-невероятный образ — знак «меловой коровы», которая превращает в НЕ жизнь живое, лишает цвета многоцветное, словно окутывает саваном сущее. Подобных многозначных образов в романе много. И примечательно, что в нем происходит именно не борьба противоположных идей (смерть — жизнь), но имеет место столкновение полярно различных образов. Если «меловая корова» — смерть и омертвление, то вечно цветущее и вечно плодоносящее домашнее лимонное дерево — жизнь. Скорее — Древо Жизни, то самое, что существует в самых древних религиозных и мифологических традициях самых разных народов. И психологическое наполнение этого образа, и восприятие дерева героем романа — солнечны, несут ту светлую эманацию, которая, по древним повериям, была ниспослана с неба и породила жизнь. Отрицание отрицания происходит не с помощью методов отрицания — насилия, но как замещение жизненного пространства светлыми реалиями, рядом с которыми не могут существовать омертвляющие тенденции.

Благодаря такой структуре сюжетообразования романа О. Чиладзе возникает некий новый тип конфликта (новый для нынешней литературы), при котором осознание, вытеснение злого, наполнение добрым существенно прямой «борьбы добра со злом». Я увидела в этом отголоски забытой или затаенной мудрости, которая теперь начинает постепенно выходить на свет Божий; возможно, кто-то прочтет этот роман по-другому. Его полифоничность и образная многомерность дают основания для разных толкований. Но, думается, в любом слу-

чае ведущих к познанию — через этот художественный текст — не замечаемых ранее «знаковых» ситуаций жизни и глубинных человеческих проявлений.

На мой взгляд, новый роман О. Чиладзе — произведение «прорывное», открывающее новые пласты действительности. И произведение, апеллирующее к тому, что мы называем общечеловеческими ценностями. Возвращение их в современность — самая актуальная задача.

Зоя ФИНИЦКАЯ

* * *

То песенка печальная,
То радости свечение...
Не властна смерть случайная
Над жизненным течением.

В душе — то дождь. То ломкие
Морские волны льдистые,
Надежда фонтаны звонкие
Сугробы серебристые...

То склон, тропинкой меченый,
То тень скалы загадочной,
О, эта жажда вечная!
Дней вереница сказочных!

О, эта песнь великая!
Верь, чудеса сбываются.
Бессильна смерть безлика,
И жизнь не кончается!

* * *

На лодке, выцветшей от солнца и воды,
Я плыл при свете красивейших берегов...
И останавливался отдохнуть
У стран самозабвения. Порой —
У устьев радости и сожаления,
У айсбергов сомнений. Иногда
Качался долго на волнах мечты...
Но у островов ненависти —
— Никогда!...

На лодке, выцветшей от солнца и воды
Я приближаюсь к вашим берегам,
К невиданным, неведомым простраям...
Я много раз еще останавлиюсь:

У дамб,
В тени нависших грозно скал,
То поблизости солнца,
То в безмолвии звезд...
Но у островов ненависти —
— Никогда!..

* * *

Но дорогая!
Разве смысл имеет
Весна, когда
Разлившейся реки поток
К волнам морским не вынесет случайно
Зацветшей ветви
Или обломков старого моста?
И если где-нибудь в горах плотина
Со вздохом не обрушится и стоном
От праздника, спустившегося с гор?
И если на отлогих, снежных склонах
Не будет нам заметен на рассвете
Той радости, что смешана с печалью,
Блестящий ярко свет?

Перевод Дмитрия МИЗГУЛИНА

* * *

Когда свершится
такое чудо,
что тень украдкой
меня покинет,
она не канет камнем в Лету,
но и не объявится
в сказке, в раю.
А в мире детства поселится тень
и будет смеяться
свободе, счастьем.

Перевод Сергея ЧАЛОВА

* * *

Я, как всегда, спешил к тебе.
И снова опоздал.
Но не с богиней встречи я
Все это время ждал.

Спешил я к морю своему
Без края и без дна.
В нем свет и правда доброты
И неба глубина.
Любовь — и радость и беда.
О том ли мне тужить?
И ради нескольких минут
На свете стоит жить!
Улыбкой-радугою ты
В мечты мои вошла.
Как снег на куполах церквей,
Улыбка та была.
Глазами удивленных звезд
Вовсю сияла даль.
О, знала б ты как я спешил!
И все же... опоздал!
Нет, не к волшебному огню,
Не к божеству я шел.
Безбрежный света океан
К тебе меня привел.
Есть очень древние слова,
Чей смысл извечно нов:
Миквархар! — Я тебя люблю!
Да здравствует любовь!
Ей покровительствует гул
Брезентовых небес.
И крепости в горах стоят
И ждут ее чудес.
При ней звучат колокола
В особой тишине.
При ней — пока любовь жива —
Не победить войне!

Перевод Владимира ПРИХОДЬКО

ФАЗАНЫ В ЗАСУХУ

РАССКАЗ

Был конец весны. Душный тбилисский вечер почти завладел моей комнатой. Свет лампы, наполовину скрытой за газетным листом, падал на письменный стол...

В открытое окно влетает шум мчащихся мимо машин, из переулка временами доносится протяжный визг трамвайных колес. Непрошенные эти звуки стыдливо отскакивают от стен и навсегда покидают комнату. Ты сидишь за письменным столом и пишешь. Газета вокруг лампы направляет свет на чистый лист бумаги. Не всегда пишется одинаково.

Когда все обдумано и мысль бежит впереди пера, пишется быстро и легко. Гораздо медленнее идет работа, если в контурах возводимого тобой здания многого не хватает — перо при этом часто отдыхает. Ты ощущаешь усталость, тебе как будто нечего сказать... Жажда мучает тебя, тоска и уныние овладевают тобой.

Ты начинаешь мерить шагами свою комнатку, потом бегло просматриваешь написанное, боясь, как бы неуклюжее твое слово не обожгло тебя. Ты садишься за стол, кладешь ручку и беспомощно оглядываешься по сторонам. Знакомые предметы окружают тебя. Ты пристально вглядываешься в них, словно хочешь почерпнуть из них неведомую силу, которая потрясет и покорит тебя. Глаза в первую очередь ищут книги. Подходишь к шкафу, осторожно открываешь его, но нужной книги не находишь. Нетерпение охватывает тебя, взгляд перебегает с полки на полку, дыхание прерывается, нервы на пределе и... вдруг до твоего слуха доносятся таинственные голоса, слышен звон колоколов.

Золотой за горами сверкнул луч,
серебром укрылся ручей...
Соснул на холодном камне звонарь,

замер стон колоколов:

на-у, на-ни-на.

ЭЛМЭБЭЭЭЭ
ЭНЭЭЭЭЭЭЭЭЭЭ

На тебя снисходит успокоение.

Порой же в тебе начинает звучать тревожный вопрос поэта:

Послушайте!

Ведь если звезды зажигают —

Значит — это кому-нибудь нужно?

Значит — кто-то хочет, чтоб они были,

Значит — кто-то называет эти плевочки

жемчужиной?

Ты мысленно покидаешь комнату, устремляешься ввысь, к звездам, и слышишь только их таинственную вечную мольбу.

Но наступает момент, когда даже стихи бессильны поддержать тебя. А в поддержке нуждается каждый. Горько одиночество, но еще горше — равнодушие, и по этому поводу стоит поспорить.

Между тем невысказанное ищет выхода. Ты вновь вливаешься взглядом в знакомые предметы, стремясь увидеть ранее не замечаемую красоту, и вспоминаешь те блаженные минуты, когда хотелось крикнуть: «Остановись, мгновенье!».

Такие минуты нередки и нечасты. Они всегда приносят с собой неповторимое блаженство, это блаженство поддерживает тебя днями, месяцами, годами...

А время летит без оглядки, растет чувство нетерпения и жажды. Время... время... Перед глазами возникают лица, знакомые и незнакомые. Толстый карапуз, ожидающий у калитки детского сада папу или маму. Монтер на столбе, старательно укрепляющий провод, что-то со смехом кричащий товарищу, стоящему внизу. Комната заполняется множеством людей, они входят и выходят, и первый, кого ты замечаешь среди них, это Гиви, друг твоего детства, белокурый мальчик с неподражаемой улыбкой и роковым образом стертыми чертами лица. У него был врожденный порок сердца. Он с детства знал, что ему не суждена долгая жизнь — его поддерживали лекарствами.

Мы могли беседовать с ним часами, но могли и молчать часами, сидя друг подле друга. Так можно сидеть на берегу моря, наблюдая за игрой волн — это никогда не наскучит. Или стоять на краю скалы, любуясь, как облака вслед за сол-

нечным лучом прочесывают вершины гор в ущелье. Тогда не замечашь, как течет время.

Болезненная бледность не сходила с лица моего друга до самых его последних дней, но улыбка у него была поистине колдовская — озорная, заразительная. Она преображала его, и я забывал обо всем на свете, кроме того, что интересовало его.

Надо быть очень сильным человеком, чтобы уметь так улыбаться, когда ты рожден для того, чтобы бороться за жизнь.

Улыбка Гиви однажды вернула меня в этот мир. Я ехал в автобусе и вдруг увидел, как мужчина, сидящий впереди, сполз со своего сидения. Я почувствовал на затылке чью-то руку, затем в глаза бросились огромные камни, и молнией пронзило мозг: конец!

Больше я ничего не помню.

...Я услышал неясный шум, с трудом поднял веки, но что-то больно резануло по глазам, и я снова закрыл их. Потом опять открыл и где-то далеко-далеко увидел знакомую улыбку. Она медленно приближалась, прояснялась, я почувствовал, что-то падает на меня. И я пришел в себя, различил синюю полосу на белой стене маленькой палаты, высокие липы за окном и понял, что я жив, жив...

Гиви стоял, наклонившись надо мной и, улыбаясь, протягивал мне маленькие красные яблоки. Руки его дрожали, и красные с длинными хвостиками плоды по одному падали на кровать, на пол... Эти яблоки, из которых варили прекрасное варенье, росли у него во дворе, и я очень любил их кислото-терпкий вкус. Дом Гиви стоял на склоне Махатской горы и Сванетисубани, и его издали легко можно было заметить по обилию зелени вокруг. Этот сорт яблок поспевал поздней осенью, и когда обессиленные листья трепеща слетали с веток, дерево, на котором оставались только красные величиной с орех плоды, представляло собой удивительное зрелище.

Гиви, улыбаясь, осторожно провел рукой по моему лбу.

Я только потом узнал, что после аварии долго лежал без сознания, и улыбка Гиви вернула меня в этот мир.

Я не был свидетелем его последних дней, не видел его и мертвым, поэтому, наверное, смерть не стерла в моей памяти его неповторимой улыбки.

Мы, Гивины друзья, не помним его поникшим, потерявшим вкус к жизни. Но об одном случае, который он сам нам

рассказал, мне все же хочется вспомнить, чтобы быть до конца искренним. Вот он, этот случай.

...В тот год лето выдалось таким засушливым, что ни одна капля не пролилась в Алазани. В июне и июле невольно вспоминался далекий Евфрат, «Богу милостивому», «Богу — немилосердному», а в августе казалось, земля превратится в пепел. Горы вокруг Алазанской долины лишь по утрам имели обычный свой цвет, потом они светлели, и вся их красота растворялась в пару, стоящем над раскаленной землей.

Да разве только красота гор?! В полдень в двух шагах ничего нельзя было разобрать — все поглощала бессмысленная, бесцветная, стоящая столбом пыль.

На шоссе также лежал толстый слой пыли — нога проваливалась в нее по щиколотку. Следы от колес четко выделялись на ней. Вдоль дороги тянулись ряды кустарника, покрытого опять-таки густым слоем удушающей пыли. Пыль стерла все границы и, куда хватал глаз, все казалось выкрашенным скучной серой краской.

Я уныло плелся по дороге и вообще на душе было уныло. Не потому, что погода стояла такая гнусная, а для меня, человека, не совсем здорового, она что кинжал в сердце. Нередко бывает — погода отличная, а на сердце давит что-то бессмысленное и бесцветное, как засуха, и не оставляет тебя.

Высохшее русло реки представляло собой жалкое зрелище. Пыль накрыла речные камни, как бы желая навеки зарыть их в землю.

В отдалении виднелись какие-то непонятные фигуры того же цвета пыли. Они тянулись вдоль каменистого берега реки, исчезая где-то вдалеке, в хаосе пыли.

Я по насыпи спустился с моста. Непонятные фигуры вблизи напоминали огромных овец, одурманенных жарой. И только подойдя к ним вплотную, я понял, что это заросли ежевики, покрытые густой пылью. Я мысленно ругнул себя — надо же так ошибиться! — и швырнул камень в «овцу».

Что-то ослепительно яркое вырвалось из зарослей, разноцветно прорезало горячий воздух, разбросав вокруг тысячи радужных искр, на какое-то мгновение замерло и унеслось — как недосыгаемая мечта. Осталась только черная точка, и та вскоре исчезла.

Когда первое потрясение прошло, я понял, это ослепительное диво — фазан, одинокий фазан.

Почувствовав прилив энергии, я пошел вверх вдоль вы-

сохшего русла реки. «Громадные овцы» дремали на берегу. Я швырял в них камни, и только немногие из них урзгали крылатые сокровища. Фазаны попарно взмывали в воздух, озаряя все вокруг, роняя искры. Потом они встречались в воздухе и уносились вдаль, скрывались из глаз.

Но одинокий фазан — это нечто совсем особое! Своими небольшими крыльями он сдернул с земли огромное пыльное покрывало, обнажил скалу, в которую упирался каменный берег реки, с одной стороны и цветущее поле с другой, а за ним чудесное село, откуда доносился гомон жизни и каждый вечер был полон песнями.

Он и меня осыпал искрами, легким своим пухом сдул мою апатию...

Такие мгновения нередки и нечасты. Они приносят неповторимое блаженство, и это блаженство поддерживает нас днями, месяцами, годами...

Мой друг искал эти мгновения и находил их. Я вспомнил этот случай, который произошел с ним на берегу высохшей реки, и чувство, овладевшее мной, заставило меня забыть все писанные и неписанные правила, и вылилось в этот рассказ, когда душный тбилисский вечер почти завладел моей комнатой.

Перевод Н. НИНИДЗЕ

ИЗ КНИГИ «ДВЕНАДЦАТЬ КАПРИЧО»

Девятое каприччо

Бейся, о, море,
Пусть хаос в твоей груди
Пророчит конец безумной дороге.
Пасть Левиафана раскрылась,
И полна чадом гневливая скверна адской дыры.
Пусть в белесый дурман обратился лотос,
Который сжимала ладонь златовласого бога,
Пока за горизонт не стекла кровь неба,
И кривая звезда не рассекла ночь.
Пусть об алые рифы сломает шею
Вольная птица моей страсти
И царапины счастья оставит там —
Вот драгоценная гемма!

Птица, лети!
Пока в очах изумрудный свет,
А под крылом облака,
Пока стремленье неуловимей луча,
И стезя безупречна, как нить шелкопряда.
И цель очевиднее яви.

Бейся, о, море!
Пока ветер во мне,
Как осьминог к родимой норе,
Правит ковчег. И во тьме
Он не собьется, хотя
Не воздвигла слепая надежда огонь на мысу,
И зрачки раздирает в соленом тумане
Гарпун Посейдона.

Где твой берег и тревога над ним?
Север дохнул или грядет потоп?..
Вот осеннее древо столетья роняет печальные тоды...

Кто заронит в тебя свет накануне дороги?
И в чьем ожиданье сойдутся желанье и верность?
О, если губы мои твоих не оттают,
Во многоточие жизнь обратится,
Свершенная трижды...

Если на заре от семени твоего побег
Во чреве моем не зацветет,
Как посох Аарона в святом шатре,
Кто, подобно тебе, омоет губы в росе
И песню твою уведет
В глубину июля под звон косы?

Где твой берег и тревога над ним?
Северный ветер грядет, или, млея, как ведьма в соломе,
Янтарные кости разбросала луна?
Вновь желтеет тоска по откосам...

Чье милосердное дыхание согреет тебя,
И чье молчание станет опорой твоей, едва
Схлынет бремя последней волны и, как пыль на ветру,
Потеряешь покой на земле?..

Кто помянет тебя?
Под каждым камешком шип.
Змееныш в каждой норе.
И к трубе прилип зазывала, скликаая зевак.
Это не важно, друг или враг.
«Только один. Только один на двоих!..»
Рев. Победитель-палач
Отсеченное ухо толпе протянул на ладони, как мак...

Ночь в огне. И прошлое в ней
Лежит черней головни.
Бог-пилигрим опалил ступни
И маму зовет во сне...
Очаг горяч, и в доме — запас:
Уксус есть, и вода...
Если плоть распяли сейчас,
Куда полетит душа?

Будущее, что ожидает нас —
Как медуза в волнах.
О, жена Лота, эта боль,
Поверь, сильнее твоей.
...Бейся, море!
Хотя ощущение бездны
Наследное, словно гул фамилии отчей,
Мучит опять,
Как воспаленная жила.
Кажется, всадник бесцветный посреди ночи
Стремительно, как стрела,
Меня настигает. Накидка его бела,
И, словно флаг на мачте, реет во тьме...
Грозного времени воцаренье чудится мне,
И не видно желанной зари, конца пути.

Птица, лети!
Поражение — участь бессильных.
Страсть чиста!
Одержимый любовью — не судим.
Тверд купол наших душ и объедин.
И хрупок языческий жертвенник,
Как черный хрусталь.

Как черт от ладана от собственной тени
С рожденья убегаю, но доколе — скажи!
Знаю, на зов родного гнезда
Прилетают вчерашние птенцы-малыши,
Различая дорогу среди звезд...
Но где мое гнездо или хотя бы погост?
Озаренный лучом истины
Спасительный холм — где он?
И как звучит его тишина?
Заплакала на печальной лире струна
Чужим голосом. С померкшими страстями, одна
В лесу заблуждений брожу опять.

Здесь начало Голгофы моей,
И не на кого пенять.
Здесь предел. Не воспрянуть мне уже, не посметы!
О, смерть!
Где была твоя победа, когда задел
Ворон-демон впервые мои крыла?

Все мечты схоронились. Не перешла
Ни одна цель через тот роковой порог —
Треснувшее волшебное зеркало
Застыло у ног,
И туман вечности повелевает судьбой...
Что означает этот стон мой?
Жалоба, в обреченной
Синеве рокочущая волной?
Лебединая песня — не более.

И взор мой,
Величием рассвета ввергнутый в страх, —
Не более, чем белесый мох на камнях.
И тело мое,
Жаждущее дождя и тепла —
Засохшее дерево, пустыня, мгла.

И отлетающий пар —
Дыханье мое в бреду.
Слезой пришла и слезой уйду!

Каиново племя, зависть твоя не знает предела!
Прогневался Бог,
Семь чаш гнева на голову тебе пролил.
Неправедно нажитое спалил.
Ржа пожрала, черное серебро истлело.
И ржа отныне беспощадный свидетель твой.

Сеявший ветер, собирай урожай!
(В пот бросает тебя за твои дела).
Глаза подвели. И бездна времени тебя провела.
А клятва, которую ты отверг вчера,
Превратилась в копье.
Опять перед братом стоишь, в чем мать родила.
На смокве — ни листика.
Ни крупицы правды — в тебе.

...Птица, лети!
Пока в очах изумрудный свет,
А под крылом облака,
Пока стремленье неуловимей луча,
И стезя безупречна, как нить шелкопряда,
И цель очевиднее яви.

Перевод Владимира ЕРЕМЕНКО

Убийца проживает в 21-ом номере

РОМАН

ГЛАВА XVI ПРОВОКАТОР

Уверяю вас, дружище, что редакция журнала «Найт энд Дэй» рада, что вы — один из наших лучших репортеров, собираетесь жениться на племяннице лорда! — сказал Перси Меган. — Я не стану также отрицать того, что статус жениха требует исполнения некоторых обязанностей. Однако деятельность журналиста требует того же. Вы не появлялись в редакции уже целых три дня.

— Ну и что?

— Я позволю себе дать вам один дружеский совет. Женитесь поскорее! Тогда по крайней мере вечера вы будете проводить с нами.

— Мисс Стендиш здесь ни при чем! — ответил Джинджер Лоусон с видом оскорбленного достоинства. — Мое отсутствие вызвано если не более серьезными, то по крайней мере не терпящими отлагательств причинами. Я намерен самолично изобличить мистера Смита.

— Черт возьми! Вы забыли об одной детали, Шерлок! Мистер Смит уже изобличен!

— Вы ошибаетесь, — ответил Джинджер, приведя в качестве аргументов те же соображения, что и профессор Лала-Пур. — Они арестовали Хайда лишь по-

---

Окончание. Начало см. в №№ 7. 8.

тому, что им удалось уличить его во лжи. Но истинный мистер Смит не попался бы на таком пустяке!

— Даже наиболее ловкие преступники порой совершают вершают грубые промахи!

— Только не преступники такого масштаба! Не забывайте, что он водит полицию за нос с ноября прошлого года!

— Ну ладно! И каким же это образом вы собираетесь вывести его на чистую воду?

— Вам когда-нибудь приходилось охотиться на хищников?

— Нет.

— И мне тоже не приходилось. А вот мой дедушка по отцовской линии убил в Колорадо в те времена, когда все думали лишь о танцах, больше львов, чем вы произнесли ругательств за свою жизнь.

— Позвольте вам возразить, Джинджер! В Колорадо нет львов.

— Уже нет! Так вернемся же к Филиберу Лоусону. Знаете, в чем состоял его секрет?

— Он, вероятно, пользовался при охоте пулеметом?

— Нет, приманками!

Вооружившись терпением, Перси Меган поинтересовался:

— Какая связь между этой историей и?..

— А вы посмотрите на меня.

На Джинджере была меховая шуба. Из-за спины он вынул объемистый желтый кожаный портфель, который он до сих пор скрывал. Сунув в рот сигару, Джинджер медленно прошелся по кабинету.

— Допустим, вы — мистер Смит... Не возникает ли у вас желания убить меня?

— У меня уже возникло желание убить вас, хотя я и не мистер Смит!.. Немедленно уходите!

— Хорошо, хорошо. Истинный талант всегда остается непризнанным.

— И чтобы завтра вы были здесь в девять часов утра, независимо от того, удастся ли вам повстречаться с преступником или нет.

— Я постараюсь... Если, конечно, завтра не будет тумана.

Джинджер не обращал никакого внимания на схи-

дные замечания, несшиеся ему вслед. Коллеги спрашивали его, не получил ли он случайно наследство, не собирается ли он на Северный Полюс и чем это набит его портфель, уж не рукописями ли будущих статей?

Джинджер прошел редакционный зал мелкими шажками, лишь на минуту задержавшись возле своего стола, чтобы открыть верхний правый ящик и достать оттуда свой пистолет. На улице ничего не было видно на расстоянии одного метра. Так что необходимо было принять некоторые меры предосторожности.

Лоусон уже шел по тротуару сквозь настоящее гороховое пюре. Скользящая и грязная улица блестела, словно плащ полицейского. Джинджеру казалось, что он начинает глохнуть и что он наталкивается на какие-то призраки.

«Да это же просто смешно!» — подумалось ему.

Действительно, у него не было и одного шанса из тысячи, чтобы вот так, случайно, повстречать мистера Смита. Вместе с тем он, несомненно, был единственным человеком во всем Лондоне, кто весьма желал этой встречи!

Как бы там ни было, он все же двинулся в направлении площади Рассела, в бешенстве затягиваясь сигаретой. Теперь после упреков этого Перси ему еще придется выслушать упреки и Присциллы. А она, конечно же, обвинит его в том, что он неизвестно зачем шатается по улицам и, в принципе, будет права.

Когда он подходил уже к Линкольнз Инн Филдз, за его спиной раздался знакомый голос:

— Мистер Лоусон, если не ошибаюсь?

Джинджер резко обернулся. Сердце его бешено колотилось. Подошедший сзади человек не выдал своего присутствия ни малейшим шорохом.

— Ах, это вы! Добрый вечер! — сказал он, наконец узнав своего собеседника. — А что это вы здесь делаете?

— Гуляю, как видите.

— И как эти фараоны отпустили вас?

— Да ну их всех к черту! Один из них вздумал сыграть роль ангела-хранителя... И в конечном итоге расквасил нос об уличный фонарь.

Этот ответ очень не понравился репортеру, хотя он сам не мог себе объяснить почему.

— А куда вы направляетесь? — неожиданно спросил Джинджер.

— Туда же, куда и вы.

— А если мне захочется сигануть в Темзу?

— Тогда я помогу вам.

Джинджер остановился, чтобы получше рассмотреть своего собеседника... В детстве он жил в большом мрачном доме, стоявшем в гуще сада, в котором было много искусственных гротов. Проходя мимо них, он заставлял себя засовывать вовнутрь голову... Вообще-то Джинджер не курил, поэтому раскуренная еще в редакции сигара вызвала у него сейчас приступ дурноты... Но вот окажись он на заводе по изготовлению боеприпасов, он непременно закурил бы. А Перси назвал бы его «провокатором»... Ну что ж...

— Очень хорошо, мистер Смит! — произнес наконец Джинджер, пристально вглядываясь в собеседника и пытаясь увидеть на его лице хотя бы мимолетное выражение удивления или страха.

Его, однако, ожидало разочарование. Собеседник ответил тоном, не выражающим ничего, кроме слабого интереса:

— И какая это муха вас укусила?

— Я решил так называть всех пансионеров миссис Хобсон. Тогда у меня появится шанс назвать убийцу его настоящим именем!

— Ну, знаете ли, мистер Лоусон, это действительно глупая шутка. Да и к тому же... небезопасная. Предположим, я действительно мистер Смит. Так ведь я же могу в любую секунду отправить вас в мир иной.

Какой-то тайный инстинкт подсказывал Джинджеру, что он не должен доверять этому сладкому голосу уверенного в себе человека. Поэтому, бравируя, он решил рассмеяться. Однако сам был удивлен тем, насколько искусственно прозвучал этот смех.

— И не мечтайте об этом! В правом кармане моего пиджака лежит пистолет и палец сжимает курок.

Однако его собеседник продолжил свою мысль:

— Если бы вместо того, чтобы писать газеты, вы их хоть иногда читали, то вам было бы известно, что в настоящее время мистер Смит находится в руках полиции.

Но Джинджер оттолкнул протянутый ему спасительный шест:

— Вы что же, считаете, что Хайд и есть настоящий убийца?

Последовавший ответ крайне удивил репортера.

— Нет, не считаю.

Несколько шагов они прошли в полном молчании. Затем Джинджер снова заговорил:

— Странно, что вы не верите в виновность доктора. Ведь с тех пор, как была доказана невиновность мистера Коллинза, а у майора Фэрчайлда появилось неоспоримое алиби, тень подозрения в случае оправдания доктора падет лишь на трех пансионеров... Вы ведь тоже входите в их число!

Теперь пришла очередь его собеседника рассмеяться. Его сдержанный резкий смех перешел в сухой кашель.

— Быть может, вы уже начинаете сожалеть о том, что оказались сейчас со мной в одной компании, мистер Лоусон?.. Ведь мы идем по совершенно пустынной улице, и туман окутывает нас со всех сторон...

Джинджер действительно был близок к тому, чтобы начать уже сожалеть об этом, однако заупрямился:

— Вовсе нет. Ведь мы с вами ведем весьма увлекательную беседу.

— И при этом ваша подозрительность по отношению ко мне возрастает с каждой секундой!

— Вовсе нет, — повторил Джинджер. — Я просто подозреваю вас всех вместе взятых: и вас, и в равной степени тех двух пансионеров, о которых мы с вами только что говорили.

— Ну тогда вы поступаете неправильно.

— Почему же неправильно?

— Потому, что вы подозреваете тех двух...

— Но почему?

— Потому что они невиновны!

Джинджер почувствовал какую-то странную слабость. Перед ним зияла пасть темного грота, но он еще не мог обойти ее стороной... И все же он решительно сунул голову вовнутрь:

— Должен ли я понимать это так, что вы и есть?..

— Именно так, — ответил его собеседник и тут же добавил своим как всегда спокойным тоном: — А

вон как раз и полицейский на той стороне площади. Можете позвать его, если считаете нужным!

Репортер посмотрел в указанном направлении, а его спутник в ту же секунду вынул руку из кармана, занес ее вверх и, отступив на шаг, нанес неотразимый удар.

Джинджер тут же растянулся на тротуаре, лицом к земле, даже не вскрикнув.

Его опрометчивая мечта осуществилась: ему все-таки удалось повстречаться в тот вечер с мистером Смитом.

ГЛАВА XVII.

«ДОРОГАЯ ВАЛЕРИ»

— И все-таки... я не понимаю, где же его оружие? — поинтересовался Прайор в тот момент, когда Стрикленд уже намеревался выйти. — Вы должны были бы обнаружить его!

— Да... Но только в том случае, если оружие до сих пор находится в пансионе!

— Что вы хотите этим сказать?

— С тех пор, как двадцать первый номер по площади Рассела находится под наблюдением, мистер Смит совершил еще три преступления, при этом два из них в общественных местах. Если даже допустить на минуту, что вопреки всей очевидности, ему удалось оборудовать под крышей миссис Хобсон такой тайник, который мы не в силах обнаружить, то неужели вы полагаете, что он рискнул бы выйти из дому в прошлый вторник и вчера вечером с мешочком песка в руках? Осмелился бы он на подобный шаг? Конечно же, нет! Ведь если бы при выходе его обыскали наши люди, это грозило бы ему явным провалом.

— Как же вы тогда объясняете, что все жертвы, за исключением месье Жюли, были убиты одним и тем же оружием?

— Очень просто. До убийства профессора мистер Смит обладал еще определенной свободой действий и, должно быть, предвидя, что рано или поздно за пансионом станут наблюдать, он оборудовал себе тайник в

дома. Таким образом, он может входить и выходить из дому с пустыми руками.

— Но на улицах Лондона не так-то просто оборудовать тайник подобного рода.

— На улицах нет, а вот в парках и скверах места сколько угодно. Вероятнее всего, его оружие лежит под каким-нибудь кустом.

— Но тогда возникла бы опасность, что его могут найти дети или просто гуляющие.

— Ну и что? На ткани ведь не остается отпечатков пальцев.

— Да, отпечатков не остается, однако это бы лишило мистера Смита его оружия.

— Только лишь на время. Да и к тому же, лучше ведь оказаться безоружным, чем повешенным!

Прайор топил в разбушевавшемся море маленькую купальщицу, нарисованную голубым чернилом на его бюваре:

— Ну что ж, с надеждой найти прямые доказательства придется распрощаться. Если целый дом еще можно обыскать, то обшарить весь город — нереально!..

— Скажем иначе: квартал. Та быстрота, с которой мистер Смит возвращается в пансион после совершения очередного убийства, ограничивает район поисков площадью Рассела.

— После ареста Коллинза, казалось бы, поставившего окончательную точку в расследовании этого дела, было решено, что наблюдающие за домом инспекторы будут записывать часы ухода и прихода всех пансионеров мужского пола. А после убийства миссис Данком был отдан приказ возобновить слежку за каждым из пансионеров. Похоже, они проигнорировали последний приказ!..

— Я займусь выяснением этого.

Придя к себе в кабинет, Стрикленд вызвал инспекторов Силвера Фишсби и Хапгуда.

— На рассвете был обнаружен труп мистера Лоусона, репортера из «Найт энд Дэй». Доктор Ханкок утверждает, что это преступление было совершено мистером Смитом около одиннадцати часов вечера. Вам было поручено вести слежку за мистером Крабтри, профессором Лала-Пуром и мистером Андреевым... Кто из вас упустил своего подопечного?

Инспекторы обменялись смущенными взглядами.

— Около девяти часов из пансиона вышел майор Фэрчайлд, — сказал наконец Хапгуд. — Он четырежды обошел вокруг сквера быстрыми шагами, растолкав при этом с полдюжины прохожих. После чего он вернулся в пансион и уже больше из него не выходил.

— Плевать мне на майора Фэрчайлда. Я спрашиваю вас о трех других.

— Индус вышел в 20.28. Он сперва свернул на площадь Вуберна, затем пересек площадь Гордона, дошел до Гордон Парка и там...

— Что, испарился?

— Я бы скорее сказал, что он буквально растаял в тумане.

— А что было затем?

— Я вернулся к пансиону. Профессор вернулся только в 23.45.

— Теперь я слушаю вас, Силвер! Чем занимался мистер Андреев? Готов поспорить, что он тоже не сидел дома!

— Совершенно верно, шеф. Он вышел в 20.10. Кажется, ему было неприятно мое присутствие. Он многократно оборачивался и смотрел на меня в упор. А потом я совсем неожиданно упустил его.

Силвер почувствовал необходимость оправдаться, но поскольку ему не доставало воображения, он сказал:

— Я бы сказал, что он буквально растаял в тумане.

— Час от часу не легче! А когда он вернулся?

— За полночь. 00.42.

— Ну что ж, у нас остается еще мистер Крабтри...

— Тот вышел из пансиона в 20.30... — бодро начал Фишсби, испытывая уже некоторое сожаление, что говорит не первым, — а вернулся в 23.50. Сперва было такое впечатление, что он куда-то торопится. Но потом он стал останавливаться перед каждой витриной магазина и рекламами театров и кино. Мне удалось проследить за ним до Хеймаркста.

— А там он, разумеется, буквально растаял в тумане.

— В некотором роде да, шеф, — ответил Фишсби и тут же браво добавил: — Я никогда не упускаю своего подопечного, но мне нужно по крайней мере видеть его!

Стоя у своего окна и видя, что перед домом останавливается полицейская машина, мистер Андреев, столь хладнокровный и рассудительный обычно, испытал минутную панику. Жребий брошен! Шпики приехали за очередной жертвой!

Подойдя к камину, он стал перед зеркалом и принялся шутливо гримасничать, изображая то загнанного в угол преступника, то лихого авантюриста.

Пока он так паясничал, в дверь постучали, и женский голос окликнул его по имени.

Андреев пошел открывать. В комнату вошла миссис Хобсон, шурша шелком своего платья. Выглядела она довольно встревоженной.

— Я хотела предупредить вас. — запыхавшись, начала она. — Невинность доктора Хайда доказана... Это чудовище — мистер Смит совершил очередное убийство!..

— Когда?

— Вчера вечером. Полицейские опять обыскивают дом. Они хотят поговорить с вами, с профессором Лала-Пуром и мистером Крабтри.

Мистер Андреев вполне натурально продолжал разыгрывать ту комедию, которую играл самому себе:

— Боже мой! Я погиб!

При этом он незаметно наблюдал за реакцией миссис Хобсон. Увидев, что она пребывает в состоянии нерешительности, он добавил:

— Я опять не смогу сказать им, где я провел вечер! А ведь я уже отказался сообщить им, что делал в то время, когда было совершено убийство миссис Данком!

— А почему вы отказались?

— Потому что я был у женщины.

— А вчера вечером?

— Но вчера вечером я тоже был у женщины!

— У той же самой?

— В том-то и дело, что у другой.

— Ах вы, шалун этакий! — игриво сказала миссис Хобсон, погрозив Андрееву пальцем. — Мне следовало бы перестать проявлять к вам интерес... но я не в силах это сделать!

— Моя дорогая Валери! — воскликнул русский,

хватая миссис Хобсон за руки и вдруг добавил: — Зовите меня просто Борисом.

Миссис Хобсон сильно побледнела. Она, казалось, вела жестокую борьбу с самой собой.

— Послушайте... Ни в коем случае нельзя допустить того, чтобы они вас арестовали!.. Давайте я скажу им, что тот вечер мы провели с вами вместе...

— Где же?

— В моем маленьком кабинете.

— Но многие пансионеры могут опровергнуть этот факт.

— Ну тогда у меня в комнате!

— Они спросят у меня, что я там делал.

— А вы скажите им... Вы ведь сами знаете, что им сказать!

Мистер Андреев изобразил искреннее волнение, которое, впрочем, он почти что испытывал.

— Подобное самопожертвование... — начал было он, но миссис Хобсон прервала его, сказав просто:

— Друг познается в момент нужды.

Андреев обнял ее за плечи, а она, полузакрыв глаза, подняла голову вверх. Так, в молчании, они простояли довольно-таки долго, но все же не поцеловались. Тем не менее, когда Валери Хобсон впоследствии вспоминала эту сцену, то чувствовала на своих губах дыхание Бориса.

— Нет, — произнес наконец русский. — Я от всего сердца благодарю вас, моя дорогая, но я либо выкручусь, либо погибну без посторонней помощи. Что там такое? — спросил он, когда на лестничной клетке скрипнула половица.

Подойдя к двери и широко распахнув ее, он схватил за руку мистера Крабтри, семенившего к лестнице.

— Вы что же, любитель подслушивать под дверьми? — раздраженно спросил он.

— Нет, нет! — забормотал мистер Крабтри. — Я просто шел вниз.

Стрикленд начал допрос с профессора Лала-Тура, утверждавшего, что накануне вечером он просто ходил в кино, да и к тому же не заметил за собой никакой слежки.

После профессора Стрикленд вызвал мистера Крабтри и удивился, увидев, что тот входит один без сопровождения.

— Моя жена заболела и не встает с постели, — объяснил мистер Крабтри. — Я воспользовался ее недомоганием, чтобы пойти повидаться с друзьями.

— Где у вас была назначена с ними встреча?

— В одном из пансионов возле Финсбери Сиркус.

— А в котором часу?

— В девять вечера.

— Это уже интересно. Именно в это время вы входили в Хеймаркет. За вами следил один из моих людей!

— Только не выдавайте меня! — тихо простонал мистер Крабтри. — Моя жена уверена, что я время от времени навещаю своих друзей. Однако скажу вам, чтобы быть уже до конца откровенным, что эти редкие часы свободы я предпочитаю проводить в театре или кино. Случается, я просто шатаюсь по улицам, без определенной цели, как бы в поисках приключений. если вы позволите так выразиться.

Похоже, мистер Крабтри действительно говорил правду. Однако Стрикленд не собирался довольствоваться услышанным. Его вопросы опередил вошедший в комнату Стори. Подчиненный протянул ему конверт без марки, на котором большими буквами было выведено его имя.

— Я только что обнаружил это письмо. Оно было прикреплено к зеркалу, возле вешалки... Еще пять минут тому назад его там не было...

Вскрыв конверт, Стрикленд достал оттуда обычный листок бумаги, на который были наклеены вырезанные из разных газет буквы и слова, составившие следующий текст:

Если Коллинз заикается, а Хайд — хромает, то Андреев — выживает. Внимательно осмотрите его шубу и поинтересуйтесь, что он делал вчера во второй половине дня в баре «Савойя» в обществе мистера Лоусона.

«А этот кретин Силвер даже и не подумал мне ничего сказать об этом!» — мелькнуло в мыслях у Стрикленда.

Обратившись к Стори и протягивая ему прочитанное письмо, он сообщил:

— У нас появился добровольный союзник! Бегите в бар «Савойя», опросите хозяина и персонал. В случае необходимости разыщите клиентов, проводивших там время вчера, во второй половине дня. Если факты подтвердятся, немедленно звоните мне! Скажите Фуллеру, чтобы он в лупу осмотрел всю висящую в коридоре одежду, а Берду — чтоб он немедленно привел мне Силвера. Мордонт пусть тоже зайдет сюда... Да, и позовите этого Андреева!

ГЛАВА XVIII.

Мистер Смит — АНДРЕЕВ

— Я готов! — сказал Андреев, входя к Стрикленду.

В зубах у него торчал окурок сигареты, а в руках он держал несессер из свиной кожи. При этом у него был такой веселый вид, словно он собирался на уик-энд.

— Готов?.. К чему? — буркнул в ответ Стрикленд.

— К тому, чтобы следовать за вами.

— Я вас не понимаю!

— Как же так! Разве мистер Смит не совершил очередное убийство и вы не намерены меня арестовать?

— А кто вам сказал, что мистер Смит совершил убийство?

— Никто не говорил. Я сразу понял это, как только ваша машина, забравшая сперва Коллинза, а затем Хайда, остановилась перед домом. Я живу в ожидании ареста еще с 29 января, с того самого дня, как был убит месье Жюли... Ведь я... — тут русский замолчал и, сунув руку в карман, достал оттуда разноцветную вышивку.

Бросив ее на стол, он продолжил:

— О мертвых плохо не говорят... И все же этот бедняга профессор мог бы постараться и выцарапать хотя бы еще одну букву!.. Тогда конкуренция резко снизилась бы!

Стрикленд спокойно рассмотрел вышивку, в которую еще была воткнута игла, затем аккуратно сложил ее и спросил:

— Где вы были и что делали вчера вечером, между восьмью часами и полночью?

— Боюсь, что мои ответы грешат однообразием. Я был у одной дамы.

— У той самой дамы, что подает чай в самоваре? — спросил Стрикленд, вовсе не скрывая своего недоверия.

— Нет, у одной девушки из Челси, которая предпочитает коктейли.

— И имя которой вы опять-таки не намерены называть?

— Увы, это так!

— В таком случае, прежде чем продолжить, я вынужден предупредить вас, что каждый ваш ответ будет подписан и сможет обратиться в свидетельство против вас... Вы записываете, Мордонт?

— Я все фиксирую, сэр! — сообщил Мордонт.

Андреев не произнес ни слова, но на его губах играла ироничная улыбка, означавшая: «Ну вот и приехали — а что я вам говорил?»

— Чем вы занимались вчера после обеда? — продолжал Стрикленд.

— После обеда я находился в компании мамонтов и бронтозавров в Музее естественной истории в Саут-Кенингтоне.

— Надеюсь, вы не рассчитываете на то, что я вам поверю?

— Нет... Конечно же, нет!

— Зачем же вы тогда заведомо лжете?

— Чтобы хоть как-то оживить беседу! Вы ведь задаете мне множество вопросов, ответы на которые знаете заранее!

— Ну ладно! Признаете ли вы то, что находились в обществе мистера Джинджера Лоусона, репортера из «Найт энд Дэй», в баре «Савойя»?

— Конечно! А что в этом такого?

— Что вы там делали вместе?

— Бедный мальчик, да храни Господь его душу, — попросил меня в прошлый понедельник написать ему серию статей об актерах, остающихся всегда за кадром, которые, как и ваш покорный слуга, очаровывают публику лишь своими голосами. «Найт энд Дэй» предложила мне пять фунтов за лист, а я хотел

получить десять. В конце концов мы пришли к согла-
сию.

— А что означает эта фраза: «Да храни Господь его душу!» Зачем вы это сказали?

— Очевидно затем, что я верю в существование души, переживающей тело!

— Ладно! Допустим наше появление позволило вам сделать вывод, что мистер Смит совершил очередное преступление, но каким образом оно смогло подсказать вам имя самой жертвы?! Кто поставил вас в известность о совершенном преступлении?

— Один из ваших людей.

— Один из моих людей?! Кто же?

— Почему же я знаю? Они там стояли вдвоем на лестнице и опрашивали кого-то из пансионеров в то время, как я спускался вниз. Заметив меня, они отошли в сторону, но все же секундой позже, чем следовало бы!

Стук в дверь помешал Стрикленду досконально выяснить этот подозрительный факт. Вошедший в комнату Фуллер держал в руке шубу Андреева. Его обычно невозмутимое лицо сияло от торжества.

— Ну и? — поинтересовался Стрикленд, протягивая руку.

Фуллер отдал ему шубу с отпоротой подкладкой, из-под которой, словно бабочки, посыпались визитные карточки.

Подобрав их, старший офицер прочел вслух:

— Мистер Смит... Мистер Смит... Мистер Смит...

Его взгляд невольно обратился к актеру:

— А вот это уже требует некоторых объяснений, мистер Андреев.

— Я счастлив услышать это от вас! — сказал последний, подходя неторопливо и беря в руки одну из карточек.

— Любопытно! — сказал он, осмотрев ее со всех сторон. — И где же были эти бумажки — в карманах или же в рукавах?

Стрикленд вопросительно глянул на Фуллера.

— Они были зашиты в подол шубы, мистер, между тканью и подкладкой...

— Понятно... — задумчиво протянул русский. —

Впрочем, в этом доме, должно быть, не я один умею держать иглу в руках, как вы считаете?

Стрикленд нахмурился:

— Вы хотите сказать, что вам было невдомек наличие визитных карточек в вашей шубе?

— Конечно же нет, черт возьми! Правда, она показалась мне несколько тяжеловатой, но чтобы сделать из этого вывод о том, что...

— Хватит ехидничать, мистер Андреев!

— Моя шуба часами висит на вешалке, да и всю ночь тоже. Следовательно, эти визитки подсунуть мне мог кто угодно.

— К несчастью для вас, события доказали невиновность как мистера Коллинза, так и доктора Хайда. Что же касается остальных пансионеров, то мы никогда серьезно не подозревали их, поскольку посмертное обвинение месье Жюли касалось лишь вас троих.

— Неужели! А я вот думаю, что во французском языке достаточно глаголов, начинающихся на «b»!

— Да, но среди них вы не сможете найти и шести, которыми бы мог воспользоваться умирающий, чтобы указать на своего убийцу. Все сводится к глаголам *bégauser*,¹ *bafoûiller*,² *boiter*,³ *broder*.⁴

— Нужно будет приобрести на днях толковый словарь французского языка, — ответил на это Андреев, выпуская под потолок клубы дыма.

— Боюсь, такой случай вам больше не представится. Эти визитные карточки являются тягчайшим обвинением против вас... Поэтому будет лучше, если вы сознаетесь.

Русский сидел на стуле, обхватив колено обеими руками.

— Прошу прощения! Эти визитки были бы тягчайшим обвинением, если бы на них были мои отпечатки пальцев... А их там нет!

— Откуда вам это известно?

— Поскольку я вижу их сегодня впервые, то своих отпечатков я на них оставить не мог. Что же каса-

¹ заикаться (фр.). Здесь и далее примечания переводчиков.

² бормотать, мямлить (фр.).

³ хромать (фр.).

⁴ вышивать (фр.).

ется настоящего преступника, то он не настолько глуп, чтобы забыть там свои.

— Вы все занимаетесь софистикой! У вас есть только один способ доказать нам свою невиновность... Назовите имя девушки, с которой, как вы утверждаете, вы провели вчерашний вечер.

— Весьма сожалею, но это невозможно.

— Тогда имя той дамы, у которой вы были во вторник вечером.

— Даже и не надейтесь на это.

— Какой же суд поверит в то, что вы находились оба раза в обществе женщин, социальный статус которых не позволяет им дать показания в вашу защиту, в то время как обстоятельства в любую секунду могли сложиться таким образом, что вам понадобилось бы твердое алиби?

— Кто знает? Ведь не все же суды состоят исключительно из пуритан и глупцов.

— Зачем вы совершили убийство мистера Лоусона? Чтобы обокрасть его, как вы поступали с вашими предыдущими жертвами, либо же потому, что он стал подозревать вас?

— А какой из двух мотивов вас больше всего устраивает?

— Речь идет не о том, что мне подойдет или не подойдет. Отвечайте на мой вопрос!

— Хорошо! Я отправил Лоусона в мир иной потому, что он предлагал мне сотрудничество, которое принесло бы 100 фунтов стерлингов.

Кто-то снял трубку уже звонившего некоторое время за стеной телефона. Затем послышались поспешные шаги, и в приоткрывшуюся дверь заглянула миссис Хобсон.

— Это вас, инспектор, — сказала она, глядя на Андреева.

— Спасибо, — ответил Стрикленд.

Секунду спустя, он уже держал трубку в руках:

— Алло!

— Я звоню из «Савойи», — слышался на том конце провода голос Стори. — Адамс — здешний бармен, говорит, что вчера после обеда видел мистера Лоусона, которого он знает уже не первый год, в обществе мужчины, полностью отвечающего описаниям рус-

ского. Репортер расплатился пятифунтовой банкнотой, его бумажник, похоже, был набит деньгами.

— Этот Адамс где-то поблизости?

— Да.

— Тогда спросите у него, какая, примерно, сумма могла находиться в бумажнике.

После непродолжительной паузы вновь раздался голос Стори:

— Адамс не решается утверждать, но ему кажется, что у мистера Лоусона было при себе около пятидесяти фунтов стерлингов.

— Очень хорошо. Ваш друг бармен будет проходить свидетелем по делу.

Повесив трубку, Стрикленд вернулся в гостиную:

— Этот разговор мы продолжим в Скотланд-Ярде, мистер Андреев! — сказал он, войдя. — Убийство мистера Лоусона не принесло вам убытков. Напротив, вы заработали на этом около пятидесяти фунтов наличными.

— Вот как!

— В общем-то меня всегда удивляло то, что вы выбираете свои жертвы, полагаясь лишь на внешние признаки, часто бывающие обманчивыми. Кому же нравится работать впустую, как это было в случае с Дэрзуэнтон... Ваше вчерашнее поведение мне гораздо более понятно! Встретившись с человеком в таком месте, где ему пришлось открыть при вас свой бумажник, вы уже задумали его убийство. Весьма ловко задумано! Так что вы уже можете не утруждать себя ответом на вопрос, который я вам задал до того, как вышел. Мистер Адамс, бармен из «Савойи», ответил на него за вас. Кражу вы произвели не столько для того, чтобы провести нас, сколько из своей природной алчности. Так что убийство репортера было совершенно с той же целью, что и все предыдущие.

— Мне весьма интересно было узнать об этом! — ответил Андреев. — Ну что, поехали?!

ГЛАВА XIX.

БЕЗОБЛАЧНАЯ ПОГОДА

Доктор Хайд был не столь удачлив, как мистер Коллинз, и его возвращение в пансион «Виктория» бы-

ло воспринято с некоторой прохладцей. Для него не было подготовлено ни приветствий, ни пирога. По отношению к нему не испытывали той симпатии, которую испытывали по отношению к его сотоварищу по несчастью, а миссис Хобсон была недалеко от того, чтобы обвинить его в аресте Бориса Андреева. После ареста русского она сникла и стала угрюмой и печальной. Теперь она появлялась только за столом, да и то с красивыми глазами.

Что же касается журналистов, то они с каждым часом становились все более настойчивыми, выдвигали все новые и новые предположения. Любопытству их тоже не было предела: они окружили пансион плотным кольцом. Ну а полицейские? Эти были видны повсюду: они рылись в шкафах, заглядывали под кровати, а некоторые даже вскрывали паркет и простукивали стены. Когда же у них спрашивали, что они там ищут, те отвечали нечленораздельным бурчанием. По правде говоря, они, похоже, и сами не очень-то хорошо знали, что именно они пытаются найти. Тем не менее, полиция несомненно рассчитывала обнаружить в пансионе пресловутый мешочек с песком, украденные деньги и драгоценности миссис Данком.

Присутствие полицейских крайне стесняло обитателей пансиона и совершенно выводило из себя майора Фэрчайлда.

— Я никогда еще не сталкивался с подобным нахальством! — сказал он как-то за обедом. — Клянусь Богом, скоро они поинтересуются, почему я вставляю монокль именно в правый, а не левый глаз!

— Непременно спросят, — поддержала его мисс Паутер. — Я и сама уже давно размышляю над этим вопросом.

Одно лишь служило майору утешением — агрессивный тон статей, посвященных расследованию. Флит-стрит, — возмущение которой достигло предела после того, как один из репортеров пал жертвой преступника, — в один голос критиковала методы расследования Скотланд-Ярда. А оппозиционные газеты даже требовали отставки его шефов.

«В наше время все охотно подшучивают над Шерлоком Холмсом и его слишком примитивными методами, — писала, в частности, газета «Клерикен» — Однако ге-

рой сэра Артура Конан Дойля имеет несомненное превосходство над старшим офицером Скотланд-Ярда Стриклендом: его догадки были гораздо точнее».

«Нам остается лишь радоваться тому, — вторила в свою очередь газета «Диспетч», — что в пансионе «Виктория» обитает лишь полдюжины подозреваемых. Но мы содрогаемся при мысли о том, что могло бы нас ожидать, если бы мистер Смит поселился в гостинице первого класса!»

Мистер Коллинз сдался после трех с половиной дней допросов. Доктор Хайд сохранял презрительное молчание до самого своего освобождения. А вот мистер Андреев признался сразу.

Лишь только он очутился в прокуренном кабинете и глаза ему ослепил яркий луч света, Андреев стал отвечать «да» на все задаваемые ему вопросы.

Да, встречу Джинджеру Лоусону он назначил с целью выяснения содержимого его бумажника. Да, репортера он убил так же легко, как и предыдущие жертвы. Да, он...

Однако все эти признания звучали намеренно неуклюже, неестественно и часто сопровождались ироничными комментариями. Это были такие «да», которые в действительности означали «нет».

«Так что сделал преступник с украденными деньгами?» «Эта подробность вылетела у меня из головы», — отвечал Андреев. «А где оружие, которым совершались преступления?» «В Гайд Парке, на собаьем кладбище».

Стрикленд выслушивал все это, не моргнув глазом, зато его подчиненные закипали от бешенства. Редко кому из задержанных удается сопротивляться такому допросу. Так вот Андреев, как и Хайд, казалось, плевал на своих мучителей. Две жертвы меньше чем за неделю — это уж слишком!

Стрикленда заинтриговала еще одна вещь. Русский все время пристально вглядывался в клочок неба, видневшийся через решетку.

— Вы что же, ожидаете помощи с небес? — спросил он как-то, не выдержав.

— Да, — откровенно признался Андреев. — Я уверен в том, что Коллинз, доктор и я были, каждый в свою очередь, единственными людьми в Лондоне, же-

лавшими, чтобы мистер Смит не прекращал серии своих преступлений...

— Тогда приготовьтесь, я вынужден вас разочаровать, — решил подыграть ему Стрикленд. — В Лондоне установилась хорошая погода.

Старший офицер говорил правду. До 20 февраля тумана не ожидалось. Тем не менее, это не помешало в один прекрасный день...

Двенадцатого утром Стрикленд в очередной раз допрашивал Андреева. Они сидели и обменивались холостыми выстрелами.

— Эта система ни к чему вас не приведет, — терпеливо убеждал Стрикленд Андреева, как он уже убеждал Коллинза и Хайда относительно их собственных «систем», хотя те резко отличались друг от друга. — У нас достаточно доказательств для того, чтобы убедить присяжных в вашей виновности. А такое отношение может только настроить их против вас.

— Допустим, я стану убеждать вас в том, что я невиновен. Вы поверите мне?

— Нет.

— Зачем же утруждать себя этим?.. Я не люблю делать над собой усилия, особенно если они тщетны.

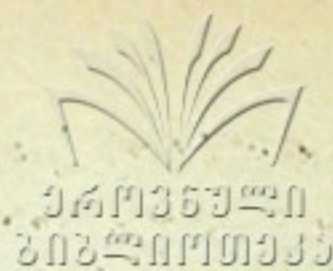
Стрикленд хотел было ответить, но ему помешал раздавшийся в этот момент телефонный звонок.

— Алло! — сказал он в трубку. — Да... Что?! Мистер Смит убит?.. Это невероятно!.. Кем?! Мистером Смитом?.. Да, да... конечно... Хорошо, я иду!

Пока он вешал трубку, его взгляд переместился с безоблачного неба на внимательное лицо мистера Андреева.

— Произошло совершенно невероятное событие, — сообщил он, смертельно бледный. — Только что на тропинке, отходящей от Гайд Парка, неподалеку от Гросвенорских ворот, был обнаружен труп некоего мистера Алена Смита, биржевого маклера. Его убил и обворовал его бесчеловечный однофамилец. Судебный эксперт утверждает, что преступление было совершено вчера, между десятью и одиннадцатью часами вечера.

ГЛАВА XX.
ПОКОЙНЫЙ МИСТЕР СМИТ

Говорят, что история повторяется. Что же касается «дела Смита», то оно постоянно возобновлялось. Так, после преступления в Гайд Парке, неуловимый убийца, преследуемый самой ловкой в мире полицией, в третий раз заставил Скотланд-Ярд приносить свои извинения невинному. Трижды этому злому гению удалось подставить вместо себя другого.

— Перед нами прямо-таки непреодолимая стена! — мрачно сообщил сэр Кристофер Хант на совещании, состоявшемся двенадцатого числа во второй половине дня. — С одной стороны мы видим четырех человек, невинность которых совершенно очевидна, а с другой — двух других, к которым, похоже, посмертное обвинение месье Жюли не имеет никакого отношения! Есть ли у вас причины подозревать одного из них больше, чем другого?

— Нет, — честно признался Стрикленд. — Также как и они не в силах доказать свою невинность, так и я не в силах доказать их причастность к этим преступлениям.

— А была ли у них теоретическая возможность совершить преступление?

— Судя по всему, нет.

Сэр Кристофер был не столь хладнокровным человеком, как его подчиненный, поэтому он взвыл:

— Да, что это вы мне тут сказки рассказываете?

— Вот отчет Хэпгуда, сэр. Вчера вечером он вел наблюдение за пансионом, вместе с Флауэром.

«Мистер Крабтри вышел из дому в 19.48. На Саутхемптон-роуд он сел в омнибус, а вышел на Пикадилли Сиркус. Немного послонявшись, он зашел в кинотеатр «Нью Геллери» на Риджент стрит. Я сел неподалеку от него. Посмотрев фильм, мистер Крабтри вернулся домой. Часть пути он прошел пешком, а другую часть проехал на омнибусе».

— Да, это неоспоримое алиби! — согласился сэр Кристофер.

— Да. — вмешался тут Прайор, рисовавший на каком-то старом конверте двух соревнующихся в скорости борзых. — Если только Хэпгуд не лжет...

— А зачем ему лгать?

— Хотя бы потому, что он уже однажды упустил своего подопечного из виду и во второй раз признаться, что вновь не смог проследить за ним, было бы для него катастрофой.

— Мистер Крабтри утверждает, что в тот день, когда было совершено убийство миссис Данком, он добрую часть второй половины дня пробегал по магазинам, — продолжал сэр Кристофер. — Вы нашли продавщиц, обслуживавших его?

— Да, сэр. Двух из них. К сожалению, их показания не дают нам возможности хоть сколько-нибудь продвинуться вперед. Первая понятия не имеет, в каком часу она обслуживала мистера Крабтри, а вторая обслуживала его задолго до того, как было совершено убийство.

— Ну, а Лала-Пур?

— В настоящее время он выступает с концертами в «Палладиуме», как вы это сами знаете. Флауэр проследил за ним до самого здания театра и целый вечер караулил у служебного входа. Если верить его словам, индус вышел лишь в полночь. Тем не менее, я сам намерен посетить спектакль и засечь время, которое профессор проводит на сцене. От восточного человека можно ожидать чего угодно...

— Но все же не того, что он проходит сквозь стены, надеюсь? — поинтересовался Роберт Прайор.

Теперь за борзыми пыталась угнаться целая свора злых шавок.

— Конечно же нет, — совершенно серьезно ответил Стрикленд. — Но он мог тайком покинуть театр, предварительно загримировавшись, чтобы провести Флауэра. В программе ведь много разных номеров, исполняемых китайцами и другими цветными.

Запасы аспирина, которыми леди Хант набила карманы своего мужа, уже истощились: голову сэра Кристофера стали охватывать тиски мигрени.

— Мы стоим с вами на месте! — буркнул он. — Почему это, черт возьми, мистер Смит отважился напасть на человека в ясную погоду?

— Потому что туман заставил себя ждать! — ответил Прайор.

— Он вполне мог бы прожить и на ренту...

— Да, если бы не его страсть к убийствам. Стрикленд как-то дал мне весьма милое объяснение. Уверенный в своей силе, мистер Смит совершает сейчас преступления не столько ради наживы, сколько ради того, чтобы бросить нам вызов...

— Но это же настоящее безумие! У него трижды уже была возможность бросить тень на другого человека!

— Такие, как он, преступники обычно берут на себя все совершенные ими преступления. И, кто знает, быть может, у него в голове зреет иной план?

— Да, но вот только какой? Каждое новое совершенное им преступление уменьшает его шансы ускользнуть от нас. Ведь у нас осталось всего двое подозреваемых!

После этих слов наступило молчание. Все трое с неожиданной остротой ощутили свою беспомощность. Вокруг них бродила грозная тень мистера Смита.

— Но должен же быть какой-то выход из этого положения! — нарушил тишину Прайор. — Точнее, какая-то возможность парировать удар. Нам нужно арестовать одновременно и индуса, и мистера Крабтри и ждать.

— Чего ждать? — буркнул в ответ сэр Кристофер. — Чтобы на нас напали с флангов?.. Вот уже второй день появление моей машины на набережной королевы Виктории вызывает враждебные выкрики людей. Если бы только сэр Луэрд Хьюз не отказался наотрез принять мою отставку... — тут он предупредительно поднял руку вверх. — Да и ваша отставка, Стрикленд, тоже не решит дела! До сих пор вам не очень везло, но я сомневаюсь, чтобы ваши коллеги действовали бы с большим успехом. Необходимо...

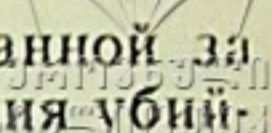
Сэр Кристофер замолчал, потому что в дверь уже вторично и весьма настойчиво постучали. Открывать пошел Стрикленд. На пороге стоял весь красный, растрепанный, с перекосившимся галстуком Стори.

— Ну и?

Стори подошел поближе и возбужденно, с дрожью в голосе принялся что-то шептать своему шефу на ухо.

Мгновение спустя Стрикленд уже докладывал:

— Мы нашли оружие, сэр! Оно лежало в подвале одного заброшенного дома на Риджмонт-стрит, 14.

Мешочек с песком висел на веревочке, привязанной за слуховое окошко. Перед совершением преступления — убийства — це достаточно было только потянуть за веревочку, чтобы вытащить мешочек с песком... Кстати, здесь легко прочитывается система, которой уже однажды воспользовался преступник, спрятав деньги в ванной комнате.

— Надеюсь, вы все оставили на своих местах?

— Да, сэр. Мешочек с песком по-прежнему висит, подвешенный к решетке, и дом сохранил свой прежний заброшенный вид... Короче, мышеловка готова захлопнуться!

— Сколько у вас людей?

— Шестеро. Наблюдение ведется днем и ночью, смена приходит каждые четыре часа, и все полицейские будут держать со мной тесную связь.

То, что Стрикленд сказал напоследок, было полной неожиданностью:

— Я снял отпечатки пальцев всех пансионеров. В наших архивах фигурируют лишь отпечатки доктора Хайда. Кроме того, я составил более или менее детальное жизнеописание каждого пансионера, черпая сведения из самых различных источников. Наконец, мне удалось выяснить, какой именно суммой располагал мистер Алан Смит в тот день, когда его убили. Она выглядит просто смехотворной: один фунт, девять шиллингов и три пенса... Какие еще действия я могу, по-вашему, предпринять?

— Нанять частного детектива, — ответил Прайор.

А в это время Тоби Марш, игравший со своим охранником в морской бой, неожиданно смахнул рукой все со стола.

— Да это же просто невозможно! Они делают это специально! — в бешенстве воскликнул он. — Я уже целых две недели сижу за решеткой, а дело так и не сдвинулось с мертвой точки! Целых две недели прошло с тех пор, как я им сказал: «Интересующий вас тип живет там-то и там-то!» О, небеса! И они еще называют себя полицейскими?.. В таком случае я — папа римский!

— Ну что, сыграем по последней, Марш?

— Да идите вы к черту с вашими проклятыми миноносцами!.. Вы выиграете у меня мою премию еще до того, как я успею ее получить!..

ГЛАВА ХХІ. ЧЕТЫРЕЖДЫ «ДА»

Свое представление профессор Лала-Пур начал с того, что превратил монету достоинством в пенни в букет искусственных цветов, букет — в зонтик от солнца, зонтик — в лейку, лейку — в русского кролика, а русского кролика в курицу. При этом он сообщил, что этот номер состоит еще из целого ряда метаморфоз, оканчивающихся появлением взрослого слона, с погонщиком на спине, но однажды случилось так, что последние отказались отправиться в обратный путь. Поэтому лучше всего было поверить ему на слово и на том и успокоиться.. Раскурив сигарету, он заглотнул ее, выветрив дым из карманов. Потом, показав пустой чайник и, перевернув его, он произнес над ним какое-то заклинание, — сидевший в пятом ряду майор Фэрчайлд клялся, что оно было не на пенджаби, — после чего вылил оттуда столько постоянно меняющей свой цвет жидкости, что она заполнила шесть стаканов для вина. Затем он положил в сундук kota и колоду из пятидесяти двух игральных карт, после чего подошел к занавесу и достал оттуда четыре туза, из своего тюрбана — четырех королей, наклонившись к будке суфлера достал оттуда четыре дамы и так далее, пока не собрал всю колоду. Постучав своей черной палочкой с наконечником из слоновой кости по сундучку, он извлек на свет целое семейство белых мышей. С этой минуты все ожидали, что он заставит исчезнуть весь оркестр. Спустившись в зал, он попросил у шести зрителей написать на бумажках свои имена и, сложив их вчетверо, бросить в его цилиндр. Перемешав бумажки, он начал наугад их доставать и возвращать владельцам. Поднявшись на сцену, он обратился к зрителю:

— Мистер Бартон, не могли бы ли вы сказать мне который час?

— Разумеется! — ответил мистер Бартон, однако

поторопился с ответом: часы его исчезли, а вместо них на цепочке висела вставленная в брошь камея.

— Мистер Найт, можно попросить у вас сигарету?

— А откуда вы знаете, что я курю сигареты? — буркнул в ответ мистер Найт.

Однако поднеся руку к карману, он обнаружил, что его портсигар тоже исчез, а вместо него к отвороту пиджака приколотая булавка для галстука в виде головы оленя.

Под тем предлогом, что он хочет угадать их личности, профессор Лала-Пур ловко вытаскивал у каждого какой-то предмет и искусно подкладывал его кому-то другому.

— Гм! — сказал Стрикленд Мордону. — Ей-богу, это самый ловкий карманщик, которого мне когда-либо доводилось видеть!

Инспекторы сидели в шестом ряду, наблюдая одновременно за индусом и за шестью пансионерами, сидевшими перед ними. Они, словно овечки, сбились вокруг своего пастора. Пастором, конечно же, была миссис Хобсон, а овечками — мисс Холленд, мисс Паутер, супруги Крабтри, мистер Андреев и майор Фэрчайлд.

— Давайте отпразднуем возвращение мистера Андреева коллективным выходом! — предложила перед этим за обедом мисс Паутер. — Кто против?

Все были за. Возражали лишь майор Фэрчайлд, доктор Хайд и мистер Коллинз. Первый — из духа противоречия, второй потому, что на него накатила очередная волна мизантропии, а третий потому, что до сих пор не мог прийти в себя после ареста. Но майор все же в последний момент примкнул к большинству.

Выступление профессора Лала-Пура закончилось бурным апофеозом: над залом штопором крутился серпантин, во всех четырех углах сцены возникли цветы из цветной бумаги и флажки из английских цветов, к потолку улетали воздушные шары. Что касается самого индуса, то его исчезновение произошло до страшного быстро и незаметно.

— Как вы смотрите на то, чтобы сделать небольшой визит в примерную профессора? — предложил Стрикленд Мордону.

Не дожидаясь ответа, он направился к кулисам, а Мордонт поторопился за ним, не преминув предварительно порекомендовать Стори и Берду тайком понаблюдать за миссис Хобсон и ее спутниками.

В антракте последние остались на своих местах, вследствие чего бармену в тот же день удалось подать вдвое меньше коктейлей, чем обычно. Для многих зрителей, узнавших группу пансионеров по виденным в газетах фотографиям, настоящее представление происходило не на сцене, а в зале.

— Мне что-то не верится, что мистер Смит случайно напал на одного из своих однофамильцев, — неожиданно сказал майор.

— И мне тоже! — признался Андреев. — Мне кажется, что наш национальный преступник — любитель драматических эффектов. Возможно, я и ошибаюсь, а возможно, он выбрал себе жертвой мистера Алена Смита, чтобы потрясти общественное мнение...

— Не думая, что он на этом заработает?

— Похоже, что так.

Майор охотно продолжил бы эту беседу, однако русский, не обращая на него никакого внимания, наклонился к миссис Хобсон.

После окончания спектакля, ознаменованного традиционным «Боже, храни короля!», пансионеры бросились к служебному входу, мистер Андреев предложил провести конец вечера в русском ресторане, владелец которого — бывший полковник императорской охраны — был одним из его друзей.

— Идите, если хотите, — буркнул на это майор Фэрчайлд, — я же предпочитаю вернуться и лечь спать.

Что касается мисс Холленд, то она испытывала усталость, поэтому было решено, что майор проводит ее.

В «Избе», когда все сели за столик, мисс Паутер, как бы случайно, оказалась рядом с профессором Лала-Пуром, а миссис Хобсон рядом с мистером Андреевым.

Последний заказал закуски и водку. Пока он раскрывал секреты русской кухни, на эстраду вышла молодая женщина с тоской в глазах и затянула: «Наша матушка Волга». Она пела сперва пианиссимо, затем аллегро, аллегро-пианиссимо и вновь пианиссимо-аллег-

ро. Певицу сменил жонглирующий ножами танцор в костюме казака. Наконец, после него появилась молодая женщина тоже с тоской в глазах, начавшая петь «Маленькую утку»... Услышав первые аккорды, Борис Андреев вскочил с места, выбежал на эстраду, заключил певицу в объятия, а затем стал ей подпевать. Им устроили настоящую овацию.

— Мы должны были ехать с Чарли в Санта-Лючию... — совершенно естественным образом продолжала миссис Хобсон начатый до песни разговор.

Андреев с интересом взглянул на нее. В своем платье из черного шелка, с тяжелыми складками, освещенном шафрановым светом прожекторов, с горящими щеками и блестящими глазами, миссис Хобсон выглядела весьма соблазнительной... Короче, Борис нашел, что в ней есть что-то русское.

— А кто такой Чарли? — поинтересовался он.

— Мой муж. Он заболел в день нашей свадьбы, а умер три недели спустя... — она в нерешительности остановилась, но потом все же продолжила: — У меня еще сохранились рекламные буклеты, присланные из бюро путешествий...

Борис Андреев почувствовал, что закачавшаяся под его ногами почва стала стремительно уходить вниз. Однако он не сделал никакой попытки противостоять этому, а напротив, сказал:

— Вам следовало бы показать их мне...

Их руки соединились под длинной скатертью.

Выйдя из «Палладиума», Стрикленд сел в такси и доехал до Гайд Парка, точнее до Гросвенорских ворот, — того самого места, где был убит мистер Аллен Смит, опрометчиво решивший прогуляться под вечер пешком. Вторым на место прибыл Мордонт, севший в омнибус, третьим — Стори, ехавший в метро, а пришедший сюда пешком Берд был последним.

Стрикленд хотел выяснить, было ли у профессора Лала-Пура теоретически время, незаметно выйдя после своего номера из театра, совершить убийство.

— Ну и? — поинтересовался Стрикленд.

Все четверо держали в руках часы.

После сложных подсчетов все пришли к единому мнению. Во всех четырех случаях ответ был «да».

ГЛАВА XXII. МИСТЕР СМИТ = ?

— Перед нами прямо-таки непреодолимая стена! воскликнул сэр Кристофер тогда на совещании двенадцатого числа во второй половине дня, и сам даже не представлял, насколько он близок к истине. В последующие дни эта стена выросла до небес.

И главный комиссар, и Проёр, и Стрикленд, все чувствовали на себе ее убийственную тень.

Тщетными были их усилия, когда они, более или менее прячась друг от друга, изучали это дело под всевозможными углами и пытались разрешить его, словно какой-нибудь ребус или кроссворд. В конечном итоге, каждый из них приходил ко все более и более неправдоподобным выводам...

28 января они арестовали мистера Коллинза. Его пришлось отпустить на следующей неделе после того, как произошло убийство миссис Данком.

1 февраля они арестовали доктора Хайда, но уже пятого числа его пришлось выпустить после убийства Джинджера Лоусона.

Того же пятого числа они арестовали мистера Андреева, а отпустили его 11 февраля, после убийства мистера Алена Смита.

В день убийства миссис Данком у майора Фэрчайлда было неоспоримое алиби.

В день убийства мистера Алена Смита алиби было у мистера Крабтри, поскольку следивший за ним инспектор Хэнгуд утверждал, что его подопечный вел себя совершенно невинным образом.

И только лишь у профессора Лала-Пура была теоретическая возможность убить мистера Алена Смита 11 февраля. Однако он не давал никаких поводов для подозрений. Напротив, если верить инспектору Флауэру, прикрепленному к его персоне, то профессор вышел из «Палладиума» в тот день лишь в пять минут первого и, как добропорядочный буржуа, сразу же вернулся домой.

В отличие от полиции, на которую нашло какое-то отупение, пресса и публика реагировала на события весьма бурно. Повсюду шли страстные споры, пе-

реходящие в драки, митинги, взрывы возмущения, ночью стоящих полицейских отводили в сторону, чтобы осмеять. Почтальон ежедневно приносил в Скотланд-Ярд целую сумку анонимных писем. Их авторы выступали с предложением какой-нибудь срочной и радикальной реформы, то разражались угрозами, то занимались предсказанием драматических событий. Количество детективов-любителей росло с каждым днем. Однако с наступлением сумерек самые рьяные крикуны закрывались у себя дома на два поворота ключа. В некоторых районах Лондона можно было гулять до утра, так и не встретив никого, кроме какого-нибудь бродячего кота.

Семнадцатого утром сэр Кристофер поинтересовался, успел ли уже Стрикленд ознакомиться с редакционной статьей газеты «Диспетч». Старший офицер ответил, что еще не успел этого сделать.

— Ну что ж, тогда читайте ее прямо сейчас! — приказал сэр Кристофер, неожиданно протягивая указанную газету.

«Диспетч» писала следующее:

«Когда задача, подобная той, которую необходимо решить Скотланд-Ярду, явно не имеет решения, вполне правомерно предположить, что с самого начала исходные данные были неверными. Вспомните шедевр французского автора детективного жанра Гастона Леру — «Тайну желтой комнаты». Это произведение вот уже двадцать лет вдохновляет авторов детективных новелл. Проблему можно решить, лишь только посмотрев на нее в новом свете.

Мы полагаем, что Скотланд-Ярд грешит избытком доверия, слепо поверив свидетельству Тоби Марша. Да и кто такой, в сущности, этот Тоби Марш? Авантюрист и рецидивист, чтобы не сказать больше, всегда готовый к совершению очередного преступления — от обмана до кражи. И такому человеку Скотланд-Ярд верит на слово! А не кажется ли вам, что эта его история, если и не придумана от начала и до конца, то, по крайней мере, сильно приукрашена? Он якобы видел, как 26 января, около 19.30 мистер Смит входил в дом на площади Рассела, однако по причине сильного тумана, бывшего в тот день, он не смог рассмотреть его лица! А может, он сказал, что убийца живет в 21 номе-

ре только лишь для того, чтобы получить обещанную премию? В то время как на самом деле убийца, возможно, живет в 19 или 23!

Мы уже навели справки относительно 19 и 23 номеров — это тоже семейные пансионы. Первый принадлежит миссис Маллинер, а второй — мисс Куиллет. Причем обе — лучшие подруги миссис Хобсон.

Почему бы мистеру Смиту, живущему у той или иной содержательницы пансиона, не проникнуть по крыше в пансион «Виктория»? Узнав о появлении нового пансионера, он мог решить совершить убийство с тем, чтобы тень подозрения пала на совершенно невинных людей!

А Скотланд-Ярду, вместо того, чтобы, словно под гипнозом, смотреть на 21 номер, следовало бы провести расследование в предложенном направлении и еще в нескольких других».

— Да, с Тоби Маршем нужно поговорить еще раз. — признал старший офицер, прочитав статью.

Мистер Марш послал мистера Стрикленда ко всем чертям. Он уже давно перестал бриться, а один намек на игру в «морской бой» заставлял его скрежетать зубами.

— Я же вам ясно сказал, что видел, как мистер Смит входил в 21 номер, и я могу вам это повторить! — проорал он. — Именно в 21, а не в 44 и не в 62!.. Подойдя к дому, он сунул руку в карман и достал оттуда ключ...

Ключ! — молнией сверкнуло в голове Стрикленда, и он решил ухватиться за этот спасательный круг. Резко покинув камеру мистера Марша, он помчался в пансион «Виктория».

— У меня к вам один простой вопрос, миссис Хобсон... У кого из ваших пансионеров имеется ключ от входной двери? Это очень важно...

— Как это у кого?.. У всех, разумеется! — ответила ему миссис Хобсон.

Стрикленд дошел до того, что, как и те трое невинных, которых он по очереди арестовывал, начал желать быстрейшего наступления тумана. Если туман действительно оказывал на убийцу какое-то магическое воздействие, то надежда взять мистера Смита с поличным еще не была потеряна.

Двадцатого числа, около девяти часов вечера, свет фонарей явно потускнел, и над Темзой начал подниматься вязкий туман. Наступал известный лондонский туман. Он становился все плотнее и плотнее, но затем поднялся легкий ветерок и разогнал его.

Однако на следующее утро туман отвоевал потерянные позиции. Он стал до того густым, что кое-где пришлось даже остановить всякое уличное движение. Едва войдя в свой кабинет, Стрикленд уселся поближе к телефону и стал ждать. Однако это ожидание оказалось напрасным. Самым страшным событием того дня была попытка похищения одной дипломированной няни.

Двадцать четвертого, во второй половине дня, Стори, наблюдавший со своими товарищами за пустыющим домом номер 14, на Риджмонт-стрит, увидел приближение знакомой фигуры... Ба, да это же мистер Крабтри! Сунув руки в карманы своего пальто с хлястиком, низко наклонив голову, он шел, толкая перед собой пустую картонную коробку.

Неожиданно эта коробка упала в слуховое окошко 14 номера, и лицо мистера Крабтри стало озадаченным, как лицо ребенка, лишившегося своей любимой игрушки. Подойдя к дому, он, казалось, хотел было наклониться, но неожиданно передумал и пошел своей дорогой, уставившись в землю.

— Ну и? — спросил Стрикленд, когда Стори докладывал ему об этом факте. — Вы его потом спросили?

— Да, — ответил Стори. — Только я не знал, как задать ему этот вопрос. Поэтому я спросил, часто ли он вот так толкает перед собой коробку. «Разумеется! — ответил он мне. — Коробка меньше портит туфли, нежели камешек или жестянка!»

Стрикленд был спокоен. Проблема, упоминание о которой заставляло бледнеть весь Скотланд-Ярд, вновь овладела его умом.

28 января был арестован мистер Коллинз. На следующей неделе, после убийства миссис Данкон, его пришлось отпустить.

5 февраля был арестован...

Миссис Крабтри, уехавшая накануне в Честер, должна была вернуться лишь на следующий день. Словом, это стечение обстоятельств в сочетании с предложением мистера Коллинза ускорили трагедию.

Мистер Крабтри вообще очень любил игры в карты, а игру в бридж просто обожал. Но с тех пор, как он променял своих старых друзей на одинокие прогулки и походы в кино, это удовольствие выпадало на его долю крайне редко.

Борис Андреев пошел в кабинет миссис Хобсон, чтобы попросить карты и ручку. Валери Хобсон корпела над собравшимися за неделю счетами, пытаясь наверстать упущенное время. Мистер Крабтри тем временем разложил затянутый красным фетром карточный столик, конечно же, прищемив себе при этом пальцы, а мистер Коллинз расставил пепельницы и разложил сигареты. Доктор Хайд, позевывая, ждал, пока партнеры все подготовят.

— Я не очень помешаю вам, если буду следить за ходом игры? — поинтересовалась мисс Паутер, выглядывая из-за стопки старых иллюстрированных журналов.

Доктор Хайд скорчил было гримасу, но Борис Андреев тут же галантно предложил девушке стул.

— Напротив, наша дорогая мисс Паутер! Лично я буду очень рад этому.

— В-в-вы не против игры в пятером? — поинтересовался мистер Коллинз у своих партнеров.

Будучи посредственным игроком, мисс Паутер отказалась от этого учтивого предложения, и четверо игроков, заняв свои места, разложили карты. «Остановись! Остановись! Остановись!» — умолял в заключительном куплете усиливающийся, так хорошо всем знакомый голос. Десять минут спустя тишина в комнате прерывалась лишь классическими объявлениями: трефа, бубна, черва, пика, козырь.

Когда у мистера Крабтри впоследствии спрашивали, что позволило ему докопаться до истины, он отвечал: «Игра в бридж, вечером 28 февраля!»

Говоря это, он, конечно же, стремился удивить людей. Ну, а решение проблемы ему пришло в голову,

Коллинза
3141353411
30841110133

несомненно, гораздо раньше предложения сыграть в бридж...

И все же, его подозрения стали уверенностью именно благодаря этой игре.

Я не стану подробно описывать первую партию. Скажу только, что ее выиграл мистер Крабтри, а его противникам не удалось оказать ему ни малейшего сопротивления. Мистеру Крабтри даже пришлось помочь своему партнеру, — в тот раз им был Коллинз.

Вторую партию он уже играл в паре с доктором Хайдом, и вот тогда-то все, если можно так выразиться, и началось...

Андреев в паре с Коллинзом объявили три пики, противопоставив их одной пике доктора, что и дало им возможность выиграть первый тур. Затем они объявили три трефы, а взяли четыре. В третьем туре никто ничего так и не смог объявить. Во время четвертого тура мистер Крабтри, которому казалось, что он уже безнадежно проигрывает, вновь обрел надежду на выигрыш. Судьба подбросила ему семь бубен: туза, короля, валета, девятку и т. д., две пики, в том числе и короля, три червы, в том числе туза и даму, и единственную трефу. Он тут же объявил две бубны. Но его партнер, к несчастью, не подал никакой реплики, а Андреев с Коллинзом из предосторожности тоже промолчали. Пришлось с тем и остаться. Хайд ослабил его игру, а мистер Коллинз, как он на то и рассчитывал, взял одиннадцать взяток.

— Быть может, вы проявили излишнюю предосторожность, доктор? — спросил тогда Крабтри у своего партнера. — Ведь у вас было три дамы, да еще туз и трефовый король.

— Ну что вы? — ответил тот. — Ведь насколько мне известно, мы же играем в бридж-контракт, и бубна является низшей мастью. Если вы хотели выиграть тур, вам следовало бы объявить три бубны.

Несмотря на то, что на лице мисс Паутер он увидел отражение своего собственного удивления, мистер Крабтри ничего на это не ответил. Хайд, Андреев и Коллинз, несомненно, были игроками более высокого класса, нежели он.

«Карты не прощают!» — говорят даже самые се-

рвезные господа, охваченные лихорадкой этой азартной игры. В тот вечер судьба подтвердила эти слова. Мистер Крабтри, а точнее доктор Хайд, упустил возможность выиграть. Следующий тур выиграли их противники, и партия закончилась в их пользу.

Игроки вновь поменялись местами, и на пас Коллинза мистер Крабтри, к которому пришли сразу шесть черв — король, дама, валет, десятка, пиковый валет, три бубны — туз и три трефы, с королем — объявил одну черву. Доктор Хайд ответил на это: «Одна пика». Мистер Андреев сказал: «Две бубны», а мистер Коллинз объявил: «Две пики». Расставшись с чувством глубокого сожаления со своей червой, мистер Крабтри объявил: «Три бубны». Но доктор Хайд продолжал настаивать на пике, а Борис Андреев объявил пять бубен. Коллинзу с мистером Крабтри пришлось отдать игру. Доктор Хайд вистовал, как и Андреев.

В ходе игры мистер Крабтри увидел, что, хотя козыри русского и превосходят по численности его черву, зато сильно уступают ей в качестве. Но имея червового туза, Андреев мог бы поддержать его в черве. Это было бы надежнее, чем то, что он объявил. Лучшим доказательством правоты мистера Крабтри послужило то, что вскоре Андреев потерял трефовый и пиковый тузы, и в придачу еще один козырь.

Около десяти часов мисс Паутер собралась было идти спать, однако мистер Крабтри жестом удержал ее.

— Неужели вы уже хотите покинуть нас, мисс Паутер?.. Не могли бы вы оказать нам любезность и послужить как бы связным с миссис Хобсон. Попросите ее, пожалуйста, подать нам виски, за мой счет, разумеется!

Его рука несколько дрожала, а сам он был крайне бледен.

— Охотно выполню вашу просьбу, — ответила мисс Паутер.

Выходя из комнаты, она обернулась и спросила:

— Вы как-то странно выглядите. Может, вы плохо себя чувствуете?

— Нет, нет! — живо отреагировал мистер Крабтри. — Я чувствую себя... очень даже хорошо.

«Наверное, это проигрыш на него так подействовал!» — решила тогда мисс Паутер.

Когда она с подносом в руках вернулась в комнату, Андреев играл уже в паре с доктором, а мистер Крабтри вновь с Коллинзом. Это была уже их шестая партия. Андреев объявил пять трэф, а Коллинз вистовал. Подойдя к игрокам и посмотрев расклад карт, мисс Паутер сразу поняла, что Андрееву придется отдать мистеру Крабтри своего пикового туза. А мистеру Коллинзу — червового и козырного королей.

Да что это с ними такое? Он идет с той единственной карты, к которой не должен был бы вообще прикасаться — с червы, и тем самым попадает в обычную вилку и отдает противнику недостающие тому взятки.

Мисс Паутер посмотрела на мистера Крабтри, ожидая, что он хоть как-то выразит свой протест, однако бедняга, похоже, был совершенно не в состоянии что бы то ни было произнести. Глаза его застыли, а лицо сильно исказилось.

— О, небеса! — произнес он, наконец, глухим голосом и встал с места, крайне неловко отодвинув стул.

Раздосадованный своим промахом, Коллинз промычал какие-то объяснения, но доктор Хайд избавил его от этой необходимости.

— Ну и? — спросил он, вспомнив о временах своего недавнего заключения. — Вам не станет дурно?

— Я... — сказал мистер Крабтри, встряхивая головой. — Я прошу меня извинить! — пробормотал он и неуверенными шагами направился к двери.

Прежде чем ему успели что-то ответить, мистер Крабтри исчез.

— Вы что-нибудь понимаете в этом? — спросила крайне пораженная мисс Паутер.

— Ей-Богу, нет! — ответил задумчиво Борис Андреев, протягивая руку к бутылке виски. — Даже появление самого мистера Смита, не произвело бы на него такого впечатления.

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЮ,

который еще и не догадался о том, кто же преступник. Совершенно не обязательно уметь играть в бридж для того, чтобы сделать соответствующие выводы из предыдущей главы.

Может быть, эта глава помогла вам разобраться в этой истории?

Если да, тогда я поздравляю вас!

Если же нет, тогда, уверяю вас, что вам известно ровно столько же, сколько и мистеру Крабтри.

И даже немного больше!..

АВТОР

ГЛАВА XXIV.

ИНИД ДАЛЕКО

Мистер Крабтри направился к лестнице, бросая вокруг себя совершенно растерянные взгляды. Ах, если бы только Инид была здесь, а не уехала в Числхарст! Уж она-то точно знала бы, как ему поступить!.. Он медленно поднялся на две ступеньки, затем еще на две и охватил голову руками. Ноги уже не держали его. «Это невозможно!» — все время повторял он себе. — «Это невозможно!» Он не испытывал ни малейшего сомнения относительно правильности своих выводов; напротив: он пытался как-то зародить в своей душе сомнение.

Через какое-то время шуршание шелка вывело его из оцепенения. Выйдя из своего кабинета, миссис Хобсон подошла к мистеру Крабтри и посмотрела на него с тем материнским выражением, с которым расставалась только в присутствии Бориса Андреева.

— Что с вами такое, мистер Крабтри? Могу ли я вам чем-нибудь помочь?

И тогда мистер Крабтри испытал один из самых сильных в своей жизни соблазнов. Открывшаяся ему тайна просто душила его, он находился в положении человека, прогуливающегося с готовой взорваться в его руках бомбой и не знающего, куда бросить ее, чтобы не взорваться вместе с ней. Наконец он сделал над собой усилие.

— Это... это просто голова! — пробормотал он. Пойду-ка я пройдусь.

— Будет лучше, если вы ляжете в постель и примете таблетку. Я приготовлю вам горячего чая... Вы слышите меня?

С трудом поднявшись со ступеньки, мистер Крабтри всей рукой ухватился за перила.

— Да, да... Я, пожалуй, пройду! — повторил он мягко, однако настойчиво.

Но поскольку при этом он продолжал подниматься по лестнице, миссис Хобсон подумала, что это ничто иное, как способ с честью удалиться.

Поскорее ложитесь спать. Не пройдет и четверти часа, как я вам принесу ваш чай.

Однако вместо того, чтобы зайти к себе, мистер Крабтри постучал в дверь к майору Фэрчайлду.

— Кто там? — прохрипел из-за двери майор.

— Это я... Крабтри...

— Так чего же вы ждете, входите!

Майор сидел в кресле. Его горло было закутано шерстяным шарфом, а ноги покрывал плед. Он бешено дымил своей трубкой. Щеки его были ярко розового цвета, словно у куклы, а глаза слезились.

— Будь проклят этот лондонский климат! Лучше уж настоящая малярия, чем этот паршивый насморк... Вы пришли поинтересоваться, как я себя чувствую?

— Вовсе нет! — совершенно невинно ответил мистер Крабтри. — Я пришел, чтобы одолжить у вас оружие.

Ему пришлось в очередной раз устоять от соблазна раскрыть свою тайну. Истина казалась столь невероятной, что старый офицер ни за что не поверил бы ему, принял бы его за сумасшедшего, и это в конечном итоге привело бы к непоправимому.

— И кого же вы намерены убить?

— Никого. Просто я хочу пойти прогуляться и... боюсь встретить мистера Смита!

— Тогда сидите дома!

— Вы неправильно поняли меня. Мне нужно выйти из дому!

— Прекрасно! — сказал майор, пожимая плечами. — Эти чертовы инспектора на «неопределенное время» забрали мой «кольт»... Правда, у меня есть еще и трость-шпага. Она в стойке для зонтов, можете взять ее.

Не говоря ни слова, мистер Крабтри круто развернулся.

— Кстати, надеюсь, вы знаете, как ею пользоваться?

— Конечно... Нужно просто воткнуть ее в сердце противника, верно?

У майора начался такой приступ кашля, что он чуть было не задохнулся:

— Верно!.. Совершенно верно!.. Постарайтесь только вернуть мне ее в целости и сохранности.

— Я постараюсь, — пообещал мистер Крабтри.

Однако майору показалось, что голос его недостаточно убедителен.

Мистер Крабтри поспешно спустился в вестибюль. Когда он уже надевал пальто, за его спиной раздался голос, заставивший его вздрогнуть.

— Вы куда-то уходите, мой дорогой?..

Мистер Крабтри сдержался, чтобы не вскрикнуть. Скрывать что-либо было бесполезно, поскольку его намерения были ясны как день.

— Нет... То есть, да... Я как-то неважно себя чувствую...

— Правда? И я, представьте себе, тоже... Что-то с желудком?

— Нет, скорее с головой.

— А у меня что-то с желудком!

После короткой паузы он добавил:

— Да вы одевайтесь, пойдем пройдемся вместе.

Лоб мистера Крабтри покрылся испариной. Он хотел было что-то возразить собеседнику, однако близости не было ни души, а тот пристально наблюдал за его малейшими движениями... Неуклюже застегнув пальто и повязав шарф, который он носил всю зиму, потому что у него было слабое горло, мистер Крабтри протянул руку к стойке для зонтов. Однако тут он в нерешительности остановился, увидев там один зонт и две трости.

— Вы, кажется, что-то ищете?..

— Да, трость майора! — дерзко ответил мистер Крабтри.

— Мне очень жаль, но я как раз попросил ее у него в займы. Но трость есть трость, так что можете взять мою.

Едва выйдя на улицу, мистер Крабтри ощутил, как его охватил своими липкими лапами густой туман. Он

попытался разглядеть привычный силуэт какого-нибудь инспектора или полицейского, но не было видно ни зги.

— Можете не рассчитывать на ваших ангелов-хранителей, они все сейчас в другом месте.

— В каком это другом месте? — машинально переспросил мистер Крабтри. Горло его перехватило от волнения.

— Минут пять тому назад на том конце сквера раздавался адский шум: крики, зов на помощь. Короче, это заинтриговало бы даже наименее любопытных...

Мистер Крабтри не стал спрашивать, кто именно произвел этот отвлекающий маневр, поскольку он и сам прекрасно знал это.

— Мне нужно в сторону Оксфорд Сиркус! — заявил он как можно тверже, решив, что в толпе будет безопаснее.

— Вот как? А мне в сторону Риджентс Парк...

— В таком случае, до свиданья!

Мистер Крабтри повернулся вокруг своей оси и очутился лицом к лицу со своим собеседником. Однако увиденное им лицо было ему совершенно незнакомо: очки с дымчатыми стеклами, маленькие приклеенные усики, неестественно распухшие щеки.

Только улыбка осталась прежней... Да и голос тоже не изменился: холодный, язвительный, насмешливый, он заставлял холодеть до мозга костей:

— Я посчитал нужным принять некоторые меры предосторожности на тот случай, если кто-нибудь увидит нас вдвоем... Мы пойдем с вами вместе!

Мистер Крабтри не выдержал и, вздрогнув, спросил:

— Что вы собираетесь со мной сделать?

— Откровенно говоря, я и сам еще не знаю... Вы застигли меня врасплох. Одно лишь могу сказать вам с точностью: я не позволю вам разрушить, словно карточный домик, мои планы! Впрочем, не будем дольше задерживаться... А то вы можете простудиться.

Мистеру Крабтри пришлось подчиниться и идти... по направлению к Риджентс Парк. Сопrotивляться и звать на помощь было бы бесполезно — это только бы ускорило его конец.

Впрочем, у него еще был один маленький шанс!.. Может быть, мистер Смит не знает о том наблюдении,

которое ведется полицией за 14 номером по Риджмонт-стрит? Быть может, он собирается по ходу взять свое любимое оружие?

Поэтому когда они подходили к этой улице, мистер Крабтри замедлил шаг.

— Что, вы уже устали? — съехидничал мистер Смит. — Или, может быть, надеетесь, что я сверну налево?

Темные очки и белоснежно сверкающие зубы придавали его размытому туманом лицу какой-то злоедающий вид.

— Можете не рассчитывать на это, мой дорогой! Столпившиеся на Риджмонт-стрит фараоны скорее увидят, как там на деревьях выросли апельсины, чем меня возле 14 номера!

Насладившись явным разочарованием своего спутника, он продолжил:

— Это очень хорошо, что вы первый все поняли. Ведь мистер Смит уже отжил свое. Теперь в Лондоне больше не будут находить трупы с переломанными позвоночниками... Ваш, кстати, будет первым исключением!

— Означает ли это, что... что вы намерены воспользоваться шпагой?

— Возможно!

Испытывая панический ужас, мистер Крабтри все же нашел в себе силы возразить:

— Если вы убьете меня, полиция рано или поздно все равно докопается до истины!

Однако мистер Смит отрицательно покачал головой в ответ:

— Вы ошибаетесь! Напротив: именно ваше исчезновение всех очень даже устроит!

Он, казалось, попытался оспорить эту возможность сам с собой:

— Из этого будет сделан вывод, что инспектор Хэпгуд, утверждавший, что вы не причастны к убийству миссис Данком, солгал из боязни потерять свое место. Так что убийцей все будут считать вас!.. Но для этого, конечно же, необходимо сделать так, чтобы ваше тело уже никогда не было найдено.

У мистера Крабтри перехватило дыхание, и он был вынужден прислониться к фасаду какого-то здания.

Он так и не мог припомнить, чтобы какой-нибудь ночной кошмар мог сравниться по испытываемому им ужасу с этой мирной беседой.

— Но у вас непременно спросят, как вы провели сегодняшний вечер!

— Ну и что? Вы же прекрасно знаете, что у меня есть надежные свидетели, готовые поклясться в том, что весь вечер я провел с ними и никуда ни на секунду не отлучался!

И это, увы, было правдой! Мистер Крабтри едва не упал на землю, если бы его спутник не поддержал под руки.

— Возьмите себя в руки, черт возьми! Еще хочу вас предупредить, возможно, мы встретим прохожих или даже полицейских. Так вот, при малейшем неосторожном жесте с вашей стороны, при малейшем крике или шуме я немедленно проткну вашу шкуру вот этой штукой!

— Вы... Вы не осмелитесь сделать этого!.. Ведь вас тут же арестуют!..

— Это весьма сомнительно, потому что я очень быстро бегаю. Ну а если вы думаете, что меня смогут найти потом... не забывайте о моем гриме... И даже если допустить худшее, то запомните: прежде чем меня арестуют, вас уже не будет на этом свете!

Мистер Крабтри ни на секунду не усомнился в том, что эта угроза будет приведена в исполнение. Он только каким-то чудом держался еще на ногах. «Если я закричу, — повторял он себе, — он убьет меня на месте! А если я буду молчать, то он убьет меня немного погодя!»

Инстинкт самосохранения подсказал ему единственный разумный выход: нужно выиграть время и, уловив момент, улизнуть от него. От площади Рассела до Риджентс Парка дорога длинная. Так что вполне возможно, что...

Получив сильный удар, мистер Крабтри прервал свои размышления. Оказалось, на него налетел какой-то прохожий, не заметивший его в тумане и теперь просил у него прощения, приподняв свою шляпу:

— Прошу прощения!

— Не будете ли вы столь любезны дать мне прикурить?

Мистеру Крабтри показалось, что он говорит это во сне. Но эту фразу, действительно, произнес он сам и даже потянулся в карман за пачкой сигарет, чтобы оправдать эту просьбу.

Вынув изо рта свой жалкий окурок, прохожий вежливо сказал:

— Какая отвратительная погода!

Прикурив, мистер Крабтри пребывал в нерешительности, выбирая, что бы ему лучше было крикнуть: «Спасите меня» или же «Перед вами — мистер Смит»!

Но прежде чем он успел что бы то ни было произнести, прохожего отвлек кто-то третий, спрашивая, как пройти к Лонг Арк, и тот отвернулся. Мистеру Крабтри не оставалось ничего другого, как последовать за мистером Смитом, тут же оттащившем его в сторону...

— Еще что-нибудь в таком духе, и я припилю вас, как бабочку, к первой же попавшейся двери!

Мистер Крабтри решил прибегнуть к иной системе защиты:

— На вашем месте я бы хорошо подумал прежде, чем сделать это...

— Это еще почему?

— Потому что прежде, чем выйти из пансиона, я зашел к майору Фэрчайлду и все ему рассказал. Если я не вернусь домой до двенадцати, он все сообщит в Скотланд-Ярд!

— Неплохо придумано!.. Я бы поверил в это, если бы не стоял под дверью и не подслушивал, и не был готов войти в любую минуту и прервать ваши откровения... Так что придумайте-ка что-нибудь другое!

И мистер Крабтри придумал другое. Несколько минут спустя, сходя с тротуара, вскрикнув от боли, он растянулся во весь свой рост. Неподалеку стояло такси, шофер которого, пританцовывая, курил.

— Немедленно вставайте! — приказал мистер Смит вполголоса. — В противном случае, клянусь Богом...

— Я не могу встать! — запротестовал мистер Крабтри. — Ой-ой-ой! Моя нога! — душераздирающе застонал он.

Шофер такси, наблюдавший за всей этой сценой, неторопливо подошел поближе:

— Вы что, сломали ногу, господин?

— Бога ради! — взмолился мистер Крабтри. **От-
везите меня в больницу!**

Однако его голос перекрыл голос мистера Смита:

— Благодарю вас, ничего не нужно... Вы же видите: мой друг хлебнул лишнего!

— Я помогу вам привести его в чувство, — ответил шофер, которого, похоже, мало убедили эти слова.

Он даже уже склонился над мистером Крабтри, как тут мистер Смит тронул его за рукав:

— Вас зовут!

И его, действительно, звали. Кто-то сел в машину и кричал: «Такси!»

Шоферу пришлось уйти, хотя сделал он это с явным сожалением.

— В такой туман невозможно ехать, сэр! — недовольно буркнул он. — Мы запросто можем с вами налететь на Вестминстерское Аббатство.

Мистер Смит тем временем достал шпагу из ножен, и мистер Крабтри почувствовал на себе ее острие.

— Встать!

Мистеру Крабтри пришлось подняться. Он был смертельно бледен и испытывал крайнее отчаяние — ведь третья попытка спастись наверняка будет равноценна самоубийству!

Он был весь выпачкан в грязи. «Если бы только Инид видела меня!» — подумалось ему. «Лучше подождать, пока все высохнет», — мелькнула в голове следующая мысль. Время от времени все еще были видны чьи-то белые тени, но он уже не обращал на них никакого внимания. Да и констебля Саммерса он наверняка не заметил бы, если бы мистер Смит сам не обратил на него его внимания.

— Будьте осторожны! — сказал он, вцепившись мистеру Крабтри в руку. — Вон стоит легавый! Смотрите прямо перед собой!

И мистер Крабтри послушно смотрел прямо перед собой. Только вот поровнявшись с полицейским, он взял и плюнул ему прямо на ботинок... Но сделал он это, опять-таки совершенно подсознательно!

— Эй, вы!.. Вы знаете, сколько стоит подобная шуточка?!

Мистер Смит заговорил первым:

— Прошу вас, простите моего друга, офицер! У него и в мыслях не было оскорбить вас... Понимаете дело в том, что послезавтра он женится, а сегодня прощается с холостяцкой жизнью...

Констебль Саммерс всегда считал, что он многое понимает, поэтому решил предоставить нахалу шанс выкрутиться:

— Очевидно, вы меня не заметили?

— Как можно, и-ка, — икнул мистер Крабтри, еле ворочая языком, — вас не заметить?! Это все из-за Гарри!

С этими словами он указал на своего спутника и добавил:

— Знаете, он терпеть не может легавых! «Прицелься-ка на этого толстяка!», — посоветовал он мне. «Спорю на фунт, что ты не осмелишься плюнуть на него!» Черт возьми, у меня ведь тоже есть своя гордость! «За фунт стерлингов, — ответил я, — я тебе плюну даже на самого лорда-мэра!»

И без того румяное лицо Саммерса стало пунцовым.

— На кого? О, Господи милостивый! Следуйте оба за мной!

Но мистер Смит не двинулся с места.

— Одну минуточку! Ведь совершенно очевидно, что этот человек попросту лжет! Ведь не станете же вы....

— Я сказал: следуйте оба за мной!

— Куда? — спросил опять-таки мистер Смит.

— Скоро узнаете!

Отчаяние мистера Крабтри уступило место ликозанию. Он сказал именно то, что было нужно! Но ликование его вскоре вновь сменилось отчаянием: за одну секунду он понял, что его ожидает, и больше не колебался. Хотя мистер Смит все еще держал его за руку, он резко выдернул ее и побежал, словно заяц, учувший за собой погоню.

Позади себя он услышал возгласы и шум падающего тела. «Бедняга! — мелькнуло у него в голове. — Упокой его душу, Господи!»

Тот страх, от которого в пансионе у него подкосились на лестнице ноги, сейчас придавал ему крылья. Помогите! Помогите! — кричал он на бегу. Однако он вскоре понял, что эти бесполезные крики толь-

ко лишают его сил. Туман приглушал его голос, да и бежал он в совершенно безлюдном районе.

Поначалу он слышал лишь топот своих ног под тихий аккомпанемент нестройного биения сердца. Но через некоторое время, показавшееся ему очень коротким, эхо, казалось, умножило этот шум до бесконечности...

Его не просто преследовали, его быстро догоняли. Мистер Крабтри попробовал было побежать быстрее, но у него закололо в боку и вскоре он согнулся от этой боли пополам.

К счастью, справа он увидел маленькую боковую улочку. Он бросился туда с надеждой вглядываясь в фасады зданий...

Но все здания были темными, неприветливыми. Тут — закрытые ставни, там — окна без штор. Чуть дальше его взгляду открылся разрушенный дом. То, что он в темноте принял за улицу, на самом деле оказалось тупиком, в котором, похоже, совсем не осталось жильцов. Он очутился в мышеловке, где с минуты на минуту его, должно быть, убьют, подалее от людских глаз. Бог знает, что могло бы произойти, если бы Эрнесту Крабтри в те времена, когда он протирал штаны на школьных скамьях, сказали бы, что в один прекрасный день он с благоговением вспомнит о своем однокашнике Большом Джонсе. И тем не менее!..

В эту трагическую минуту он вспомнил именно о нем.

Правда, не о его ежедневной тирании и придирках, а о той манере свистеть, которой тот его научил:

«Ты кладешь палец в рот вот так... А другой палец вот так...»

Тротуар внезапно осветился лучом света и из-под земли раздался чей-то грубый голос:

— Что здесь происходит?

Сердце мистера Крабтри чуть было не лопнуло от радости. Наклонившись вниз, он заглянул в кухню-полуподвал, окно которой распахнулось и в него высунулась голова констебля, поспешно натягивающего свой китель и кепку.

— Быстрее! Быстрее! Мистер Смит хочет убить меня!

До его слуха донесся чей-то шелест, затем приглу-

шенный возглас, шум удаляющихся в глубину дома, а затем приблизившихся шагов. Наконец входная дверь широко распахнулась и на пороге показался здоровенный, ростом больше шести футов, парень. Щеки его горели, в руке он держал револьвер наизготове. За него цеплялась здоровенная девка с расстегнутым корсажем, крича:

— Не ходи туда, Барт! Не ходи!.. Он же убьет тебя!

Верзила Барт, вглядываясь в тупик, удивленно обратился к мистеру Крабтри:

— Ну?..

В тупике, окутанном туманом, в нерешительности остановились три человека. Первый, с обнаженной шпагой в руке, был Борис Андреев, второй — тот самый, что каких-нибудь десять минут тому назад отвлек внимание прохожего с сигаретой — мистер Коллинз, а третий, отозвавший шофера такси — доктор Хайд.

— Так который же из них угрожает вам? — поинтересовался Барт. — Которого из них я должен арестовать?..

Мистер Крабтри, с подкосившимися от всех пережитых волнений ногами, медленно теряя сознание, успел лишь пролепетать:

— Арестуйте всех троих... **Мистер Смит** — это не один человек... **Их трое.**

Тупик — маленький островок тишины — теперь наполнился настоящей бурей свистков.

— Спасайся, кто может! — заорал Борис Андреев.

ГЛАВА XXV.

ДОБРОЙ НОЧИ!

— Вы уж слишком испытываете наше терпение! — воскликнула мисс Паутер. — Начнете вы, наконец, ми рассказывать или вас придется допрашивать с пристрастием?

Мистер Крабтри только и мечтал о том, чтобы повторить всю свою историю, которую он уже успел рассказать трем или четверем инспекторам, старшему офицеру Стрикленду, помощнику комиссара Прайору и

нахрапистым репортерам. Словом, он был заранее уверен в эффекте, который его рассказ произведет на слушателей...

И все же его пугал неподвижный и мрачный взгляд миссис Хобсон. Он искал поддержки у своей жены, и та вместо ответа положила свою руку на его руку. Это был чисто символический жест. Инид больше не стремилась повелевать: напротив, она желала подчиниться этому совершенно иному человеку, раскрывшемуся в новом свете благодаря обстоятельствам.

— Нередко у преступника бывают сообщники, — начал мистер Крабтри. — Но тот, кто будет рассматривать преступное сообщество Андреев — Коллинз — Хайд под таким углом зрения, тот совершит грубую ошибку. Поскольку каждый из членов группы имел одинаковые права и обязанности. Итак, назовем это сообщество советом, в котором мистер Смит был убийцей в трех ипостасях. Всей правды мы теперь уже не узнаем никогда, но тем не менее, мне думается, что Андреев и его дружки совершали убийства по очереди, передавая свое оружие из рук в руки, словно эстафетную палочку.

Аудитория пансиона была теперь несколько меньше, несмотря на то, что, кроме супругов Крабтри, мисс Паутер, майора Фэрчайлда, профессора Лала-Пура, за столом сидели еще два новых пансионера, имен которых никто не знал. Один был маленького роста, полный, и майор уже почувствовал к нему сильную антипатию, второй же был высокого роста, худощавый, с проседью в волосах, нежным голосом и размеренными жестами.

— В то время, как обычные преступники грешат совершением какой-нибудь фатальной неосторожности, наш мистер Смит, а точнее мистеры Смиты, в конечном итоге оказались излишне осторожными. В основе этой ассоциации злоумышленников лежит совершенно гениальная идея. Не знаю только, кому именно она принадлежит. Возможно, она родилась во время общего спора. Как бы там ни было, эта идея сводится к одной простой фразе. Для того, чтобы внушить полиции, что она имеет дело с одним и тем же преступником, мистеры Смиты № 1, № 2, и № 3 решили применить одинаковые методы при совершении преступлений и подписы-

вать эти преступления псевдонимом, содержащим идею единства. Таким образом, в том случае, если на одного из них падало подозрение и его арестовывали, невиновность его доказывало продолжение деятельности мистера Смита!

После короткой паузы мистер Крабтри продолжил: — Таково было кредо наших печально известных сотрапезников. Хотя они и предвидели, что в один прекрасный день судьба может отвернуться от них, они все же не сомневались, что это произойдет при обстоятельствах, требующих полного развития их плана защиты.

Тут мистер Крабтри опять помолчал, а затем продолжил:

— 28 января один из мистеров Смитов по различным приметам обнаружил, что за пансионом ведется тайное наблюдение. В то утро к миссис Хобсон приходил констебль и под предлогом переписи населения расспросил о жильцах, а по скверу прогуливались детективы в штатском. Вывод напрашивался сам собой: кто-то, очевидно, видел мистера Смита входящим в пансион. Полиция может нагрянуть с минуты на минуту и тогда начнется допрос с пристрастием...

— Я всегда говорил, что полиция могла бы вести себя осмотрительней... или по крайней мере расторопней! — воскликнул майор.

— Дело в том, что их план в любом случае сработал бы примерно с одинаковым успехом. Но в данном случае сбивала с толку та оперативность, с которой Андреев и компания отреагировали на нанесенный судьбой удар. Однако не будем забывать о том, что они уже целые месяцы жили в ожидании худшего...

Мистер Крабтри достал из кармана пачку сигарет, а миссис Крабтри поспешила поднести ему огонь.

— Спасибо, дорогая... Я вовсе не намерен критиковать методы Скотланд-Ярда. В сущности, следователям трудно было действовать иначе. И все же они совершили оплошность в тот момент, когда перед ними лежал труп месье Жюли. Вместо того, чтобы заикливаться на вещественных доказательствах, им, по-моему, следовало бы спросить себя: «Почему это мистер Смит решил вдруг совершить убийство в своем собственном доме... да еще и не своим излюбленным способом».

— Но они, по-моему, все время спрашивали себя об этом! Да и нас тоже! — воскликнула мисс Паутер.

— И, наконец, для чего нужны были все эти телефонные звонки в газеты? Все решили, что это было сделано ради бравлады, из патологической необходимости похвастаться. Однако это слишком поверхностное заключение, да и к тому же абсолютно лишённое логики. На самом же деле, совершая убийство месье Жюли и сообщая об этом газетчикам, мистеры Смиты попросту желали, чтобы подозрения полиции переросли в настоящую уверенность. Так обычно неожиданно открывается боксер для того, чтобы наверняка точно поразить своего противника.

— Я что-то не понимаю! — буркнул майор. — Зачем было торопить события? Ведь Скотланд-Ярд не мог никого арестовать за неимением никаких доказательств.

— Сейчас нет, а потом? Вы плохо знаете полицию нашей страны. Возможно, где-нибудь есть полиция и получше, но вот упрямее наших полицейских вы нигде не сыщете. Правда, чего Андреев с компанией во что бы то ни стало хотели избежать, так это до конца своих дней ходить в подозреваемых. Словом, свои последние четыре преступления они совершили для того, чтобы получить «печать невиновности».

— Но зачем же тогда было убивать несчастного месье Жюли, а не кого-нибудь из нас? — со свойственной ей скромностью поинтересовалась мисс Холленд. — Они что, давно знали его и ухватились за возможность отомстить ему?

— Нет, они никогда прежде не видели его.

— Быть может, они подумали, что он завербован Скотланд-Ярдом? — в свою очередь предположила мисс Паутер.

— Нет.

Мистер Крабтри, как никогда, напоминал теперь этакого хитрого гнома:

— Ответ столь же прост, как и неожидан. Более того, я сомневаюсь, чтобы мотив преступления фигурировал в анналах этого дела. Мистеры Смиты избрали своей жертвой именно месье Жюли потому, что тот говорил по-французски!

— Чёрт возьми! — выругался майор. А что, этот язык до такой степени резал их слух?

— Не в этом дело. Профессор был единственным, кто мог бы перед смертью написать то пресловутое «il b»... являющее собой обвинение против всех троих Смитов!

— Не хотите ли вы сказать, что эти буквы были выцарапаны рукой убийцы?

— Именно это я и хочу сказать. Не забывайте, что, во-первых, судебный эксперт, которому было поручено вскрытие трупа, пришел к выводу, что смерть наступила мгновенно; во-вторых, Андреев и компания всеми силами старались навлечь на себя подозрения с тем, чтобы впоследствии оказаться вне подозрения.

— А как вам удалось прийти к выводу, что нацарапанные буквы — подлог?

— Послушайте, это «il b» в глазах полицейских указывало на какую-то отличительную особенность убийцы. Допустим! Но почему, спрашиваю я вас, месье Жюли не написал «le R»¹ с тем, чтобы указать на Андреева, «le D»², чтобы указать на доктора Хайда? Добавьте к этому и такой факт: было мало вероятно, чтобы профессор Жюли, проведя в пансионе от силы всего несколько часов, узнал о странном времяпрепровождении Андреева, увлекавшегося вышивкой. Короче, если считать надпись подлинной, то она могла бы указывать только на Коллинза. Однако после ареста Коллинза преступления не прекратились...

Какое-то время мистер Крабтри собирался с мыслями, а затем продолжил:

— Еще мне хотелось бы остановить ваше внимание на той дьявольской ловкости, с которой Андреев, Хайд и Коллинз сами наводили каждый на себя или друг на друга подозрения, при этом, однако, не придавая своим обвинениям такого характера, который бы позволил окончательно обвинить в совершенных злодеяниях... Возьмем, к примеру, убийство месье Жюли. Коллинз навещает накануне доктора Хайда, затем не хочет сознаться в том, что заходил на кухню, лжет, путается в объяснениях, симулирует провалы в памяти, и из всего этого полиция делает вывод, что совесть у него явно не чиста. Однако умелый адвокат легко бы

¹ Начальные буквы слова il Russe — русский (фр.).

² Начальные буквы слова il Docteur — доктор (фр.).

приписал все это волнению подопечного. Остается факт с испачканными фиолетовыми чернилами банкнотами, однако и в этом случае Коллинз мог бы попросту разыграть из себя жертву, утверждая, что кто-то хочет погубить его. Он этого делать, однако, не стал. Его хитрость дошла до того, что на четвертый день своего заключения он позволил вырвать из себя признания, содержащие частично истину... Типичной в этом смысле является история с тем мифическим лекарством, которое доктор Хайд якобы дал месье Жюли. Я говорю «мифическим», потому что, вероятнее всего, это лекарство существовало лишь в воображении доктора. Хайд прекрасно знал, что полиции недостаточно будет одного его утверждения о том, что он дал месье Жюли таблетку. Он думал, что полицейские, несомненно, постараются выяснить — принял ли профессор ее, и если да, то как? Он знал, что следы этой таблетки будут искать при вскрытии и в конечном итоге придут к выводу, что его рассказ — чистая выдумка. Ну, не парадоксально ли это? Хайд, очевидно, говорил, что хотел таким образом отвлечь от себя подозрения, однако на самом деле он стремился к тому, чтобы навлечь их!.. И, наконец, Андреев пытается спрятаться за намеренно хлипким алиби, проверить которое у полиции нет никакой возможности. Он намеренно назначает встречу Джинджеру Лоусону, что, конечно же, сочтут подозрительным, однако у него есть объяснение этой встрече. Затем он ускоряет свой арест, посылая старшему офицеру Стрикленду анонимное письмо, в котором сам же на себя и доносит... Каждая деталь была заранее продумана и подстроена, служа, таким образом, планам преступников!

— Но каким, черт возьми, образом вы до всего этого додумались? — буркнул майор.

— Прежде всего я задал себе вопрос: — Для чего мистер Смит подписывается под каждым совершенным преступлением? Как же так! — говорил я себе, — ведь этот человек нападает на своих жертв на улице, следовательно, времени у него в обрез и дорога каждая секунда. Неужели он рискует своей шкурой только ради того, чтобы удовлетворить свои извращенные чувства?.. Нет, только лишь серьезная, жизненно важная причина может вынудить его действовать подобным образом!» Затем меня удивила наглость мистера Смита;

она дошла до такой степени, что он совершил убийство под собственной крышей! Это ведь равноценно самому убийству! Да и почему это он вдруг отказался от своего привычного мешочка с песком, изменил своим методам? По мере того, как я размышлял над этим, мне пришло в голову решение, удовлетворявшее меня до тех пор, пока не произошло убийство миссис Данком. Кража была явно недостаточным мотивом преступления. Ведь загнанный в угол, мистер Смит, напротив, должен был стремиться к тому, чтобы скомпрометировать кого-то другого и свалить на него все свои преступления.

— Великим умам приходят в головы одинаковые мысли! — воскликнула мисс Паутер. — Я в свое время тоже пришла к подобным выводам. Однако убийство миссис Данком полностью разрушило их!

Мистер Крабтри погрозил ей пальцем:

— Нужно было не останавливаться на этом, а задать себе вопрос, лежащий в основе любого расследования. Кому это выгодно? Лично я считал, что это убийство было выгодно Коллинзу, «невиновность» которого была тем самым доказана. То же можно сказать и об убийстве Джинджера Лоусона. Хотя это преступление и принесло убийце значительную сумму, все же основным ее последствием было освобождение доктора Хайда. В то же время убийство Алена Смита является наиболее разоблачающим фактом... Помните, что у бедняги при себе был всего один фунт и несколько шиллингов. Мало того — это убийство было совершенно — факт из ряда вон выходящий — в совершенно ясную погоду! Какая-то таинственная причина явно торопила убийцу и не давала ему возможности сложа руки сидеть дольше и дожидаться тумана... Что же это за причина?.. Я долго пытался отгадать ее... Андреев, вот уже неделю сидящий в тюрьме, должно быть, начал уже терять терпение, а возможно даже и стал отчаиваться. Видя, что время идет, Хайд и Коллинз стали опасаться, как бы усердие его мучителей не сломило сопротивление Андреева.

— Потрясающе! — воскликнул кто-то.

— Итак, мало-помалу мои подозрения стали подтверждаться и подкрепляться ежедневными наблюдениями, всякими незначительными подробностями, оставши-

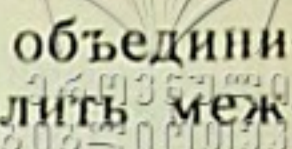
мися неизвестными полиции. Вспомните хотя бы день возвращения Коллинза из тюрьмы... Его волнение, вызванное нашей радушной встречей, было вовсе не приговорным, а после ужина превратилось в сильнейшие угрызения совести. Вот почему мы застали его лежащим в ногах у Андреева и потирающим свою челюсть. Очевидно, русскому пришлось прибегнуть к силовым аргументам, чтобы вернуть своему сообщнику хладнокровие. Или вот вам другой пример... В тот день, когда полиция пришла допрашивать нас после убийства мистера Лоусона, мне пришлось стать очевидцем сцены, заставившей меня призадуматься. То ли Андреева толкнул в ребро какой-то бес-искуситель, то ли им овладела паника, но как бы там ни было, он вдруг разоткровенничался с миссис Хобсон, сказав ей ровно столько, сколько требовалось, чтобы у нее возникло желание помочь ему. Тогда она заявила, что готова сказать полицейским, что тот вечер он провел с ней. Я как раз стоял за дверью. Так вот Андреев, как человек, который должен был испить свою чашу до дна, отказался от этой помощи. Кроме того, в его поведении я заметил то же скрытое желание навлечь на себя подозрения, что и у предыдущих подозреваемых.

— Но откуда у вас возникла такая твердая уверенность в правильности выводов? Когда и как это произошло?

— Это произошло за игрой в бридж — три мистера Смита предложили мне поучаствовать в ней.

— Черт! — буркнул майор. — Не хотите ли вы убедить нас в том, что их манера сдавать или держать карты дала вам подтверждение их виновности?

— И да, и нет. К тому времени у меня уже были серьезные подозрения на их счет. Тем не менее, соглашаясь сыграть с ними, я еще не окончательно был уверен в их виновности, не доверяя своему разыгравшемуся воображению до конца... Вот тогда-то и произошло нечто такое... Все трое, столь уверенные в себе, неосторожно проявили свои природные склонности. Независимо от того, какие у меня были карты и как правильно я ходил, я все время оставался в проигрыше по вине своего партнера. Стоило только одному из трех сесть в паре со мной, как он тут же начинал ошибаться и вообще играть никудышно. Какой бы вы сделали

из этого вывод?.. Лично я решил, что они объединились против меня, чтобы впоследствии разделить между собой выигрыш. Из этого нетрудно было сделать вывод, что они заодно не только за карточным столом...

Миссис Хобсон, являвшая собой живой пример скорби, ни слова не говоря покинула комнату. Все услышали, что она вошла в свой кабинет. Вскоре после этого вышел седовласый пансионер.

— Нужно еще сделать некоторые выводы, чисто психологического характера, — сказал в заключение мистер Крабтри. — С самого начала я задавал себе вопрос: кто из нас всех вообще был способен на убийство? И решил, что на такое мог бы пойти только, во-первых, — Коллинз, из безудержной любви к деньгам — вспомните его чисто шотландскую жадность, столь часто становящуюся предметом подтрунивания среди нас; во-вторых, — Хайд, ставший мизантропом вследствие испорченной жизни и, возможно, несправедливо полученного в свое время срока. И, наконец, в-третьих, — Андреев, этот, вероятно, из извращенности, любви к опасности и душевной неуравновешенности...

Упомянутые таким образом тени трех исчезнувших пансионеров на какое-то мгновение появились в комнате. Элегантная тень красавца Бориса, тело которого было выловлено из Темзы, печальная хромоногая тень доктора Хайда, отравившего себя, и безликая, беспокойная тень мистера Коллинза, недостойного сына пастора из Нортемберленда. Оставшись в одиночестве, покинутый своими сообщниками, он должен был держать ответ перед правосудием за все, совершенные мистером Смитом, преступления.

— Я уже чувствую, что мне здесь очень понравится! — сообщил новый пансионер, обращаясь к миссис Хобсон. Хотя изъяснялся он просто, фраза его была полна смысла. Он уже собирался было выйти из ее кабинета, но решил добавить:

— Я вижу, что вы скорбите, поэтому позвольте вам признаться в искренней к вам симпатии. Меня жизнь тоже не жаловала. Если как-нибудь вам захочется открыться мне, я увижу в этом знак доверия и доброго расположения. Спокойной ночи.

Развернув «Дейли Кроникс», профессор **Лала-Пур** прочитал вслух:

— В заброшенной хибаре, неподалеку от Раскин Парка было найдено тело обнаженной женщины, задушенной собственными волосами... Ей-Богу, это любопытно!

— Да, но... — протянула мисс Паутер и тут же осеклась. Охваченная манией составления рекламы, она хотела было сказать: «Но мистер Смит убивает лучше!»

Просунув голову в кабинет миссис Хобсон, Мэри объявила:

— Я уже иду спать, мэм. Спокойной ночи!

— Спокойной ночи, Мэри, — задумчиво ответила ей миссис Хобсон. Затем после недолгих раздумий добавила: «Кстати, не трогайте туфли мистера Булмита, нашего нового пансионера... Я буду чистить их сама.»

Перевод с французского Алексея ДРОЗДОВСКОГО
и Екатерины ДРОЗДОВСКОЙ

Владимир ЧЕРЕДНИЧЕНКО

Методы изучения и анализа художественного произведения

1. БИОГРАФИЧЕСКИЙ МЕТОД

Биографический метод — метод истолкования внутреннего мира художественного произведения фактами биографии автора (или других реальных лиц), свойствами его личности. Внимательное изучение источников позволяет выделить четыре этапа в развитии метода: 1) 40—50-е гг. XIX в. (Ш. Сент-Бёв); 2) 60—80-е гг. XIX в. (И. Тэн, Г. Брандес); 3) 90-е гг. XIX в. (Г. Лансон); 4) новый этап (фрейдисты, С. Цвейг, В. Жиро, Э. Эрматингер, А. Моруа и др.)

Биографический метод первоначально не был каким-то осознанным принципом, сформировавшимся в рамках конкретной литературной школы, он представлял собою скорее некий «ключ» к расшифровке проблематики произведения, применяемый критиками чисто интуитивно. Обостренный интерес к личности художника сформировался к концу XVIII столетия в условиях, максимально благоприятствовавших развитию частного предпринимательства и инициативы, в атмосфере бурного подъема общественных сил в Западной Европе (особенно во Франции) и общественного прогресса, повлекших за собой рост буржуазного самосознания. Естественные и общественные науки достигли в конце XVIII — первой половине XIX века значительного прогресса; это время — «золотой век» европейской литературы. Неудивительно поэтому, что расцвет биографического метода приходится именно на XIX столетие — эпо-

ху выдающихся личностей и насыщенных событиями биографий. Следует однако отметить, что в «чистом» виде биографический метод встречается довольно редко, сочетаясь с другими (историческим, психологическим) методами изучения литературы.

Зарождение биографического метода как такового и первый этап его развития связаны с именем Шарля Огюстена Сент-Бёва (1804—1869), выдающегося французского критика, творчество которого расцвело под знаком утверждения романтического мирозерцания с его гипертрофированным интересом к личности художника. Перу Сент-Бёва принадлежат десятки томов, в которых развернута широчайшая панорама национальной литературной жизни — от зарождения французской художественной литературы до современных критическим течений. Такой колоссальный материал едва ли было возможно рассмотреть под углом одного лишь биографического метода. Критик охотно прибегал к самым разнообразным методам изучения литературы, не пренебрегая и чисто эстетическим анализом произведений («Жорж Санд. «Индиана», «Виктор Гюго. Романы», «Госпожа Бовари», Гюстава Флобера» и др.) Однако именно под пером Сент-Бёва биографический метод, хотел того критик или нет, стал впервые интенсивно оформляться как один из принципов изучения художественной литературы.

Из огромного критического наследия Сент-Бёва нас в первую очередь интересуют его литературные портреты, в которых биографический метод раскрылся наиболее полно. Литературный портрет в творчестве Сент-Бёва — жанр не мемуарной, а критической литературы, достигший здесь своего расцвета (портреты Корнеля, Лафонтена, Дидро, Лабрюйера, Монтеня, Мюссе, Вийона и других художников слова). Полемизуя с теми критиками, которые считали, что «вся история писателя сводится к его сочинениям», и адресуя такой критике упрек в том, что она «не умела разглядеть в поэте человека» («Пьер Корнель»^{*}), Сент-Бёв предпринимает развернутую попытку методологического обоснования биографического метода: «В области критики и истории литературы нет, пожалуй, более занимательного, более приятного и вместе с тем более

---

* Здесь и далее тексты Сент-Бёва цитируются по следующему изданию: Сент-Бёв Ш. Литературные портреты. Критические очерки. М., 1970.

поучительного чтения, чем хорошо написанные биографии великих людей. Разумеется, не те суховатые, скудные жизнеописания, не те изысканно-жеманные наброски, где автор, стремясь получше блеснуть, превращает каждый параграф в остроотточенную эпиграмму, но обширные, тщательно составленные, порою даже несколько многословные повествования о личности и творениях писателя, цель которых — проникнуть в его душу, осязаться с ним, показать его нам с самых разных сторон, заставить этого человека двигаться, говорить. — так, как это должно было быть на самом деле: представить его среди домашнего круга, со всеми его привычками, которым великие люди подвластны не менее, чем мы с вами, бесчисленными нитями связанным с действительностью...» («Пьер Корнель»).

Какова же совокупность факторов, которыми оперирует биографический метод в изучении личности писателя и созданных им произведений? Обратимся к Сент-Бёву. «...Самое важное для биографа великого писателя, великого поэта — это уловить, осмыслить, подвергнуть анализу всю его личность именно в тот момент, когда более или менее удачное стечение обстоятельств — талант, воспитание, окружающие условия — исторгает из него первый его шедевр» («Пьер Корнель»: здесь и далее разрядка моя — В. Ч.). Учет критиком еще двух факторов — «общее состояние литературы в тот момент, когда в нее вступает новый писатель» («Пьер Корнель») и специфика этого момента («поэт появляется в определенное время», «Неизданные произведения Ронсара») — по существу выводит его за пределы биографического метода и свидетельствует о широте задач Сент-Бёва-критика.

Высокой реалистичности портретов Сент-Бёв добивался за счет: а) выбора характерных, но неочевидных деталей («нечто неповторимое — особая улыбка, какая-нибудь царапина, скорбная морщина на челе, прячущаяся под прядью уже редящих волос»); б) привлечения самых разнообразных источников («письма, разговоры, мысли»); в) показа эволюции портрета во времени («Я часто думаю, что о человеке прошлой эпохи по-настоящему можно судить лишь тогда, когда у тебя есть, по крайней мере, два его портрета» — имеется в виду ранний и поздний); г) тенденции к отождествлению себя с портретируемым («Моя привычка и мой критический метод обязывает раствориться в созданиях другого, стать на его место, забыть целиком себя, перевоплотиться в образ автора»). Разу-

меется, определенная дистанция между субъектом и объектом повествования, закрепленная в повествовании от третьего лица, соблюдается, обеспечивая объективность тона. Однако критик не уберется от другого соблазна биографического метода, отождествляя автора с его героями. На этом принципе отождествления построен, например, его очерк о Мюссе. Еще рельефнее уязвимость биографического метода просматривается в классических для этого метода ситуациях, когда для объяснения эстетических закономерностей привлекаются факты биографии писателя, т. е. из эстетической действительности осуществляется прямой выход в физическую действительность. При этом роль биографических моментов, врожденных свойств личности гиперболизируется, что приводит не только к явным упрощениям, но и к практически неограниченному субъективизму. Так, «нежная сыновья привязанность» к Ротру является, по мнению Сент-Бёва, «самой характерной чертой» одного из периодов творчества Корнеля («Пьер Корнель»). Проблему эволюции Ронсара-лирика критик увязывает с особенностями его личности, а точнее темперамента: «Смелый ум и великодушное сердце» [как он (поэт—В. Ч.) характеризует себя, и не без основания] не сумели в достаточной мере отделить его поэзию от неистовств его темперамента. Он начал отцветать еще до того, как достиг подлинной зрелости, ему не дано было цвести дважды» («Неизданные произведения Ронсара»). И хотя количество подобных примеров можно умножить, они свидетельствуют не об эстетической глухоте выдающегося критика, а о следовании в этих конкретных случаях внутренней логике взятого им на вооружение метода.

Вся совокупность приемов анализа, применяемых Сент-Бёвом, глубина понимания им связи между искусством и действительностью¹ не позволяют квалифицировать его метод од-

---

¹ Ср., например: «При каждой великой политической и социальной революции меняется и искусство, которое является одной из важных сторон общественной жизни; в нем тоже совершается революция, но она касается не внутренних его принципов — основа искусства неизменна, — а условий его существования, способов его выражения, его отношения к окружающим предметам и явлениям, чувств и идей, которые оно запечатлевает, равно как и источников вдохновения» (цит. по: Трескунов М. Сент-Бёв. — В кн.: Сент-Бёв Ш. Литературные портреты. Критические очерки. М., 1970, с 18).

нозначно как «биографический». Однако наряду с традиционными приемами психологической и исторической критики Сент-Бёв целенаправленно использует весь арсенал средств биографического метода, что и позволяет считать его первым представителем биографического метода в литературоведении. Широта воззрений Сент-Бёва сказалась, в частности, в том, что в одном из своих очерков он, сам не замечая того, выносит приговор методу, которому служил. Эти слова выдающегося критика проникнуты горечью, и они заслуживают того, чтобы их привести. «Самое главное, как я убеждаюсь, — пишет он, — это приобрести, даже в области литературы, такое имя, которое устраивало бы потомков, на которое можно было бы постоянно ссылаться, заменяя им многие другие имена. По мере того как потомки отходят все дальше и уже не могут перебирать всю цепь звено за звеном, они отмеряют пройденный путь, запоминая лишь отдельные наиболее блестящие звенья» («Франсуа Вийон»).

Второй этап истории биографического метода представлен именами французского философа и филолога Ишполита Тэна (1828—1893) и датского критика Георга Брандеса (1842—1927).

Исторической заслугой Тэна была попытка установить универсальные законы человеческого духа — попытка, обреченная на неудачу из-за того, что принцип механицизма был еще не изжит мышлением современной Тэну эпохи. Развитие естественных наук в середине XIX столетия было столь бурным, что появилась заманчивая идея экстраполировать полученные законы в сферу общественных и гуманитарных наук. Следует однако заметить, что идея взаимосвязи наук не была прерогативой Тэна — она, что называется, витала в воздухе, и никто иной, как Сент-Бёв, мечтавший составить «семейство умов», провозгласил ее программной: «Физики, астрономы, навигаторы исследуют и отмечают изменения атмосферы, различие широт, состояние звезд на небе. Эти обширные исследования взаимосвязаны, и их единство помогает открыть и подтвердить законы. Будем нечто подобное творить и мы в сфере разума»¹. Этот призыв Сент-Бёва спустя некоторое время был услышан Тэном, который, следуя методам точных наук, провозгласил искусствоведение «родом ботаники, изучающей не растения, а творения человека». «Современный метод, — говорит Тэн, —

¹ Цит. по: Трескунов М. Сент-Бёв, с. 39.

которому я стараюсь следовать и который начинает проникать во все общественные науки, состоит в том, что рассматривает творения человеческого духа и в частности произведения искусства как факты, характерные черты которых надо установить как следствие определенных причин, которые надо найти: этим исчерпывается наша задача»¹.

Строя свою знаменитую «Философию искусства» (1865—1869) на обширном европейском материале (преимущественно изобразительном), Тэн выводит всеобъемлющую, как ему казалось, формулу *раса — среда — момент*, призванную объяснить любое создание человеческого духа, и предлагает универсальную методiku анализа любых форм человеческой деятельности от «великих революций» до отдельных черт творчества писателя. Формула Тэна, позволявшая, по мнению ее изобретателя, «узнать, как чувствовали и думали люди несколько веков назад»², была одним из возможных вариантов реализации идей Лапласа, мечтавшего объять в одной формуле все процессы Вселенной, чтобы «будущее, так же, как и прошедшее, предстало... перед взором»³. Некорректность тэновской формулы была блестяще доказана Н. Н. Страховым, который писал: «Можно подумывать, что произведение искусства происходит как произвольное сочетание особенностей народа, страны, вкусов, нравов и обычаев данного времени. В чем состоит цельность художественного произведения, его неисчерпаемая жизненность и то его главное качество, по которому оно бывает нам дорого, какому бы веку и какой бы стране оно ни принадлежало, — этого нельзя понять по изложению Тэна. Анализируя, разлагая на части свой предмет, он как будто теряет из вида его единство, самую его душу»⁴.

Собственно говоря, два компонента формулы (*среда* и *момент*) учитывались еще Сент-Бёвом (правда, не в столь дифференцированном виде) — заслуги Тэна в развитии биографического метода сильно преувеличены. Действительной заслугой Тэна был учет национального фактора, к которому Сент-Бёв

---

¹ Тэн И. *Философия искусства*. М., 1933, с. 9.

² Тэн И. *О методике критики и об истории литературы*. СПб., 1896, с. 3.

³ Лаплас. *Опыт философии теории вероятностей* (1814). М., 1908, с. 9.

⁴ Страхов Н. Н. *Заметки об Тэне*. — *Русский вестник*, 1893. № 4, с. 248.

был почти равнодушен (не располагая столь обширной, как Тэн информацией о народах, населяющих Европу). Обобщая данные этнографии и искусства, Тэн реконструирует и противопоставляет друг другу два типа национальной («расовой») психологии — латинский (классицистический по своей сути) и германский (романтический).

Георг Брандес, эстетика которого формировалась под заметным воздействием идей Ипполита Тэна, подхватывает и развивает концепцию двух типов национальной («расовой») психологии, подключая сюда и третий — славянский — тип. Славяно-германские отношения — предмет особого внимания датского критика (см., например, написанный в 1883 г. очерк «И. С. Тургенев»). Какова же роль национального фактора с точки зрения биографического метода и научного метода вообще? Определенные нюансы личности писателя или грани созданного им художественного мира безусловно не могут быть поняты без учета национального фактора. В этом смысле симптоматично восклицание Сент-Бёва, восторгающегося интонациями «Ночей» Мюссе: «Пока существует Франция и французская поэзия, любовь Мюссе не умрет, как не умрет любовь Сапфо» («Альфред де Мюссе»). При этом как бы молчаливо подразумевается (и не без оснований, если учитывать неповторимую специфику национального поэтического языка), что представитель другой нации не разделит восторгов французского критика. Однако в известном смысле национальный фактор как надсубъективный фактор вступает в противоречие с биографическим методом, поскольку нивелирует индивидуальные различия людей, волею судьбы объединенных в одну нацию. А ведь именно «нечто неповторимое» составляет суть индивидуальной биографии писателя, и поиск этой «неповторимости» составляет главный пафос биографического метода. Неудивительна поэтому та скромная роль, которую отводит национальному фактору в своих портретах Сент-Бёв. Что же касается концепции Тэна, то, не говоря уже о мифических «расах», под которыми он ошибочно понимает ряд народов, говорящих на родственных языках, вызывает серьезные возражения столь категорическое противопоставление друг другу культур романского (латинского) и германского типа. Тэн не учитывает того обстоятельства, что типологически сходные черты присущи в большей мере представителям одного направления, но различных «рас» (например, английским и французским романтикам), чем представителям одной «расы».

но разных направлений (например, французским классицистам и французским романтикам). Уязвимость тэновского учения с «расах» особо наглядно проявилась в критических работах Брандеса, который, оперируя такими понятиями, как «бессознательная племенная ненависть», «чисто славянская меланхолия», фактически выходит за пределы литературной критики и вторгается в сферу дилетантской антропологии.

Выстраивая портретную галерею выдающихся современников, среди которых Флобер и Гонкуры, Тургенев и Ибсен («Литературные портреты и критические очерки»), датский критик опирался в первую очередь на опыт Сент-Бёва, справедливо полагая, что «последовательный тэнизм приводит к построению истории литературы без авторов»¹. Тем не менее рекомендации Тэна были им учтены — влияние французского ученого на европейскую гуманитарную мысль в этот период было весьма значительным.

Следующий этап в развитии биографического метода представлен трудами французского историка и теоретика литературы, профессора Сорбонны и Высшей нормальной школы Гюстава Лансона (1857—1934). Для нас наибольший интерес представляет главный труд Лансона «История французской литературы» (1894), в котором дано подробное теоретическое обоснование биографического метода: «Изучение литературы не может обойтись в настоящее время без научной подготовки: известное количество точных, положительных знаний должно служить необходимой опорой и руководством при наших суждениях. С другой стороны ничего не может быть законней всякой попытки связать, путем научного метода, наши идеи и отдельные впечатления и представить общую, синтетическую картину хода, развития и преобразования литературы. Но не следует упускать из виду, что история литературы имеет целью характеристику отдельных писателей и что в ее основе лежат индивидуальные впечатления, индивидуальные интонации. Она изучает не виды или категории, но Корнеля, Расина или Гюго, и для изучения их она пользуется не такими приемами, которые могли бы быть повторяемы каждым и давали бы всегда неизменные результаты, а применением способностей, различных в каждой отдельной личности и дающих по необходимости относительные и недостоверные результаты. Ни по своей цели, ни по своим средствам литературные сведения не

¹ Литературная энциклопедия. М., 1930, т. 1, с. 575.

могут быть названы в строгом смысле научными. Не следует упускать из виду, что в литературе так же, как и в искусстве, существуют произведения, способность которых вызывать впечатления бесконечна и неопределенна и относительно которых никто не может утверждать, что он исчерпал все их содержание или нашел для них неизменную формулу. Но это равносильно признанию, что литература не может быть предметом точной науки: это — предмет умственных занятий, вкуса, наслаждения»¹. Как бы ограждая биографический метод от будущих упреков в «ненаучности», Лансон пытается обосновать положение о принципиальной невозможности изучать литературу строго научными методами — положение, вокруг которого много десятилетий спустя, уже в XX столетии, развернется ожесточенная полемика. Методологическая ошибка французского ученого заключалась в том, что из верной посылки — принципиальной неисчерпаемости художественного мира литературного произведения — сделан неправильный вывод о принципиальной невозможности пользоваться научными методами при анализе этого мира. Если позволительно тут применить аналогию, то можно заметить, что, к примеру, наличие бесконечных чисел в природе не является препятствием к нахождению в математике числовых закономерностей. Однако точка зрения Лансона спроецирована не только в будущее: ее настоящий подтекст — критика тэновской «всеобъемлющей формулы искусства». Полемизируя с Тэном, Лансон замечает: «Я отлично понимаю, почему явилась французская трагедия: но почему именно Корнель или почему Расин, а не другие писали трагедии? Лафонтен в своих произведениях должен был проявить оригинальность, которую разбирает Тэн. Но почему он проявил ее именно в баснях, это неясно. Если не ввести в объяснение элемент свободы, то три условия, о которых говорит Тэн (раса, среда, исторический момент. — В. Ч.), недостаточно мотивируют результат»². Любопытно, что за несколько десятилетий до Лансона аналогичные мысли высказывал сам Сент-Бёв, который, в отличие от Лансона, предлагал позитивную программу эмпирического толка: «Изучая их (худож-

¹ Лансон Г. История французской литературы. М., 1896, т. 1, с. 7—8.

² Цит. по: Плеханов Г. В. Две рецензии на книги Г. Лансона по истории французской литературы. — В кн.: Плеханов Г. В. Литература и эстетика. М., 1958, т. 2, с. 601.

ников. В. Ч.) одного за другим, легко показать их связь с той эпохой, в которую они родились и жили; но если знать только эпоху и если знать ее даже основательно, во всех ее главных чертах, невозможно все же предугадать заранее, что она должна породить такие-то и такие-то индивидуальности с определенными формами таланта. Почему Паскаль, а не Лафонтен? Почему Шольё, а не Сен-Симон? Значит, мы не можем разрешить основную трудность, не можем узнать, каким образом происходит формирование той или иной личности, тайна эта от нас ускользает. Самое благоразумное — пристально всматриваться и наблюдать, а самое прекрасное, если ты на это способен, изображать»¹.

Однако методика Сент-Бёва кажется Лансону уже устаревшей, и он не может обойтись без опыта критикуемого им Тэна², отстаивая при этом свою оригинальную идею «неопределенного и необъяснимого остатка» в примечании к четвертому французскому изданию: «Я не хочу сказать, что надо вернуться к методу Сент-Бёва и составлять галерею портретов. Я говорю только, что когда мы исчерпали все средства, способные объяснить нам появление данного произведения: когда мы отдали должное расе, среде и моменту; когда мы приняли в соображение весь ход развития того литературного вида, в которому принадлежит это произведение, — у нас часто остается нечто такое, чего не коснулись все эти объяснения, чего не объяснила ни одна из этих причин: это-то нечто, этот неопределенный и необъяснимый остаток и составляет высшую оригинальность данного произведения: это-то нечто и вносится лично Корнелем или Гюго, составляет их литературную индивидуальность; поскольку этот личный остаток не поддается научному анализу, постольку и история литературы не может быть предметом строго научного изучения»³. Позицию ученого подверг суровой и в принципе справедливой критике Г. В. Плеханов в своих «Двух рецензиях на книги Г. Лансона по истории французской литературы».

¹ Цит. по: Трескунов М. Сент-бёв, с. 34—35.

² Ср.: «Наша главная обязанность — научить читателей узнавать в странице Монтеня, в пьесе Корнеля, даже в сонете Вольтера определенные моменты общечеловеческой, европейской или французской культуры» (Лансон Г. Метод в истории литературы. М., 1911, с. 4).

³ Цит. по: Плеханов Г. В. Две рецензии..., с. 604—605.

Заслуга Гюстава Лансона в развитии биографического метода состоит прежде всего в попытке теоретического обоснования биографического метода, попытке, которая вызвала к жизни вопрос о научном методе познания литературы. Литературоведческие работы Лансона насыщены богатым фактическим материалом, биографическим и библиографическим комментарием в традициях культурно-исторической школы. Что же касается собственно биографического метода, то Лансон так же, как и Брандес, не внес в его практическую реализацию ничего принципиально нового, так и не поднявшись до уровня Сент-Бёва.

С первых десятилетий XX века начинается качественно новый этап в развитии биографического метода, этап, на который наложили отпечаток работы Зигмунда Фрейда 1900—1920-х годов (статьи о Шекспире, Гёте, Гофмане, «Достоевский и отцеубийство» и др.) и его многочисленных последователей (В. Штекеля, О. Ранка, М. Бонапарт, Р. Лафоржа и др.) Психоаналитический характер носят и этюды Стефана Цвейга о Достоевском и Генрихе фон Клейсте. Психоаналитический метод как метод трактовки литературных произведений с точки зрения учения о бессознательном не сводим к биографическому методу. Однако он смыкается с ним постольку, поскольку безоговорочное отождествление автора с его персонажами является одним из постулатов психоаналитиков, так легко перешагивавших из физической действительности в художественную и обратно. Исследуя по имеющимся, не всегда достоверным, материалам (факты биографии, «саморазоблачительные» письма, свидетельские показания) психическую жизнь художника, психоаналитики ставят «диагноз», а затем дают оценку созданной художником действительности, подгоняемой под «диагноз». При недостатке фактического материала последний извлекается из ткани художественного произведения, и образуется порочный круг: биография исследуется с помощью «художественного» метода, а художественное произведение — с помощью «биографического» метода. Классический пример психоаналитической трактовки — монография М. Бонапарт «Эдгар По. Психоаналитический этюд» (Т. 1—2. Париж, 1933; французский яз.) Ставя вопрос о непригодности для литературоведения исследований с медико-психологическим уклоном, И. С. Кон справедливо замечает, что они «описывают целое с точки зрения части, а этот подход прямо противоположен методу серьезной психологической биографии».

старающейся воспроизвести и понять противоречивую целостность индивидуального бытия и становления личности, что верно и при интерпретации художественных произведений¹

Несмотря на неоднозначность трактовок биографического метода на новом этапе, во всех них проявляется нечто принципиально общее, отличающее их от аналогичных трактовок в XIX столетии. Если работы классиков биографического метода Сент-Бёва, Тэнэ, Брандеса, Лансона характеризовались определенным интересом к истории нации, ее культурным традициям, к социальной среде и окружению писателя, то есть к личности и внеличному «фону», то у новой критики биографического толка наметился сильный крен в сторону субъективизма, «фон» полностью растворился в личности; старый философский эмпиризм уступил место психоанализу и солипсизму.

П. В. Палиевский пишет: «Биографический метод надо отличать от принципов написания биографий, в которой жизнь писателя становится самостоятельным предметом изучения»². Однако и биография не свободна от вторжения биографического метода в тех случаях, когда биограф переходит от жизнеописания к трактовке творчества посредством биографии. В этом смысле существен не жанр, избранный критиком (эссе, биография), а применяемый им метод исследования (биографический или небιοграфический). Примером широкого использования классических приемов биографического метода могут служить биографии великих людей, написанные Андре Моруа («Ариель, или Жизнь Шелли», 1923; «Байрон», 1930; «Тургенев», 1931; «Лелля, или Жизнь Жорж Санд», 1952; «Олимпио, или Жизнь Виктора Гюго», 1954; «Три Дюма», 1957; «Прометей, или Жизнь Бальзака», 1965 и др.) Любопытна также биография Эдгара По, принадлежащая перу Герви Аллена. Написанная в 1933 году книга (сокращенный русский перевод появился в 1984 г.: Аллен Г. Эдгар По. М., 1984) демонстрирует устойчивость и живучесть традиций Сент-Бёва в современной критике. Изучение писем, воспоминаний современников, архивных документов, глубокое проникновение в социально-политическую жизнь Америки первой половины прошлого века позволило Аллену не только реконструировать физическую и духовную биографию писателя, но и

¹ Ком И. С. Введение в сексологию. М., 1989, с. 289.

² Краткая литературная энциклопедия, 1962, т. 1, стб. 620.

осуществить попытку реконструкции творческого процесса. Попытка была обречена на неудачу, поскольку критикам не удалось выполнить задачу, не выходя за пределы биографического метода.

Стопятидесятилетняя история развития биографического метода, охватывающая и современный этап, — свидетельство большой живучести и популярности метода, и одними социально-политическими причинами и научным прогрессом этого явления не объяснить. Традиционный интерес французов к роли личности в истории, к подробностям частной жизни великих людей явился одной из причин особого тяготения критиков к биографическому методу. Конкретной предпосылкой формирования метода явилась зрелость литературной традиции во Франции — портрет как жанр мемуарной и критической литературы достиг во времени прихода Сент-Бёва в литературу весьма высокого развития.

В России в силу целого ряда причин биографический метод не выделился в самостоятельный метод изучения литературы. Попытки биографической трактовки художественных произведений здесь, как правило, совмещались с анализом общественной ситуации, нравственной проблематики, что предопределило появление в России культурно-исторической школы. Конец XIX — начало XX вв. характеризуется всепестым интересом к жанру портрета — отметим «Этюды и характеристики» (1894) Алексея Веселовского, «Старинные портреты» (1907) Н. Котляревского, но особо — «Силуэты» (1906—1910) Ю. Айхенвальда, в которых биографическое и художественное начала слиты уже до неразличимости.

В Грузии видным представителем биографического метода на рубеже XIX—XX вв. был писатель, критик, публицист, общественный деятель Иона Меунаргия (1852—1919), перу которого принадлежит целый ряд жизнеописаний и творческих портретов грузинских писателей XIX столетия — Александра Чавчавадзе, Григола Орбелиани, Георгия Эристави, Ильи Чавчавадзе и других. Биографическому методу отдал дань в своих эссе и литературных портретах и один из лидеров грузинского символизма Валериан Гаприндашвили («Стефан Малларме», 1917; «Артюр Рембо», 1923 и др.), который в одной из работ затронул вопрос о соотношении биографии и творчества. «Есть поэты, — писал он, — чья жизнь — блестящая иллюстрация их творчества. Бараташвили не таков. В его прозаичной и скудной биографии нет примечательных моментов, и его

творчество должно искупить этот недостаток биографии»¹. («Бараташвили», 1924). Иного мнения о Бараташвили придерживался, в частности, Иона Меунаргия, который с позиций «чистого» биографизма полагал, что проходящая сквозь все творчество поэта и достигшая своего апогея в «Сиротливой душе», «Злом духе» и «Мерани» тоска имела вполне реальные жизненные основания, более того — была обусловлена конкретным обстоятельством жизни поэта². Биографический метод популярен и в современной грузинской критике. Так, в частности, этим методом широко пользовался в своих монографиях и критических статьях академик Г. Н. Джибладзе (см. его «Критические этюды», т. 1—8, 1958—1985, «Илья Чавчавадзе. Жизнь и поэзия», 1983, на грузинском языке и др.)

Биографический метод не был детищем какой-либо определенной научной школы или направления. Ряд сторонников биографического метода принадлежал или был близок к культурно-исторической школе (И. Тэн, Г. Брандес, Г. Лансон) и исповедовал в той или иной степени позитивизм. В период зарождения биографический метод многим был обязан романтизму с его непомерно развитым культом индивидуума. Одной из главных причин широкого распространения метода была общедоступность биографических фактов и отсутствие каких-либо ограничительных требований к процедуре наложения их на творчество писателя. В конечном счете все решали не столько усилия по усовершенствованию метода, сколько талант критика. По всей видимости, этим и объясняется тот факт, что своего высшего расцвета биографический метод достиг в критическом творчестве Сент-Бёва, т. е. уже на начальной стадии своего развития. Французский критик использует по существу весь арсенал средств биографического метода (учет способностей, темперамента, возрастных особенностей, влияние воспитания, окружающих условий и т. д.), которые в дальнейшем будут на все лады варьироваться литературной критикой. Дальнейшее развитие метода дало незначительные результаты: отметим учет национального фактора (И. Тэн,

¹ Гаприндашвили В. И. Стихи, поэмы, переводы, эссе, письма, материалы из архива. Ред.—сост. М. Чкониа. Тб., 1990, с. 595 (на груз. яз.).

² См.: Меунаргия И. Жизнь и поэзия Николая Бараташвили. Тб., 1968, с. 68—69 (на груз. яз.).

Г. Брандес) и попытку развернутой теоретической аргументации (Г. Лансон). Новый этап развития метода является собой довольно пеструю картину, отмечается преобладание субъективистских тенденций.

Следует подчеркнуть, что ни один из представителей биографического метода не смог подняться до уровня Сент-Бёва, работам которого был присущ историзм, особое внимание к категории времени (учет специфики исторического момента, показ эволюции писателя и т. д.) Конечно, принцип историзма и элементы социальной критики явились заслугой не биографического метода, а самого Сент-Бёва, метод которого не уместился в столь узкие рамки. Что же касается биографического метода, то его наиболее уязвимым местом является игнорирование эстетических функций художественного образа — важнейших для понимания специфики художественной литературы. Даже установление точного адресата или прототипа, удовлетворяя нашу любознательность, ничего не прибавляет к раскрытию проблематики произведения как эстетического феномена, поскольку в творческом акте осуществляется синтез биографических и небюграфических (культурных, установочных и т. д.) мотивов в одно нерасчленимое целое. Уже сама попытка биографического подхода к поэтическому произведению молчаливо подразумевает тождество автора и героя. Говоря о том, что достоверность поэзии есть достоверность мифа, С. С. Аверинцев пишет: «У мифа есть беспорное биографическое соответствие, но он на то и миф, чтобы преобразовывать биографию на свой лад, по своим собственным законам, и не совсем хорошо поступит тот, кто поймет миф черезчур буквально»¹. Именно поэтому научное литературоведение «признает биографический метод как вспомогательный прием исследования, изучая биографические моменты лишь в качестве одного из источников художественного образа, значение и смысл которого всегда неизмеримо шире любого непосредственного «материала», использованного в произведении»². Объективно заслуга биографического метода состояла, в первую очередь, в развитии и пропаганде микрожанров, находящихся на границе между литературной критикой и художественной литературой (эссе, портрет, этюд, силуэт), а так-

¹ Аверинцев С. С. Поэзия Клеменса Брентано. — В кн.: Брентано К. Избранное. М., 1985, с. 9 (на нем. яз.).

² Краткая литературная энциклопедия, 1962, т. 1, стб. 619.

же во введении в научный оборот редких, а то и уникальных архивных материалов и документов, неизданных писем, устных свидетельств и т. д. Однако главной исторической заслугой биографического метода явилось вызревание в его недрах культурно-исторических идей, давших толчок зарождению культурно - исторического метода изучения литературы.

Биографический метод не изжил себя в современном литературоведении. Поэтому окончательное суждение о нем — дело будущего.

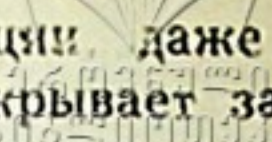

Карло ТУГУШИ

Человек—ведущий фактор эволюции биосферы

Перестройка направлена на преобразование всех сфер общественной жизни — экономической, социально-политической, духовной и нравственной. Все аспекты перестройки взаимосвязаны и взаимообусловлены. В этой целостной системе важное место занимает охрана окружающей среды. Уровень экономического развития определяет природоохранную политику страны. Состояние природы, в свою очередь, влияет на социальное и духовное состояние общества.

Чтобы решить стратегическую задачу — ускорить социально-экономическое развитие страны, надо добиться решающего сдвига в экономике. А для этого необходимо, используя научно-технический прогресс, перевести все отрасли народного хозяйства на интенсивный путь развития. Следовательно, надо учиться тому, как сочетать интенсификацию производства с охраной природы. Для этого надо пересмотреть ряд теоретических положений, по-новому подойти к стратегии и тактике природопользования. Например, под интенсификацией нередко понимают любой прирост продукции за счет дополнительных вложений в основные производственные фонды и сырье независимо от конечных результатов. Повышение производительности живого труда, достигаемое за счет его фондовооруженности и увеличения использования сырья, за-

частую истолковывается как фактор интенсификации, даже в том случае, если экономия живого труда не перекрывает затраты на его обеспечение. Тогда как полочная интенсификация предполагает уменьшение фондо- и материалоемкости. Мы почти разучились добывать блага за счет затрат мускульной энергии, но хорошо научились латать наши экономические дыры природными ресурсами. Почему в Бельгии один крестьянин кормит 90 человек, а в Грузии — 7?

Устойчивость биосферы как глобальной системы может быть обеспечена только непрерывным развитием человеческого творчества, социальной активности людей. Потребление без созидания приведет к гибели природы.

До недавнего времени, да нередко и сейчас, критерием эффективности хозяйственной деятельности являлось получение максимальных материальных благ при минимальных затратах труда, но не природных ресурсов. Часто наши хозяйственные прорехи восполняются за счет природы.

В настоящее время ситуация резко меняется, так как система «общество — природа» превратилась в систему с неустойчивым динамическим равновесием, нарушения которого начали вызывать ощутимые экономические потери. На смену концепции «покорения природы» приходит концепция «охраны природы». Ведущим принципом природопользования становится экологический, согласно которому критерием эффективности хозяйственной деятельности является получение разумных, научно-обоснованных материальных благ при минимальных затратах ресурсов.

Согласно методике в качестве экономического ущерба от загрязнения окружающей среды принимается денежное выражение таких видов ущерба, как повышение уровня заболеваемости населения, снижение продуктивности сельского хозяйства, ускорение износа основных фондов и другие. Но оценивать в деньгах такие бесценные категории, как здоровье людей или уникальные памятники природы, некорректно. При подобном подходе совершенно не учитываются такие долгосрочные последствия, как повреждение механизма наследственности и снижение уровня здоровья последующих поколений, обеднение генофонда планеты, нарушение равновесия биосферы и ее составных элементов.

По данным Минздрава СССР ежегодно в нашей стране 200 тысяч детей рождается с генетическими дефектами, 25 процентов беременностей по генетическим причинам оканчи-

взются гибелью плода. Все это происходит из-за радиации и насыщения биосферы химическими мутагенными веществами.

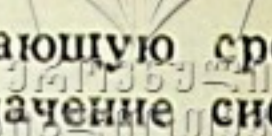
Многие экономисты считают, что рассчитываемый экономический ущерб от повреждения природной среды хозяйственной деятельностью лишь небольшая надводная вершина айсберга. Главную же подводную часть его составляют прогнозируемые огромные экологические и социально-экономические потери, масштабы которых вообще трудно предусмотреть, не говоря уже об определении их в денежном выражении. Во многих регионах мы уже нарушили природное равновесие, золотую середину и будем вынуждены выбирать «лучший» из «худших» вариантов. Пожалуй, люди довели природу до такого состояния, когда хозяйствовать в ней, не нанося вреда, почти невозможно. Все время надо будет чем-то жертвовать. Вопрос стоит так: чем и в какой степени?

Состояние природы находится в очень большой зависимости от культуры общества. Если у нас будет грязно на улицах, если в городах не станет чистых, не унижающих достоинства человека туалетов, трудно рассчитывать на чистоту в природе. Ведь среда обитания человека — это не только природа, но и культурные памятники, и музеи, и библиотеки, и архитектура и многое другое. Если мы по уровню образования находимся на 25 месте в мире, то можем ли быть первыми по среде обитания человека?

Новый этап в развитии природопользования непосредственно связан с коренной перестройкой управления экономикой на принципах полного хозрасчета, самофинансирования и самоокупаемости предприятий. В этих условиях необходимы действенные экономические меры, которые сделали бы невыгодными для предприятий неэкономное расходование природных ресурсов и загрязнение окружающей среды. Природе очень вредит безхозяйственность предприятий. Главным экономическим рычагом должна быть обязательная, достаточно высокая плата за потребление основных природных компонентов: воды, воздуха, почвы, растительности и животного мира.

Расширение масштабов научно-технической и производственной деятельности в современных условиях неразрывно связано с возрастающим использованием сложных технических систем. Соответственно увеличивается риск при их строительстве и эксплуатации, создается реальная угроза для здоровья и жизни людей, состояния окружающей среды, нормального функционирования материального производства.

Рост интенсивности эксплуатации природных ресурсов.

усиление производственного воздействия на окружающую среду, его сложность и многогранность обусловили значение системных, междисциплинарных исследований как важнейшей предпосылки спасения природной среды. Системный подход способен обеспечить синтез гуманитарных, естественных и технических наук. Он очень важен для решения глобальных проблем, в частности, взаимодействия социально-экономического развития и развития технологий, что в конечном итоге определяет взаимоотношения общества с природой.

Мысль о необходимости изучения взаимосвязи всех явлений природы впервые была высказана известным ученым В. В. Докучаевым. Дальнейшее развитие она получила в трудах академика В. Н. Сукачева о единстве растительности, животного мира, почвы и атмосферы. Выдающийся ученый В. И. Вернадский первым осознал роль человека, как силы геологического масштаба и научной мысли, как планетарного явления. Он создал учение о «ноосфере», сфере разума. В. И. Вернадский писал: «Человечество становится мощной, геологической силой и перед ним, перед его мыслью и трудом, встает вопрос о перестройке биосферы в интересах свободномыслящего человечества как единого целого». Человек становится ведущим фактором эволюции биосферы.

В век научно-технической революции воздействие человека на природу не может не возрастать, но стихийное, необдуманное воздействие должно быть заменено экологически обоснованным.

Для того, чтобы прокормить человечество, надо создавать более продуктивную искусственную среду. Изменение природной среды не всегда означает ее ухудшение. Опыт Исландии, Голландии и Японии — наглядное тому подтверждение. Можно привести и множество отрицательных примеров непродуманных решений. Стремление создать хлопковые поля и сады в пустыне за счет интенсивного отбора воды у Сыр- и Амударьи привело к катастрофическому иссушению и засолению Аральского моря, к образованию новой пустыни, по площади превосходящей старую.

Во избежание подобных ошибок, нужна межведомственная экологическая экспертиза схем развития и размещения производительных сил страны, а также для контроля над новой техникой, технологией и материалами, чтобы воставить надежный заслон экологически вредным производствам.

Нужна и общественная экспертиза. Многие сетуют на то, что в вопросах охраны природы сейчас засилие дилетантов.

Да, дилетантизм опасен в любом деле, но здесь надо учесть, что творческие личности — поэты, писатели, художники тонко чувствуют действительность. Природу они воспринимают гармонично, комплексно, чего не хватает некоторым специалистам. Даже хорошие, но «узкие» специалисты часто лишены комплексного системного подхода; преклоняясь только перед своим «богом», они идеализируют свою отрасль и свое ведомство. Поэтому необходима экспертиза высококвалифицированных специалистов самых разных профессий, мыслящих разными категориями.

Важность комплексной экспертизы хорошо прослеживается при решении энергетических проблем республики. Тут много противоречий и вопросов. Что лучше — сидеть без света или строить электростанции? Что лучше — строить равнинные или горные ГЭС? Лучше одна крупная или несколько мелких ГЭС? Ведь ЗАГЭС и Сухумская ГЭС прекрасно вписались в местность и, по-моему, не причиняют вреда окружающей среде. Значит, дело в том, где и как строить.

В энергетике, также как в других отраслях, нам повредила гигантомания. Строительство крупной ГЭС обходится дешевле, но окружающей среде причиняет больше вреда, чем несколько мелких. Куда делись многочисленные колхозные ГЭС? Что лучше, ТЭЦ с кислотными дождями, или атомная электростанция под землей или в скале, хотя после Чернобыля последний вопрос редко ставят? От этих вопросов человечеству не уйти никогда, так как вся экономика, быт и уют людей связаны с энергоснабжением. В развитых странах на производство одной пищевой калории затрачивается до 10 калорий энергии.

Гигантомания нам повредила не только в энергетическом строительстве. В недавнем прошлом модными лозунгами были: централизация, концентрация, укрупнение. Все это оправдывалось якобы экономическими выгодами. Укрупняли колхозы, животноводческие фермы, птицефабрики. А что получили на деле? Крупные колхозы стали трудно управляемыми, опустели мелкие отдаленные села. На крупных животноводческих фермах и птицефабриках трудно соблюдать санитарные нормы. До сих пор не могут решить вопрос утилизации отходов и канализации на Киндгской птицефабрике, которая построена в курортной зоне Черноморского побережья.

Основные направления современной стратегии ведения народного хозяйства и природопользования можно сформулировать так: разукрупнение до оптимальных размеров, рассре-

доточение, многообразие, всеядность и безотходность предприятий, неунифицированность решений. При общей стратегии необходимо разнообразие тактических решений в зависимости от конкретных естественно-исторических условий.

Необходимость рассредоточения хорошо видна на примере Абхазии. Ее прибрежная зона перегружена, плотно заселена (800 человек на квадратный километр), тогда как горные села Псху, Аибга, Менделеевка и другие опустели.

Современному обществу поддержание природного равновесия обходится дорого, США в год тратит около 80 миллиардов долларов, примерно в 10 раз больше нас. Тогда как по расчетам экономистов, чистые потери от ущерба, наносимого природе, в СССР ежегодно составляют 25—30 миллиардов рублей. У нас нет средств для восполнения этих убытков, гораздо дешевле обойдется недопущение нарушений, их профилактика. Этого можно добиться продуманными действиями, перераспределением средств, экономией.

Некоторые экономисты любят напоминать о «долгах» нашего общества сельскому хозяйству, но редко вспоминают о том, что с 1965 года в сельское хозяйство вложено более 500 миллиардов рублей капитальных вложений. При этом продукция возросла только в 1,5 раза, что говорит о низкой эффективности использования средств. Каждый процент прироста валовой продукции сельского хозяйства за 20 лет обошелся стране примерно в 10 млрд. рублей.

Надо добиваться повышения продуктивности сельского хозяйства за счет вовлечения в процесс его интенсификации не столько количественных, сколько качественных факторов. СССР производит тракторов в 6 раз больше, минеральных удобрений вдвое больше, сельское хозяйство потребляет в 3 раза больше энергии, чем в США, а зерно покупаем у них. Трактора производим опять-таки больше мощные, тяжелые, типа К-700, а маленьких, маневренных, но достаточно мощных Т-25 не хватает.

В «большую химию» страна вложила миллиарды. Мы гордились тем, что с 1973 года занимали первое место в мире по производству минеральных удобрений. Удобрений вносили много, урожай получали мало, зато снизили плодородие почв и ослабили здоровье народа. Еще раз подтвердили истину о том, что все хорошо в меру и что количество не всегда переходит в качество. При таких перерасходах сельхозорганы всегда жаловались на нехватку тары для перевозки продукции, в частности цитрусовых.

Систематическое применение пестицидов приводит к появлению новых генетически устойчивых форм вредителей. Число устойчивых к инсектицидам видов насекомых и клещей сегодня в мире достигло 400. Широкое применение гербицидов привело к значительному распространению ранее локальных сорняков. Количество сельхозпродукции, погибшей от болезней, вредителей и сорняков, не уменьшается и остается на уровне 35—40 процентов.

Высокие дозы удобрений, орошение, загущение посевов, единообразие сортов и другие, так называемые факторы интенсификации сельского хозяйства, значительно усиливают экологическую уязвимость сельскохозяйственных культур. У нас все время говорят о нехватке пахотных земель для севооборотов и паров при наличии значительных площадей залежных и бросовых земель.

Посевы многолетних трав и зернобобовых в структуре пашни в СССР составляют лишь 14 процентов, а в США — 39. В Грузию завозят такую традиционную и ценную культуру как фасоль. Сократились посевы сои.

Усилия работников сельского хозяйства должны быть направлены на повышение естественного плодородия почвы, лучшее использование биологических резервов, в том числе фотосинтетической активности, внедрением более продуктивных и устойчивых сортов и форм. Интенсификация сельскохозяйственного производства должна обеспечиваться при ресурсо- и энергоэкономности отрасли.

Большие средства пустили «на ветер» мелиораторы. Для них самыми выгодными были земляные работы. Через бывшай Минводхоз СССР за 20 лет мы затратили 130 млрд. рублей. Из этих средств 90 процентов потрачено на гидротехническое строительство и лишь 2—3 процента — на сугубо мелиоративные работы.

В некоторых районах Колхиды до проведения больших централизованных работ, когда «малую» мелиорацию проводили лопатой и мотыгой, получали 80—90 центнеров кукурузы с гектара, а до революции ее даже вывозили за границу. Сейчас там почти ничего не получают, но зато содержат полный штат насосных станций и прочих мелиоративных служб. В 1988 году в Ланчхутском районе с 3537 га урожаем кукурузы убрали только с 2040 га. На остальной площади урожай погиб из-за заболоченности. Иногда вместо осушения происходит вторичное заболачивание.

Под видом борьбы с культом личности были свернуты ра-

Экономический
экологический

боть по проблеме мелиорации — известные, как план, преобразованная природа. Строительство защитных полос было прекращено. Потребность страны в защитных насаждениях составляет 18 млн. га, а имеем только 5 млн. га. Значительно ухудшилось качество защитных полос. Разве можно сравнить замечательные защитные полосы чайных и цитрусовых совхозов, заложенные до войны, с современными? Некоторые недавно заложенные чайные и цитрусовые плантации вообще не имеют защитных полос.

В Грузии водной эрозией подвержено 230 тысяч га пашни и 480 тысяч га пастбищ и 50 тысяч га лесов. Только за последние годы Грузия понесла огромные потери от снежных лавин, оползней, селей и наводнений в Сванетии, Абхазии и других регионах республики.

Ветровой эрозией подвержено 109 тысяч га пашни. Цирком земом составлена генеральная схема противоэрозионных мероприятий, рассчитанная до 2000 года. Закладка защитных лесных полос предусмотрена на площади 4150 га, что защитит 109 тысяч га пахотных земель от ветровой эрозии. На 9 тысячах га, подверженных водной эрозии, предусмотрено строительство террас.

Мы часто жалуемся на малоземельность, и в то же время очень расточительно обращаемся с землей, не бережем ее. Я уже приводил цифры потерь пашни от водной и ветровой эрозий. Более 20 лет тому назад правительство ГССР передало лесхозам эродированные земли колхозов и совхозов для их облесения. За эти годы посажены тысячи га противоэрозионных, закрепляющих почву акациевых и прочих лесов. Но в 1987 году Совет Министров Грузинской ССР издает постановление о возвращении облесенных эродированных площадей прежним землепользователям для пастбы скота и о прекращении посадок на открытых площадях лесхозов, мотивируя это отсутствием пастбищ.

Только в Очамчирском районе лесхоз вернул РАПО 1386 га площадей, нуждающихся в облесении, тогда как в районе числятся 25119 га пастбищ и 30835 га прочих земель, среди которых много залежей и бросовых. Беда в том, что пастбищ числится много, но они непродуктивные. Не принимаются меры по их окультуриванию. Мало лугов, трудно достать семена однолетних и многолетних трав. Плохо используются для травосеяния междурядья многолетних насаждений, которые зарастают сорняками.

А что делается на альпийских пастбищах? Они перегру-

жены, не ухожены, покрылись сорными и ядовитыми растениями. Скот кормится за счет леса. Из-за этого катастрофически снижается верхняя граница леса, исчезает субальпийская зона, что повышает лавиноопасность.

По постановлению Совета Министров Грузинской ССР для закладки многолетних насаждений в Очамчирском районе с 1976 года раскорчевано 1226 га леса. До сих пор не освоено или заброшено более 300 га. Несмотря на это, Совет Министров Абхазской АССР в 1982 году принял новое постановление о корчевке леса для проведения мелиоративных и культуртехнических мероприятий на площади 1611 га.

Совет Министров ГССР в 1960 году передал лесхозам земли для озеленения километровой полосы вдоль берега Черного моря. Эта территория — основа будущих курортов — до составления генпроекта ее освоения разбазаривается по мелким землепользователям. Только в 1982 году у Очамчирского лесхоза в этой зоне изъято 15 га площади.

Там же, рядом с заповедной самшитовой рощей на озере Скурча, более 20 лет «орудует» и уродует землю карьер, который по проекту должен был работать всего 10 лет. Он так «глубоко» зашел, что практически невозможна рекультивация. От моря его отделяет узенький перешеек, который не сегодня — завтра может быть размыт, и образуется глубокий искусственный залив. Карьер уже поглотил 100 га километровой приморской полосы проектируемого курорта «Золотое Руно», причем 18 га — без постановления Совета Министров ГССР и отвода земли.

Черноморское побережье от реки Кодор и до Кобулети — это, фактически, курортная целина, ценнейшее достояние республики. Там должны строиться здравницы международного значения. Поэтому разбазаривание и порча этих земель недопустимы.

ДОКУМЕНТЫ, ПИСЬМА, ВОСПОМНЕНИЯ

ИЗ ОКНА АМЕРИКАНСКОГО КОНСУЛЬСТВА В ТБИЛИСИ

В ноябре—декабре минувшего года я находился в Соединенных Штатах, в Вашингтоне, по приглашению Института Кеннана — известного научного центра по изучению истории и культуры России. Мне была предоставлена возможность в течение 42 дней работать исключительно над интересующей меня темой в знаменитой Библиотеке Конгресса, Национальном Архиве... и вообще, где я счел бы нужным — благо ученому в Америке доступно практически все.

Я давно уже задался целью узнать, где хранится архив бывшего американского консульства в Тбилиси. Много лет работая над историей американо-закавказских отношений периода независимости закавказских республик (1917—1921 гг.), я был уверен в исключительной ценности этого архива для разрабатываемой мною проблемы.

Как правило, консульская рутинка оставляет после себя весьма обильный архивный материал, но, увы, почти совершенно непригодный для историка-международника. Это проистекает из сугубой специфичности функций консульств там, где действуют и посольства тех же стран. Именно архивы последних предлагают историку интересный политико-дипломатический материал. Другое дело, когда отношения двух стран ограничены рамками консульств. Тогда эти представительства как бы взваливают на себя не свойственные им посольские заботы, что,

безусловно, отражается на содержании оставляемых ими по себе архивов. К такому типу и относилось консульство Соединенных Штатов Америки в Тбилиси.

Любопытна история самого консульства. Еще задолго до революции в Российской империи было открыто американское консульство в Батуми. С началом первой мировой войны, из соображений безопасности, оно переехало в Тбилиси. Здесь консулом Феликсом Смитом был заключен контракт на 20 лет с генералом Василием Тамамшевым об аренде у него дома по улице Вельяминовской, 15 под американское консульство. Не дожидаясь прихода большевиков, генерал заблаговременно покинул Тбилиси и обосновался в Монако. «Контракт есть контракт», — заявил он обескураженным американцам, и те по самый 1927 год аккуратно платили генералу колоссальную арендную плату за дом, давным-давно отобранный большевиками и переданный местному коммунальному хозяйству.

После Ф. Смита, который был отозван в мае 1919 года, консулами были по очереди У. Дженкинс и Дж. Вуд, пока в декабре этот пост не занял Чарлз Моузер. Из всех американских консулов больше «повезло» Смиту: в конце 1917 года он развил энергичную деятельность для предотвращения революции в Закавказье, требовал на это большие суммы у американской администрации и тратил их на поддержку здесь соответствующих партий и политических деятелей. Его сообщения отсюда удостоились публикации в хорошо известных сборниках внешнеполитических документов, изданных в Америке. Поэтому в нашей историографии Смит — знакомая фигура. Остальные же канули в Лету. И совершенно напрасно! В особенности это относится к Чарльзу Моузеру. Последний из американских консулов, прибывший в Грузию в самом конце 1919 года и оставшийся здесь до 1923-го. Моузер был свидетелем наиболее драматических событий, потрясавших независимую республику. Его шифрованные сообщения чуть ли не ежедневно летели в Вашингтон, в госдепартамент, в трагические для Грузии дни января-февраля 1921 года, когда она подверглась агрессии со стороны Советской России, решившей покончить с последней независимой республикой Закавказья. Даже после переезда консульства в Константинополь оно не прекращало действовать под тем же названием почти до конца 20-х годов, а Моузер — подписываться под своими реляциями в госдепартамент как «консул в Тифлисе». Однако информация теперь уже поступала к нему, по-видимому, от его закавказской аген-

туры. Так составлены и его последние сообщения в Вашингтон о восстании в Грузии 1924 года.

Я намереваюсь познакомить читателей со многими материалами, выявленными мной в Национальном Архиве США и имеющими общественный интерес. Ныне же предлагаю один довольно пространный документ, составленный Чарлзом Моузером для госдепартамента и названный им «Записками о Закавказье».

Читая «Записки», следует помнить, какой период грузинской истории отражен в них. Февраль 1921 — март 1922. Это время безраздельного господства Революционного комитета (Ревкома), образованного после оккупации Грузии Одиннадцатой армией, время создания так называемой Закавказской федерации.

Дело в том, что Грузия, благодаря отделению от России, избежала кошмара военного коммунизма, не испытала разнузданного террора, продрозверстки и других его прелестей. Ведь именно в год падения Грузинской Демократической Республики под ударами Красной Армии в России уже начался период нэпа. Так что Моузер фактически описывает многообразные и, я бы сказал, своеобразные феномены новой экономической политики в Грузии и других республиках Закавказья — оживление предпринимательства, частной торговли, привлечение иностранного капитала и т. п. Творится много жестокостей, но того разгула террора, еще недавно сотрясавшего Россию, здесь уже нет. Более того, зоркий глаз американца уловил зарождение не только нэповской деловой активности населения, но и того знаменитого трудового энтузиазма масс, казалось, презревших фундаментальные законы экономики и в 20-30-е годы одним духом выведших страну на уровень развитого Запада. Надо отдать Моузеру должное — в условиях ревкомовской диктатуры он разглядел движение страны к демократическому и цивилизованному будущему, ибо полагал, что новый экономический курс установился навсегда. Кто мог тогда предсказать роковой возврат к принципам военного коммунизма с неизменным его атрибутом — террором, погружение страны на многие десятилетия во мрак и безумие!

Внимательный читатель «Записок» сможет составить представление и об отношении их автора к факту утери Грузией ее независимости, хотя в заметках и нет прямых высказываний на этот счет. Никакие фразы, осуждающие насильственно установленную в Грузии новую власть и ее действия, не могут

скрыть в общем-то полного равнодушия Моузера к этой национальной трагедии. Впрочем, американский консул в Тифлисе в этом вопросе лишь добросовестно придерживается официального курса Вашингтона. Национальный Архив хранит послание госсекретаря Колба Моузеру, предписывающее последнему особенно не гоняться за тенью утерянной Грузией независимости, «процупать» новую власть и, если она «не слишком террористична», решительно вступить в сотрудничество с нею, защищая американские интересы в Закавказье.

Автору этих «Записок» не откажешь в наблюдательности и что самое главное, в добросовестности. Помимо всего прочего, в нем нельзя обнаружить той «звериной ненависти к революции» и «хищного оскала», которыми так щедро наделяли в то время всех без различия представителей «капитала».

Алексей ЧОХЕЛИ

19 марта 1922 г.

Чарлз К. Моузер,
консул в Тифлисе

ЗАПИСКИ О ЗАКАВКАЗЬЕ

Политические условия в Закавказье

В декабре 1921 года Закавказские республики провели съезд в Тифлисе, на котором пришли к согласию образовать политическую и экономическую Закавказскую федерацию во главе с единым административным органом, известным как Советский Высший Федеральный Совет. Согласно Статье первой этого соглашения, Федеральный Совет должен был состоять из равного числа полномочных представителей, избранных республиками Армении, Грузии и Азербайджана. Эти предварительные соглашения в дальнейшем обсуждались на конференции нескольких республик, состоявшейся в Тифлисе в январе — феврале 1922 года, где и было формально ратифицировано предложение об их объединении в федерацию...

Эта Федерация, однако, до 1-го марта 1922 года оставалась свершившимся фактом лишь на бумаге. В торговле и экономических вопросах вообще Обвнешторг, или Бюро по торговле и коммерции, во главе с Филиппом Рабиновичем — посланцем Центральной Коммунистической партии в Москве, был признан контролирующим коммерческую, торговую и экономическую деятельность, а все республики должны были получать разрешения по вопросам экономики, импорта и экспорта у этого органа. Таможенные границы между тремя республиками, казалось, отмененные этим соглашением, на практике продолжали существовать. Каждая республика все еще выпускала свои собственные деньги, хотя везде, кроме Грузии, местные денежные знаки обращались наряду с деньгами Советской России. Некоторые министерства, такие как иностранных дел, финансов, военное и др. действовали независимо в пределах своих границ.

Созданная Федерация ставила целью утвердиться на принципе полного отделения от власти Советской России или, как это называли повсюду на Кавказе, от Центральной Коммунистической партии в Москве. Но факт остается фактом, что местные правительства действуют исключительно с согласия Москвы и даже находятся под ее управлением в такой сильной степени, что вообще получают из Москвы приказы, которые отменяют их собственный политический курс. Однако есть и исключения, это — действия Грузии в отношении русских советских денег, о чем мы поговорим в другом месте.

Положение в Грузии может служить иллюстрацией такого в других республиках. Ревком, или Революционный комитет, являющийся главным правящим органом, который сосредоточил в своих руках полностью законодательную, исполнительную и судебную функции, состоит главным образом из грузин, которые считают себя первым делом националистами, а затем уже коммунистами. Его председатель, однако, и некоторые из министров являются прямыми агентами Москвы, Грузины по происхождению, но истые коммунисты по своим принципам, когда им не удастся удерживать Грузию в русле политики Центрального комитета, они грозятся или действительно призывают на помощь командующего частями русской Одиннадцатой армии, стоящей на Кавказе, и эта акция обеспечивает им контроль над положением.

Ревком состоит из следующих членов:

Буду Мдивани — председатель

Сванидзе — министр финансов и иностранных дел

Кавтарадзе — зампредседателя и министр юстиции

Цинцадзе — глава грузинской Чека

Элиава — военный министр

Орахелашвили — «человек, стоящий позади пушек» (т. е. неформальный диктатор — А. Ч.)

Орджоникидзе — военачальник (Грузинская Армия)

Гекер — военачальник (Русская Армия)

Существуют две Чека, или чрезвычайные военно-политические организации в Грузии, одна грузинская, другая русская. Грузинская Чека сравнительно мягка, однако всегда, когда их позиции в политических случаях признаются несовпадающими, русская Чека берет инициативу в свои руки и подчиняет первую себе. В результате — постоянные конфликты властей, отсутствие согласованности и, конечно, дезорганизация.

Политика и жестокость коммунистов оттолкнули от партии даже тех кавказцев, которые были благосклонны к коммунизму, заставив их отойти назад на свои национальные позиции. Грузины возненавидели всех русских, возжелав национального единства и независимости больше всего остального, и, если бы не присутствие стотысячного, хорошо вооруженного и дисциплинированного русского войска на Кавказе, коммунизм не удержал бы власти в Грузии ни единого дня. Грузины упорно заявляют о предпочтении скорее турецкой власти, нежели русской, поскольку они считают турецкое господство менее опасным для существования их государственных институтов.

Подобные условия, только менее резко выраженные, имеются и в других республиках. Разница в том, однако, что армяне более терпимы в отношении коммунизма, поскольку тот обуславливает защиту их Россией от врагов-турок, тогда как в Азербайджане оппозиция большевизму со стороны подавляющего большинства населения в большей степени направляется его предпочтением сближения с Турцией как мусульманской страной.

Все Закавказье, однако, ясно сознает необходимость союза из административных соображений, если только он не выльется в полное поглощение его российским коммунистическим государством. Одним из великих достижений большевиков является то, что они разоружили феодалов и фракционистов, веками терзавших некоторые республики, а также, навязав оковы коммунизма, заставили лидеров некоторых народностей

признать необходимость единения и сотрудничества. Существует всеобщее мнение, что если Россия не расстроит союзники (имеются в виду Англия, Франция и Италия) не воспрепятствуют ей, то федерация республик, о которой идет речь, должна будет свершиться.

Общая обстановка в Закавказье

До августа 1921 года вся торговля и промышленность были полностью удушены коммунистической партией, за исключением тех их частей, которые непосредственно управлялись правительственными органами. Лишь небольшие лавочки оставались открытыми. Дома, мебель и вся частная и личная собственность объявлена была или национализированной, или зарегистрированной там, где она на самом деле не была конфискована или взята под непосредственный контроль правительственных заведений. С провозглашением ленинской политики (нэпа — А. Ч.) относительно частной собственности промышленность и торговля стали вновь оживать. Снова открылись маленькие магазинчики, дельцы покрупнее с большей легкостью стали добывать разрешения на импорт и экспорт, с несколько меньшей долей, забираемой правительством. Стремясь поощрить предпринимательство и капиталовложения иностранцев, последние негласно были освобождены от налогов и обложений, которым подвергались свои граждане. Более либеральная политика начала осуществляться в отношении иностранных торговцев. Аресты, заключения в тюрьму и казни стали менее частым явлением, за исключением случаев действительных преступлений, а также когда выносились обвинения в контрреволюционных действиях. Во всех остальных случаях за последнее время человеческая жизнь была отлично защищена от большевизма по всему Закавказью. Частную собственность вообще оставили в покое. С начала (нэпа — А. Ч.) не наблюдалось практически ни одного случая насилия, которое раньше было столь обыденным в России и которое достигло кульминации в терроре, имевшем место в Баку в апреле и мае 1921 года (по-видимому, автор имеет в виду события 1920 года — А. Ч.).

В городах опустошительные последствия большевизма очевидны во всех сферах жизни. Не последним из них является обширное число праздных недисциплинированных лиц, в основном молодых, чье поведение носит характер того хулиганства,

которое наблюдается в американских городах в беднейших кварталах и которое было практически неизвестно в до-революционной России. В сельских районах помимо того, что крестьяне в обмен на деньги не желают отдавать свои продукты и совершенно не заинтересованы в их производстве сверх своих собственных нужд, разрушительные последствия большевизма заметны намного меньше. Крестьяне Кавказа настроены основательно антибольшевистски.

В Тифлисе

В Тифлисе все еще находятся германская миссия, греческая миссия, итальянский консул, персидский генеральный консул и почетные торговые консулы Голландии, Швейцария, Швеция, Испании и др. Ни один из этих представителей не аккредитован при Советском правительстве, но каждый из них исполняет обычные функции своих учреждений неофициально. Один представитель департамента торговли неофициально придан американскому консульству и делает личные заявления на имя советского министра иностранных дел в защиту американских интересов. Население и должностные лица весьма расположены к американцам и прилагают особые усилия к поощрению дружественных взаимоотношений с ними. «Ближневосточная помощь» обладает огромнейшим престижем и властью из всех других иностранных организаций на Кавказе. Вслед за американцами датские и германские представители имеют значительный вес. Итальянцы и греки имеют свои пароходы, регулярно курсирующие в Батум, и они обеспечивают себе значительную долю в торговле галантереей, парфюмерией, обувью и кожаными изделиями, а также тканью. Англичане представлены двумя фирмами с агентствами в Батуме и представителем «Фонда Лорда Мэйора» в Армении, однако им мешают почти всеобщие чувства неприязни и подозрительности со стороны местного населения.

В Тифлисе все небольшие магазинчики открыты и довольно хорошо снабжены итальянским импортом за очень высокие цены, даже когда они снижены до соответствующего эквивалента в иностранной валюте. Число покупателей ограничено почти исключительно главными большевистскими должностными лицами и спекулянтами валютой. Большинство магазинов занято комиссионной продажей личных вещей в прошлом богатых людей. Есть множество магазинов, где мебель

старой знати продается за бесценок. Когда у этих людей иссякнет, что продавать, честно говоря, они должны будут умереть.

Практически в Тифлисе нет никакой промышленности и не делается никаких попыток ее организовать. За исключением спекулянтов, единственными процветающими людьми являются извозчики носильщики и неквалифицированные рабочие. Цены, запрашиваемые людьми этих классов, неустановлены, и пределом их запросов является то, чего они сумеют добиться. Домовладельцы не получают платы непосредственно от съемщиков; эти последние платят ренту правительству, которое, в свою очередь, взимает налог с каждой квадратной сажени (7 футов) собственного жилья. Квартиросъемщик помимо этого платит чрезвычайный налог в дополнение квартплаты, соответственно с величиной занимаемой им площади. Водоснабжение, освещение, трамвай, вообще все коммунальные услуги — практически выведены из строя.

В Баку

Баку пострадал больше какого-либо другого города в Закавказье. Возможно, близка к истинной местная оценка, согласно которой 20 000 человек в целом казнены там большевиками, начиная с апреля 1920 года. Условия жизни теперь намного лучше, но они были почти невыносимы. В июле 1920 года большевистское правительство сознательно устроило то, что было названо «бандитской неделей». Город был разделен на 700 участков и в каждый из них были выделены отряды солдат для учинения семидневного грабежа. Солдаты врываются в квартиры и заставляли жильцов сваливать в одну кучу без разбора все, что те имели. Затем они забирали все ценное, оставляя людям лишь самое необходимое из одежды. Произведения искусства, фарфор, металлы, платье, оружие, мебель — все это валили на повозки и увозили для распределения среди солдатни или для отправления в Россию. Конечно, большая часть награбленного при перевозке портилась и становилась ни для кого не пригодной. Это характеризует ненормальность и невежественность большевистского режима. Дабы усилить террор среди населения, глава русской Чека, признав своих людей слишком снисходительными, стал вербовать в нее китайцев.

После обнародования ленинских преобразований экономи-

ческой политики положение несколько улучшилось. Дома, стоимостью менее 30 000 золотых рублей, возвращались владельцам, которые, как правило, уже не желали их брать и в большинстве случаев отказывались от них, потому что те были полностью разрушены. В других случаях люди из низших классов, ранее вселенные в дома богатых, насильно возвращались в более подходящие им кварталы. Разрешено было вновь открывать магазины, и был установлен налог в 40 процентов от дохода, который выплачивался Ревкому.

Общий вид Баку характерен для всех городов Кавказа, за исключением Батума и Тифлиса, которые выглядят несколько лучше. Первое, что поражает наблюдателя, это полное отсутствие имущих классов общества; редко можно встретить на улице человека, внешность которого свидетельствовала бы об образованности и культуре или обладании им чем-либо, выходящим за рамки самого необходимого для жизни. Хорошо одетый мужчина — это непременно большевистский комиссар из младших чинов, а хорошо одетая женщина — представительница профессии миссис Уоррен (преуспевающая проститутка — А. Ч.). Все большие здания, будь то частные дома, квартиры или учреждения, заняты несколькими большевистскими комитетами, из коих некоторые насчитывают всего одного человека за своим столом, другие заполнены сотнями сотрудииков, работающих в обширной системе бумажного делопроизводства. Все маленькие магазинчики с жалкой выкладкой неважных товаров открыты. Большинство из них торгует продовольствием или поношенными вещами на комиссии. Такие продукты как рыба, мясо, фрукты из Персии и овощи встречаются в изобилии. Содержимым других магазинов является не что иное, как старое немецкое оружие, русский чай, конфеты местного или персидского производства, итальянская парфюмерия, дешевая обувь, дамские чулки и белье убогого качества. С трудом достаются вещи, сделанные в Англии, Франции и Америке.

В феврале (1922 года — А. Ч.) 1 000 000 азербайджанских рублей равнялись одному доллару США, но сапожная вакса стоит 50 000 рублей, а еда в ресторане — примерно 2 000 000 рублей. Самая высокая зарплата, выдаваемая в рублях, составляла 30 000 000 рублей, или около 30 долларов в месяц, а средняя зарплата рабочего равнялась 2 000 000 рублей. Иностраные инженеры-нефтяники, чья зарплата до революции годами держалась на уровне 1 500 фунтов стерлингов в месяц, были вынуждены работать на большевиков за

25 000 000 рублей. Семья одного из них, который был вторым человеком в Нефтькоме, или нефтяной администрации, не могла себе позволить роскоши попробовать сливочного масла в течение двух лет. Хотя она и состояла из пяти человек, но считала счастьем полученное разрешение жить вместе в одной комнате.

Однако по сравнению с прошлым годом, необходимо отметить явные улучшения в состоянии духа бакинского населения. Апатия того времени сменилась ощутимыми усилиями возврата к работе. Хотя в городе нет никакого налаженного производства, кроме нефтепромыслов, небольшие группы людей вновь занялись своим делом. Видно, как ремесленники шьют обувь, чинят печатные машинки, плетут корзины. Большинство, однако, составляют босоногие «хамалы» — носильщики. А ведь каждый мальчишка в замусоленной большевистской кепке начищает свои туфли до блеска, что должно указывать на достаток в деньгах среди тех, кто даже отдаленно связан с властями. Несмотря на все еще забитые льдом порты Астрахани и Волги, длинные вереницы двуколки и телег подвозят мешки с зерном и нефть к пустым пароходам у бакинской пристани.

Поразительно большое число автомобилей снуют на улицах на полной скорости. В каждом из них сидят большевистские солдаты или офицеры. В Закавказье частным лицам не разрешено иметь машины, за исключением тех случаев, когда это иностранные представители. В Грузии с этим обстоит иначе, но все грузовики и средства транспортировки вообще рассматриваются как собственность властей. Даже коляски и телеги могут в любое время подвергнуться реквизиции.

Состав азербайджанского Ревкома весьма типичен. Доктор Нариманов, татарин, является его председателем и единственным там образованным и зрелым человеком. Буннат Заде, министр народного образования, 29 лет, не умеет написать свое имя. Мирза Давид Хусейнов, министр иностранных дел, 22 года, довольно умен, но по профессии — помощник кузнеца. Министру земледелия 25 лет от роду, министру народного хозяйства — 24, оба без всякого образования и способностей. Главой нефтяного управления является молодой русский с кое-какими навыками и опытом в торговле.

В Армении

В армянское правительство в настоящее время входят:
Мясникян — председатель, обычно находится в Баку.

Тифлисе или Москве

Дерсимонян — заместитель председателя

Магаинсян — комиссар образования

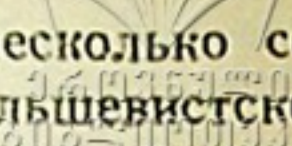
Мравьян — комиссар иностранных дел

Маркарян — директор почты и телеграфа

Бекзадян — представитель в Тифлисе

Эти люди являются более истыми коммунистами, нежели все из других правительств Закавказья. В большинстве это молодые люди, сыновья священнослужителей и отчаянные противники церкви. Наряду с тем, что их приверженность к коммунизму вызвана верой в покровительство Советского государства в случае турецкой опасности, она же в большой степени представляет собой реакцию против власти церкви. Они подавили церковь где только было возможно, лишили священников их доходов от служения панихид, венчаний и крещений и, тем самым, вызвали оппозицию армянской церкви. Однако народ явно предпочитает их старой национальной партии — дашнакам. Они, по-видимому, верят, что армяне как нация имеют больше шансов выжить при большевистской власти, потому что она устранила их вечных врагов — турков и положила конец отдельным нападениям со стороны их татарских соседей в Азербайджане. Более того, большевики держат пути через Грузию и Россию открытыми, обеспечивая тем Армении доступ к рынкам сбыта.

Однако торговля, можно сказать, не существует в Армении, за одним лишь исключением. Большевики захватили коньячную перегонку, известную как Шустовский завод, лучшую винокурню в старой России. Они конфисковали все обширные виноградники вблизи Еревана и развили производство коньяка, который вывозится через Батум, являясь доходной статьей большевиков. В остальном производство в Армении сократилось в условиях большевистского режима на 90 процентов, отчасти по причине их политики, отчасти из-за учиненного турками опустошения. При отступлении из Александрополя к Карсу турки забрали с собой практически каждый плуг, лошадей, быков и козлов, овец и другой скот и сельскохозяйственный инвентарь. Большевики национализировали виноградники и все доходные предприятия. Например, рыбное

хозяйство на озере Севан, содержащее раньше несколько сот сейнеров, сократило их до десяти в условиях большевистской власти с ноября 1921 года. Норбазетская сушеная рыба была раньше основным предметом торговли населения. Лишенное и этого, а также опасаясь, что выданное ему для прокормления на зиму зерно будет конфисковано, оно голодало зимой в надежде сохранить его и посеять, чтобы получить этой весной побольше урожая. Утверждается, что в 1922 году в Армении под возделыванием находится больше акров земли, чем было когда-либо после 1914 года...

Вследствие позиции большевистских властей условия торговли Армении с границей излишне затруднены. Так же, как и в других республиках для этого необходимо согласие многих административных органов, причем несогласованность их приводит к тому, что разрешение одних из них нередко аннулируется другими. Даже соблюдая все установленные правила и получив все возможные гарантии, экспортер или импортер, вполне возможно, найдет свой товар задержанным, а торговую операцию отложенной без всякой видимой причины...

Бакинские нефтепромыслы

...В январе 1922 года мистер Генри Мейсон Дэй, президент Интернешнл Барнсдолл Корпорейшн в Нью-Йорке, добился от главы Обвнешторга в Тифлисе специального разрешения на посещение и обследование Бакинских нефтепромыслов. В сопровождении группы экспертов и советников, включая мистера Бартона и мистера Моузера как приглашенных гостей, он провел 4 или 5 дней в Баку. Они нашли нефтепромыслы и различные их усовершенствования в печальном состоянии запустения из-за невнимания и невежества. С момента захвата их большевиками в 1920 году производство нефти здесь сократилось до уровня менее одной трети довоенной выработки, а бурение новых скважин — до одной десятой и менее. Количество оборудования намного уменьшилось, а число рабочих сократилось до одной трети прежнего. По мнению американских экспертов, для восстановления промыслов и доведения их до прежней производительности потребуются расходы в 10 000 000 долларов и их эксплуатация целым корпусом профессиональных вольнонаемных промысловиков.

Наряду с требуемым для этого капиталом имеются и другие значительные трудности:

1. Договориться, чтобы развитие нефтяного хозяйства проходило под защитой, но без вмешательства советских властей.

2. Регулировать снабжение рабочей силой.

3. Заключить удовлетворительные соглашения с частными владельцами или с арендаторами нефтепромыслов, которые устраивали бы также и большевистские власти.

Американские эксперты дали понять, что, по их мнению, проблема рабочей силы может быть решена при условии, если эксплуатирующая нефтепромыслы иностранная компания будет иметь возможность заключать необходимые соглашения с советскими властями, а также с частными владельцами земли и арендаторами на предмет сотрудничества и контроля. Они думают, что выход продукции на этих нефтепромыслах может превзойти всю добычу нефти в Соединенных Штатах, если их возродить к эксплуатации на научной основе. Для достижения такого результата совершенно необходимо, чтобы эксплуатирующая нефтепромыслы компания была бы иностранной и обладала полным контролем над землей, оборудованием, нефтепроводом и другими линиями транспортировки.

СЕКРЕТНО. Группа мистера Дэй возвратилась в феврале в Тифлис и заключила предварительное соглашение с грузинским министром иностранных дел и главой Обвнешторга. Конечно, соглашение должно быть впоследствии ратифицировано Москвой, а также компанией мистера Дэй в Соединенных Штатах. Его главными условиями являются:

1. Большевистское правительство передает Интернешнл Барнсдолл Корпорейшн добытую нефть, нефтепроводы, нефтеочистительные заводы и оборудование в Закавказье на годы (пока не указаны) в исключительное пользование на условиях арендной платы, которая будет определена впоследствии.

2. Если из-за позиции частных владельцев и арендаторов нефтепромыслов это окажется невозможным или не будет заключено с ними никаких соглашений в согласии с большевистскими властями, тогда Интернешнл Барнсдолл Корпорейшн возьмет в полное пользование и под контроль только те промыслы, оборудование и усовершенствования, которые раньше принадлежали российскому правительству, а теперь считаются собственностью большевистского правительства. Это составляет три четверти всей площади бакнских нефтепромыслов, нефтепроводов и транспортных средств.

СЕКРЕТНО. Вышеприведенное является лишь сутью соглашения, заключенного мистером Даем и Филиппом Рабино-

вичем, главой Обвнешторга, и основой для дальнейших переговоров. Мистер Дэй почти сразу же уехал в Париж проконсультироваться с представителями различных частных нефтяных компаний. Он теперь сообщает, что находится в Генуе и занят продвижением своего проекта...

Замечания, касающиеся специально Грузии

Как было упомянуто раньше, Советская власть в Грузии держится лишь благодаря присутствию русских советских войск, из коих 25 000 находятся в окрестностях Тифлиса, 45 000 — во всей Грузии и около 100 000 распределены по Закавказью. Грузины, ранее склонные к идее коммунизма, теперь отвергают ее как неосуществимую. Грузинские комиссары, те самые люди, которым доверено проводить коммунистическую политику, не только критикуют коммунизм, но даже объявляют себя там, где они смеют делать это, антикоммунистами. Злоупотребления коммунистической идеей практически сплотили грузинский народ в его стремлении к национальной целостности.

Ни центральное правительство, ни народ не имеют средств на покупку иностранных товаров. Правительство все еще полагается на продажу марганцевых запасов, солодкового корня и табака, которые с самого начала были национализированы или практически конфискованы. Марганцевая монополия, или компания, называемая «ЧЭМО», созданная бывшим грузинским правительством и состоявшая из грузинских, английских, немецких и датских владельцев с грузинским правительством в качестве пайщика, теперь организовала совместно с Датской торговой компанией из Амстердама продажу всей выработки марганца. Датская торговая компания вывозит его на имеющихся в ее распоряжении судах в порты, где его продает, перечисляя грузинскому правительству 33 процента от чистой прибыли. Я думаю, что нет никакой возможности для американцев вклинуться в это соглашение...

Установлено, что в Сухуми в настоящее время находится 9 тысяч пудов табака, который грузинское правительство тщетно пытается продать, хотя английские, американские и датские фирмы неоднократно вели переговоры, чтобы его заочлужить. Однако требования Советского правительства были грабительскими, и табак, как нам сказали, сгнил на складах. Практически он больше не производится, поскольку сухумские табакосады не видят смысла в получении урожая, который бу-

дет конфискован правительством или приобретен им на своих собственных условиях.

Положение с обменом валюты на Кавказе является величайшим препятствием для торговли. До февраля 1922 года советский и грузинский рубли обращались во всем Закавказье как равноценные. На первое января их содержание выражалось так: 300 000 рублей за золотой доллар. Постепенное падение рубля продолжалось до первой недели февраля, когда некто Каплан, московский еврей, получил право зафрахтовать 6 товарных вагонов, набитых русскими советскими деньгами, для отправки в Батум с целью обмена их во что бы то ни стало на любую иностранную валюту или товары. Большевицские агенты скупили все, что попало на глаза. К четвертому февраля стоимость рубля упала до 600 000 за золотой доллар, шестого — приблизительно к 1 000 000, а седьмого составила 1 500 000 за доллар. Грузинские печатные станки были не в состоянии выпускать рубли в количестве, достаточном для состязания с изобилием русских денег, и грузины оказались лишенными возможности приобретения иностранной валюты и товаров в своем собственном порту. Местные потребители не имели достаточно денег для покупки местных же товаров. В связи с этим грузинское правительство издало секретный приказ от девятого февраля, запрещающий впредь употребление на всей территории Грузии каких-либо иных денег, кроме грузинских. Дабы защитить себя от гнева Москвы, оно приказало снести все русские советские деньги в казначейство, после чего известило Россию, что будет ими покрывать свои обязательства в отношении России же, а также использует их на содержание русских войск на Кавказе. Эффект был мгновенным: русские деньги на рынках страны совершенно обесценились, в то время как грузинский рубль возрос с 1 500 000 за золотой доллар седьмого февраля до 150 000 за золотой доллар десятого февраля. Конечно, впоследствии он упал до нормального курса, так что к концу февраля приблизился в среднем к 300 000 за золотой доллар. Естественно, на такой основе торговые операции почти невозможны.

Иллюстрацией к тому положению, в котором оказалось грузинское правительство в феврале 1922 года, может служить тот факт, что министр иностранных дел и финансов информировал меня о голоде в трех районах Грузии, достигшем столь критического состояния, что само правительство в опасности. Он желал закупить у Америки муку на 500 000 долларов. Но поскольку у правительства нет денег, он спросил,

не мог бы я вступить в переговоры с некоторыми американскими деловыми фирмами, чтобы те взяли у грузинского правительства запасы бриллиантов, колец, золотых портсигаров, кошельков, браслетов и других ювелирных изделий, доставшихся правительству, как он сказал, «законным путем», всего на сумму в 500 000 долларов, в обмен на муку. Когда же правительство узнало о невозможности устроить это, оно открыло в Тифлисе ювелирный магазин и продало эти вещи за наличные деньги в большинстве случаев их же бывшим владельцам, у которых они, несомненно, и были конфискованы.

СЕКРЕТНО. Второе соглашение, достигнутое мистером Дэем с русским главой Обвнешторга в Тифлисе, было об организации Закавказской Брансдолл Корпорации с первоначальным капиталом в 4 млн. долларов, 50 процентов которых принадлежало бы американской компании и 50 процентов — Обвнешторгу. Эта компания обладала бы полной монополией на весь экспорт с Кавказа солодкового корня, орехового дерева, орехов, табака, шерсти, шелка и коконов, кож, овечьих шкур, короче, на всю продукцию, кроме марганца. Частные экспортеры, вне этой корпорации, могли бы торговать, выплачивая 20 процентов стоимости их груза как экспортную пошлину, 10 процентов которой пошли бы в пользу правительства, а 10 процентов — американской корпорации. По возможности, весь экспорт корпорации был бы перевозим принадлежащими ей судами и освобожден от любых пошлин. Плата за экспорт производилась бы товарами или золотом к общей выгоде.

Сомневаюсь, что серьезно была предусмотрена невозможность действительного осуществления вышеупомянутого соглашения ввиду неизменной оппозиции не только со стороны американских, но и всех иностранных фирм. Была, однако, принята формулировка, согласно которой торговая деятельность должна была начаться.

Внутренние неурядицы в стране лишь слегка влияют на общее положение, заключающееся в том, что коммунизм правит с помощью силы, но сам подвержен эволюции, которая должна в конечном счете разрушить его и заменить одной из форм демократии. В сельских районах в особенности крестьяне презирают коммунизм, несмотря на все его усилия привлечь их к себе, раздавая им владения бывших собственников земли. Многие из крестьян отказываются брать земли, так как считают, что коммунизм — всего лишь преходящая фаза и что бывшие владельцы возвратятся и причинят им неприятности. Их позиция такова: был бы предпочтительнее до-

говор с землевладельцами, согласно которому они смогли бы выкупить земли и обрести на них безупречное право. Восстановление частной собственности в не столь отдаленном будущем представляется неизбежным на Кавказе.

Имели место несколько забастовок учащихся грузинских школ в знак протеста против большевистского запрета праздновать годовщины исторических героев Грузии. Во время забастовки семнадцатого, восемнадцатого и девятнадцатого февраля 1922 года несколько учащихся были застрелены насмерть и несколько сот арестованы, но большинство из них были впоследствии освобождены, ввиду согласия учащихся вернуться в школы.

В своем стремлении регулировать размен рубля, Ревком в Тифлисе не только открыл ювелирные магазины, упомянутые ранее, но основал Государственный банк, снабдил его произвольными валютными курсами и попытался заставить менять иностранные деньги только в этом банке. К тому же из России проникает огромное количество поддельных золотых монет, состоящих большей частью из меди и отчеканенных в форме английских соверенов или русских золотых рублей. Все, кто ведут какие-либо дела, связанные с иностранной валютой или золотыми и серебряными товарами, должны сообщить властям свое имя, адрес и указать местонахождение ценностей для того, чтобы Советские власти могли в любое время знать, где они находятся, и обезопасить их, если возникнет такая необходимость. Эти меры заходят так далеко, что в дело вовлекаются и иностранцы, которые, добываясь разрешения на выезд из страны, должны указывать на виды и местонахождение их собственности даже на их родине...

Не говоря уже о возможности развития бакинских нефтепромыслов, необходимо подчеркнуть, что не пришло еще время для всеобщего поощрения американского делового интереса к выработке обширных планов торговых сношений с Кавказом. Американские фирмы, расположенные в Константинополе, чьи представители имели раньше опыт ведения дел в России и с русскими, там включаются в деловые отношения с советскими властями с более или менее выраженным успехом. Однако всякая сделка имеет свои достоинства и заключается при определенных обстоятельствах. Существует общее мнение, что обширная торговля с надеждой на успех в настоящее время не может быть предпринята. Однако ввиду активности других стран американцы в Константинополе почти так же полны надежды, как и сами большевики, что Соединен-

ным Штатам удастся создать на Кавказе нечто вроде неофициального, но практического представительства, которое послужит каналом для регулярного управления торговыми отношениями.

Наиболее заметным из всех впечатлений, которые возникают у приезжающих сегодня на Кавказ (и это относится ко всему Югу России), является ощущение того, что, несмотря на все несообразности советского режима и массу зла, в котором он повинен, народы этих регионов очнулись от ужасной апатии нескольких прошлых лет и стали оживать. Повсюду проявляется жажда труда, установления порядка и достижения прогресса, торговли с зарубежными странами, развития у себя предприимчивости. Русская революция — это свершившийся факт, но она не завершена и каждый день продвигается вперед в своем развитии. Она не может быть остановлена каким-либо возможным противодействием изнутри, потому что оно не получило бы реальной поддержки. Эпоха перехода от коммунизма к демократии началась, и от нее нельзя уже отречься. Большевизм был страшной фазой этой революции, но он проходит, так как люди становятся более образованными и способными вернуться к состоянию большей умственной и экономической стабильности.

19 марта 1922 года.

Нино КАДЖАЯ

Одна любовь, одна святыня

Имена Нино и Калистрата Салия, бескорыстных патриотов, живших и работавших за границей, хорошо известны нашему читателю. В прессе не раз писалось об их заслугах перед грузинским народом.

Нино Курцакашвили-Салия родилась в селе Вардисубани (ныне — Телавского района) 15 октября 1898 года. Окончив семиклассов Тбилисской третьей женской гимназии, она уехала в Россию. В первую мировую войну работала сестрой милосердия в санитарном поезде, затем судьба забросила ее в Польшу, а впоследствии — во Францию.

Нино покинула Грузию юной, почти ребенком, и ей не суждено было вернуться на родину, по которой она тосковала всю жизнь. Чего стоит хотя бы ее воспоминание о встрече с Ваню Сараджишвили. Нино было тогда четырнадцать лет: «Вдруг я услышала звуки родной «Мравалькамиэр». Бросившись к окну, я замерла, пытаюсь определить, откуда донесся ко мне зов моей родины. Но вот песня замолкла, и зазвучала другая, не знакомая мне. И я вдруг очутилась в Кахети, у подножия Шуамта. Лунная ночь, горный ветерок с Гомбори, белеющая дорога, скрип аробных колес, щелканье бича и голос певца: «Пойду в Агзевани, Никора, и принесу отливающую хрусталем соль». Сама не своя, я выбежала и не помню, как очутилась на соседней даче. Там праздновался день рождения одного студента, и студенты-грузины пригласили Ваню Сараджишвили. Словно околдованная, я приблизилась к нему с протянутыми руками, а он взял их в свои и грустно сказал: «Что ты тут делаешь, девочка, у тебя совсем холодные от мороза руки, скоро я возвращаюсь на родину и возьму тебя

с собой». Но мечте Нино вернуться на родину не суждено было сбыться. Через сорок лет она напишет: «Ураганом русской революции меня, словно сорванный листок, занесло в Париж».

В 1928 году, переехав из Польши в Париж, Нино познакомилась со своим будущим мужем — Калистратэ Салия. Это был счастливый союз двух людей, движимых общими интересами, целью и задачами. Почти шестьдесят лет жили и работали они бок о бок, и только смерть разлучила их. Все, что они делали для своей далекой родины, они делали сообща.

Их интенсивная общественная деятельность началась в 1947 году. В тот год по инициативе Нино Салия был организован грузинский научно-литературный журнал «Судьба Картли», предназначенный для ученых-картвелологов зарубежья. В год выходило четыре номера журнала. В 1956 году журнал стал двуязычным (грузино-французским), а с 1957 года выходил целиком на французском языке. Хотя параллельно с ним до 1964 года включительно выходили номера и на грузинском языке. Вот что писал по этому поводу Калистратэ Салия: «В 1957 году мы учредили ревю картвелологии «Судьба Картли» с участием зарубежных картвелологов. Результаты превзошли все ожидания. С самого же начала вокруг ревю стали собираться известные картвелологи, приветствовавшие выход в свет органа картвелологии».

Нелишне напомнить читателю, что ответственное дело издания журнала, которое в первую очередь требовало материальных затрат, взяла на себя госпожа Нино. Правда, с 1960 года материальную помощь журналу оказывал государственный центр научных исследований Франции, но, по словам Калистратэ Салия, эта помощь не покрывала и десятой доли расходов на издание журнала. Журнал «Судьба Картли» со дня основания поставил себе целью пропаганду грузинской культуры за рубежом.

Издатели сумели «собрать вокруг журнала картвелологов и кавказологов, установить необходимые контакты с учеными Грузии, пробудить интерес ученых зарубежья к всестороннему изучению этой легендарной и притягательной страны».

Заслуги Нино Салия не исчерпываются организацией и финансированием этого журнала. Можно перечислить немало интересных начинаний, пропагандировавших и популяризовавших нашу культуру, инициатором и вдохновителем которых являлась Нино Салия.

В 1972 году Н. и К. Салия издали вместе книгу «Очерки

по истории Грузии». Книга состоит из статей, посвященных географии, истории, искусству, литературе и музыке. Автором первой статьи о географии Грузии является Нино Салия.

В 1975 году Нино Салия на собственные средства издала восстановленный Михаилом Церетели текст «Вепхисткаосани». В предисловии издатель специально подчеркивает, что издание этого текста было ее давнишней мечтой.

Интересна еще одна мысль, высказанная в предисловии к книге. Госпожа Салия пишет, что «в период второй мировой войны... никто из ответственных политических деятелей-грузин не сотрудничал, да и не мог сотрудничать с тогдашним немецким правительством, которое и говорить не желало о равноправии наций. Это — историческая действительность».

В 1975 году Нино Салия издала «Вепхисткаосани» на немецком языке в переводе Михаила Церетели.

В 1980 году Нино Салия издала труд своего супруга «История грузинского народа». Вот как оценила эту книгу французская общественность: «История грузинского народа», которую Французская академия наградила одной из своих премий, является как бы венцом той долгой работы, результатом той щедрой и бескорыстной деятельности, которую вот уже тридцать лет ведут Нино и Калистратэ Салия, дабы поведать миру о духовных ценностях своей родины... Эта книга словно бы подводит итог их деятельности. В некотором смысле этот труд нечто несравненно большее, чем просто история, это нравственный портрет народа». Калистратэ Салия написал ее в преклонные годы. Из личного письма его явствует, что это было и исполнением мечты его жены. «Это было желанием Нино, чтобы я обязательно написал эту историю. Нет ни одного серьезного труда о нашей родине на иностранном языке, тут некому его писать». Их мучила горькая мысль о том, что «Грузии не пришлось предстать перед миром в том свете, какого заслуживало ее прошлое».

В одном из писем, присланных в Грузию в этот период, Калистратэ с горечью пишет: «Простите мне эти каракули, пишу с трудом, болит от ревматизма рука, плохо себя чувствую, старею». Именно в это время, когда ему было трудно держать в руках ручку, он и пишет историю своего народа.

«История грузинского народа» выходила дважды на французском и один раз на английском языках.

Особого внимания заслуживают те многочисленные труды, которые опубликовали Нино и Калистратэ Салия на стра-

ницах своего журнала в 1947—1984 годах. Эти труды свидетельствуют о разностороннем образовании их авторов, глубокой эрудиции, умении правильно анализировать политические явления, о безмерной любви к своей далекой родине.

Госпожа Нино жила мечтами о родине. Ее эмиграция была вынужденной. Казалось бы, материальное благополучие, любимое дело, долгие годы, проведенные вдали от родины, могли бы умерить ее ностальгию. Но нет!

Изданный в 1982 году номер «Судьбы Картли» открывался так называемым «прощальным» предисловием госпожи Нино. Она пишет: «На склоне моей жизни, приближаясь к концу, я хочу сказать прощальное слово родному мне краю Кахети, который мне так и не пришлось больше увидеть и любовь и нежность к которому я буду нести в себе всегда. Я хочу привести здесь стихи поэта Иосифа Нонешвили, в них нашли отражение мои мысли о Кахети, которой они посвящены». Затем следует стихотворение И. Нонешвили «Кахети».

Деятельность Нино и Калистратэ Салия не ограничена лишь благородным делом популяризации грузинской науки и культуры. Они передали в дар Институту рукописей имени К. Кекелидзе Академии наук Грузии прекрасную библиотеку, составленную из 450 книг. В институте образован книжный фонд Нино и Калистратэ Салия, открыт специальный кабинет, который носит их имя.

В 1983 году Академия наук Грузии единогласно избрала Калистратэ Салия своим почетным членом.

Калистратэ Салия скончался в 1986 году. 27 февраля 1988 года его прах нашел вечное упокоение в Дидубийском пантеоне. Правда, не звонили Сионские колокола, но грузинский народ воздал Калистратэ Салия почести, которые воздавал лучшим своим сынам.

Наивно было бы полагать, что в одной или даже в нескольких статьях можно оценить их труд на благо родины. Понадобится немало времени для того, чтоб осмыслить и проанализировать деятельность супругов Салия, оценить их бескорыстие, самоотверженность и добро, творимое ими.

Госпоже Нино недавно исполнилось 92 года. Мы желаем ей долгих лет жизни. Этой небольшой статьей мы хотели бы выразить глубокую почтительность, любовь и уважение всей грузинской общественности к этой необыкновенной женщине, пронесшей через всю свою жизнь любовь к своей измученной родине.

Кетэван КИНЦУРАШВИЛИ

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ

(ХУДОЖНИК ФЕЛИКС ВАРЛАМИШВИЛИ)

В 1914 году 11-летний Феликс Варламишвили писал своей тете Нино, сестре рано скончавшейся матери — Розы Палиашвили, в Ахалцихе: «Любимая тетя Нина! Я перешел во второй класс с одними четверками. А по рисованию у меня пять. Посылаю нарисованную мною открытку. Целую много. Твой Фелико».

Как видно из этой записки, уже мальчиком он был увлечен рисованием и, может, даже чувствовал, что его призвание — стать художником.

Через много лет, к концу 60-х годов, оторванный от родины парижский художник посылает своим друзьям в Грузию на Новый год рисунки с надписью: «Примите на память мой маленький рисунок. С дружеским приветом, Феликс Варламишвили». Все такой же скупой на слова, как в детстве, он все так же выражает свое теплое отношение посредством собственного рисунка.

Даже при самом объективном отношении к творчеству художника, думается, субъект-интерпретатор все же всегда остается субъектом. Поэтому, наверно, небезынтересно заметить, что лично для меня знакомство с творческой личностью Ф. Варламишвили началось именно с тех маленьких графических рисунков с надписями, которые приходили к нам домой в моем детстве, и было продолжено уже в Париже, при посещении его скромного ателье (1984 г.). А с ранними работами худож-

ника удалось ознакомиться уже на его посмертной персональной выставке (к сожалению, первой на его родине), устроенной в Государственном музее искусств Грузии в 1987 году, на которой были представлены десять произведений, переданных по его завещанию в дар Грузии. Однако, учитывая тот факт, что Ф. Варламишвили при жизни продавал многие свои работы, и они находятся за рубежом в различных частных и музейных коллекциях, мы на сегодняшний день, естественно, не смогли всесторонне ознакомиться с его творческим наследием.

Феликс Варламишвили (или Варла — этим псевдонимом он подписывал свои произведения за границей) родился 18 мая 1903 года в Кутаиси. Его отца Григола, который был директором Кутаисского банка, вспоминают как известного в городе общественного деятеля. Мать, как было сказано выше, рано скончалась. Феликс рос сначала у тети в Ахалцихе, а потом в Кутаиси, вместе с братом и сестрами от второй жены отца. В 1920 году, окончив Кутаисское реальное училище, приехал в Тбилиси, где продолжил учебу на агрономическом отделении Тбилисского университета. Но после открытия Тбилисской Академии художеств (тогда — Грузинской) — в 1922 году перешел туда. Здесь у него были замечательные педагоги — Е. Лансере и И. Шарлемань, профессионалы высокого уровня, художники широких познаний и большой культуры.

Уже студентом Варламишвили активно включился в художественную жизнь Тбилиси. Об этом можно судить по газетным рецензиям на выставки 20-х годов. В них его имя упоминается в ряду самых талантливых студентов Академии. Он усердно рисовал и писал с натуры, делал иллюстрации, сотрудничал в периодике.

Работы тех лет свидетельствуют о профессионализме, но тут еще вряд ли можно говорить об индивидуальном стиле, своеобразии художественного языка. Это лишь начальный этап. Хотя этим работам присущ определенный артистизм, в них заметны черты, характерные для зрелого Варлы. В созданных им портретах уже присутствует глубокий лиризм, грусть. Возможно, ему были близки именно такие модели и он специально их выбирал, или же сам находил, открывал в них эту ноту (ведь нетрудно убедиться, что художники нашего века даже при создании портретов выражают свою индивидуальность, проявляют темперамент, как бы показывают свое «я»). Так или иначе при внешнем различии созданные Варламишвили портреты по настроению очень похожи друг на

друга и, главное, на автопортрет самого художника, относящийся к тем же годам. Контрастное членение светотеней, яркие блики, свободные мазки говорят о мастерстве, смелых поисках и внутренней энергии их автора. Неудивительно, что в 1927 году Варламишвили открыл собственную школу рисования (в которой учился академик В. В. Беридзе), но вскоре вместе со своим другом Л. Хатарашвили художник покинул Грузию.

Через Ахалцихе они попадают в Турцию, а из Константинополя добираются до Парижа. Таким образом, ими был проделан нелегкий путь, по которому в 20-е годы следовали многие. Как человека искусства, Париж, конечно же, притягивал Ф. Варламишвили. Однако причина была не только в этом. Подобно многим талантливым людям, он, очевидно, терзался противоречиями, возникшими в эпоху строительства новой жизни. С одной стороны искусство революционной эпохи требовало и само рождало новые формы выражения, подчас самые неожиданные. И, видимо, этим был обусловлен бурный расцвет всех видов искусства той поры. С другой стороны власть имущая бюрократия противилась всему необычному и душила все прогрессивное. Чувствуя это и страдая от этого, одни убегали, другие меняли лицо, иные гибли... Лишь очень немногим удалось выстоять. Варламишвили решил уехать. Может, он и не думал, что, делая этот шаг, навсегда расставался с родиной, мысль о которой никогда не покидала его. Свидетельствуют об этом картины. Знаменательно, что в одном из последних интервью старый художник, проведший 60 лет за границей, сказал: «Все мои работы проникнуты глубокой любовью к Грузии и на этой основе был создан мною свой собственный стиль».

В Париже Варламишвили не сразу смог достичь успеха. Тем не менее продолжал трудиться. Ведь недаром в своих письмах он писал, что для него важнее всего в жизни была творческая работа. И он работал. Тем более, что встретил друга — жену, по происхождению датчанку, которая сама хорошо рисовала и понимала, любила и уважала его искусство. В 1934 году они поженились, и госпожа Зирэ Биндэр стала верной спутницей Феликса Варламишвили на всю жизнь. Для улучшения материального состояния супругам пришлось покинуть Париж. 1948-52 годы они провели в Аргентине. Там имя Варлы стало широко известным, его картины охотно покупали. Пользовались популярностью декоративные панно для ме-

бели. Надо полагать, что именно в тот период пришла к нему зрелость, окончательно сформировался его стиль.

Теперь художнику, вернувшемуся обратно в Париж, уже сопутствовал успех. Член жюри «Осеннего салона», он выставлялся в престижных парижских галереях, а также в других городах Франции и в разных странах. В Париже супруги Варла жили в маленькой квартирке-мастерской на улице Дагэр в районе Монпарнас и не променяли свое скромное жилье на новые апартаменты, даже накопив к старости большое состояние — ведь картины художника, а то и целые выставки продавались сразу же, иногда заранее. Но он не покидал привычного места. Ему казалось, уйдя оттуда, уже не сможет работать, как прежде.

В первые годы пребывания за границей Варламишвили вновь рисовал Грузию, старый Тбилиси — вернее, старый для нас, для тех же, кто покинул его в 20-е годы, это был современный им и единственный в их воспоминаниях город. И создавались эти картины по подсказке грузинских эмигрантов, которые, хотя и дешево, но все же покупали их и таким образом поддерживали молодого художника. Вот почему во многих грузинских семьях за границей сохранились его работы той поры.

Пирующие горожане, мацонщик с осликом, игра на свирели, грузинские церкви, церковные празднества, тбилисские дома с балконами, сбор урожая, дороги, пейзажи Грузии... Несмотря на то, что Варла творил по памяти, он с удивительной точностью воспроизводил все когда-то увиденное и запомнившееся. Художник тонко передавал колорит местности, пластику изображаемых людей, фактуру, этнографическую окраску любого предмета. Заметна преданность однажды найденному мотиву — мать в залатанном платье, несущая ребенка, кинто с подношением на голове, погонщик волов, женщина, собирающая хворост...

В его графических листах, выполненных карандашом, с фотографической точностью передана каждая деталь, даже стебли травы на земле. Но они далеки от натурализма, ибо художник буквально погружает их в поэтическую атмосферу. А в живописных пейзажах Варлы свободные, импрессионистические мазки красок, располагаясь на расстоянии, слагаются в определенные изображения. И возникает ощущение знойного лета, многоцветья осени... Особенно впечатляет зимний пейзаж, где серовато-коричневая гамма с характерным для снеж-

ного покроя розоватым отблеском оживляется голубыми и оранжевыми мазками.

Большинство картин Варламишвили небольшого размера. Когда рассматриваешь их подряд, кажется, что слышишь одну протяжную, грустную мелодию. Меняется тема: охота, сбор урожая, прогулка, рыболовство... Но настроение прежнее. Люди рубят лес, играют на музыкальных инструментах, накрывают стол, танцуют... Лошади скачут, отдыхают, пасутся... Фигуры действуют. Они часто изображаются в неожиданных ракурсах. Фрагменты архитектурных построений поданы в сложной перспективе. Но в основном изображения располагаются параллельно плоскости и, несмотря на порывистое движение некоторых фигур, композиции в целом уравновешенны. В них царит спокойствие.

Это обусловлено внутренним ритмом, мелодичностью каждой композиции. Внешние фигуры связаны единым действием, обращены друг к другу. Но они не входят в активный контакт. Каждая как бы застыла в определенной позе. И эта отрешенность порождает молчание. Но движение, переходящее с одной фигуры на другую (жестом, поворотом голов), создает единый ритм, замедленный темп. «Танцу» фигур часто вторят расположенные в том же ритме предметы (бутылки, палки, полена, яблоки и т. д.).

Этот ритм, как видно, исходит из внутреннего ощущения художника. А может, в молодости он вдохновился пластикой тбилисских горожан, которые ходили и действовали как-то по особому. Ведь недаром ими восхищались поэты и художники. Во всяком случае, ритм этот найден уже в студенческих работах. Можно вспомнить зарисовки 20-х годов, например, «Чистильщиков обуви». Или же начала 40-х («Пир на деревне»). Но ноги фигур на ранних картинах еще прочно стоят на земле и по своему типу, одежде приближены к конкретной реальности. Позже люди на картинах Варлы как бы почти отрываются от земли. Чуть сутуловатые, вертикально растянутые, с характерной пластикой длинных конечностей, со схожими лицами, в простых, чаще декоративно драпированных платьях они приобретают особую утонченность. (По воспоминаниям друзей, автор сам чем-то походил на своих персонажей). И несмотря на то, что каждое изображение «читается» реально, композиции носят ассоциативный характер. Тем более, что окраска часто условна. Золотистая вода, золотое небо, алый берег, синие волосы... Такая условность способствует созданию

отвлеченного настроения и установлению гармоничного единства. В целом, как бы увиденные во сне сцены овеяны глубоким лиризмом, грустью.

Во Франции и в Аргентине, во время путешествий по разным странам (особенно любил Италию) художник впитал много нового. И в поздних его картинах уже трудно усмотреть грузинское начало. Вернее, его чувствуешь, но выявить, объяснить нелегко. Когда Варла пишет картины на грузинскую тему — он грузин. Даже вспоминаются средневековые грузинские фрески, произведения Пиросмани, Л. Гудиашвили и других художников. Хотя сходство с последними возможно больше обусловлено временем и тематикой (в этом отношении характерно сходство его рисунков с рисунками В. Ходжабегова). Но когда он отрывается от грузинской темы, мы можем больше говорить о близости с малыми голландцами, с готическими витражами, с образцами итальянского кватроченто, даже с французским гобеленом и т. д., чем собственно о грузинском начале.

Как и следовало ожидать, в искусстве Варлы произошел синтез всех начал. Получив образование на родине и уехав с определенным набором впечатлений, ассоциаций, художник жил, творил и всю жизнь учился за границей. Это, естественно, нашло отражение в его творчестве.

С одной стороны, Варла традиционен. По сравнению с представителями ультрасовременных течений искусства он может даже показаться консервативным. Традиционен в том смысле, что изображения на его картинах «читаются» реально. Он не следует темпу и ритму современного быта. В его картинах царит тепло и идиллия. Они проникнуты любовью к жизни. Кажется, что художником руководит что-то очень интимное, сроднившееся с детством. В нашем до невозможности стремительном веке при потере многих гуманных начал, ценностей Варламишвили сохраняет душевное равновесие и спокойствие. Может, чувство ностальгии заставило его отрешиться от «грубой» реальности, а может, сам по натуре тихий и мирный, он проходил мимо больших, иногда даже устрашающих изменений в жизни современного общества.

Но с другой стороны, это очень современный художник, который все пропускает через собственное «я», обобщает и создает сугубо индивидуальный мир, построенный на ассоциациях. Современность его художественного языка в том, что он оперярует чистыми красками, не смешивает и не загряз-

няет их, подчеркивает плоскость и условно строит пространство, для достижения художественного эффекта не боится преднамеренной деформации предметов, стилизации фигур, условно-декоративную окраску изображений, не скрывает свободных мазков, росчерков линий и т. д.

Если правомерно деление художников на прозаиков и поэтов (а, думается, такое деление правомерно), Варла настоящий поэт. Для него в живописи и графике главное не сюжет, а художественное воплощение мотива, видения, возникшего в воображении. И правят в этих картинах законы красоты, гармонии, не подлежащие объяснению словами.

У него не встречаются картины на религиозные темы. Но мне кажется, что эти светлые, чистые композиции, проникнутые любовью к красоте, человеку, природе, проповедуют гуманное начало, добро, вечные идеалы. В этом их сила и значение.

Феликс Варламишвили скончался в 1986 году в Париже. По завещанию труп его был кремирован и пепел погребен на кладбище в Левиле среди могил многих выдающихся деятелей грузинской культуры, которые вынуждены были жить и творить вдали от родной земли.

Теперь имя Варлы заняло достойное место среди имен больших грузинских художников нашего века.

---

* Автор благодарит уважаемую М. Майсурадзе за предоставленный ею документальный материал для этой статьи.

Натиа БЕБИАШВИЛИ

Стремиться к нравственному совершенству

МЫСЛИ ЕПИСКОПА ГАВРИИЛА О ВОСПИТАНИИ

Как известно, в начале XIX столетия в политической жизни Грузии произошел коренной перелом. Сперва Восточная Грузия, а позднее и Западная оказались присоединенными к России. Социально-экономическое и культурно-политическое развитие страны приняло новое направление. Спасаясь от угрозы физического уничтожения, Грузия подпала под неприемлемый для ее народа режим. Самодержавная власть осуществляла акции, направленные на ликвидацию национального суверенитета. Началась борьба за национальное и социальное освобождение.

Ко второй половине XIX века относится второй этап национально-освободительного движения в Грузии, возглавляемый блестящей плеядой грузинской интеллигенции, известной под названием «тергдалеулни». Поколение шестидесятников в качестве главного вопроса своей программы выдвинуло возрождение национального самосознания, утверждение высоких патриотических чувств. «Горе тому народу, — писал И. Чавчавадзе, — у которого оборвалась общая жила, горе той стране, где в общем сосуде иссякла кровь, где во всех нет каждого, а в каждом — всех, где каждый не думает о всех, а все об одном, где «Я» так часто, а «Мы» так редко». Пробуждение нации, воспитание в каждом ее представителе чувства патриотизма, по мнению шестидесятников, должно было способствовать воспитанию гражданских чувств и консолидации всего народа.

Претворение в жизнь национально-освободительной, социальной и культурно-просветительной программы грузинских

шестидесятников неразрывно связано с жизнью и деятельностью выдающегося мыслителя, философа, психолога, математика, физика, педагога, оратора, просвещенного благотворителя Гавриила — епископа Имеретии (Герасим Кикодзе). Он являлся одним из создателей и почетным членом «Общества по распространению грамотности и письменности среди грузин», основанного И. Чавчавадзе, и членом «Общества по распространению православного христианства на Кавказе». В качестве такового обратил в христианство 18000 абхазцев, открыл множество школ, библиотек, церквей, всячески поощряя приобщение к знаниям в своей епархии. Его труд «Основание опытной психологии» долгое время оставался единственным учебником для семинарий Российской империи. Высокую оценку дал ему Добролюбов. А проповеди епископа Гавриила были известны не только в России, но и за рубежом; Соломон Маллан, например, перевел и издал их в Лондоне. Были переведены они также на французский и болгарский языки.

Мне удалось разыскать статью, написанную преподавателем Тифлисской духовной семинарии Ильей Перадзе¹, который характеризует взгляды епископа Гавриила на воспитание детей, причем в аспекте их восприятия современниками и им самим, как педагогом. Думается, что темы, затронутые в статье, будучи актуальными для той эпохи, могут быть интересны и для нас, изучающих XIX век в ракурсе педагогики.

Оценивая тогдашнее воспитание, И. Перадзе, что очень ценно, показывает его сильные и слабые стороны. Статья опубликована в «Духовном вестнике Грузинского экзархата» и состоит из восьми глав. В первой говорится о необходимости знаний, значении просвещения. По словам епископа, главное желание и общее стремление всех людей — жажда знаний. Он высоко ценит образование, утверждая, что «из всех способов, какими Бог призывает к себе людей, едва ли не самый важнейший — учение, образование, просвещение»². Особенно выделяется им стремление к просвещению в своей епархии, где и дворяне, и крестьяне одинаково сознают важность и необходимость образования, не щадя для этого имеющихся средств.

«Ваши родители, — говорил преосвященный Гавриил, обращаясь к своим воспитанникам, — само общество, святая церковь от вас ожидают в будущем утешения, помощи, добра и честного труда»³. В другой проповеди высказывается та же мысль: «Кому много дано, с того и много взыщется: вы получили просвещение, которым не многие обладают, а по-

тому Бог потребует от вас лучшей жизни, а общество вправе ожидать от вас большей пользы, чем от других». Он считал необходимым обращать особое внимание на воспитание подрастающего поколения как в семье, так и в школе.

В чем же, по его мнению, цель и сущность образования и воспитания? Воспитание готовит молодое поколение для жизни. А поскольку человек — существо разумно-нравственное, цель его земной жизни в том, чтобы понимать и осуществлять свои обязанности по отношению к Богу, себе и ближним. В понимании и осуществлении указанных обязанностей, в которых проявляется христианская любовь, и состоит нравственное совершенство человека. К подобному «совершенству» вечно должен стремиться человек, пока не дойдет до того, что все худое делается для него ненавистным, а добродетель его счастьем»⁵.

Осуществлению этих обязанностей препятствуют различные обстоятельства, считал автор. Потому и жизнь человеческая — постоянная борьба с подобными обстоятельствами, которая, по его мнению, «неизбежный закон жизни» и никто не избегнет ее, но ею же измеряется нравственное достоинство человека: «Чем человек более испытывает борьбы, тем он ближе к нравственному совершенствованию. Воля его укрепляется, дух мужает, добро становится ему любезнее, зло ненавистнее. Воспитание — приготовление нас к этой борьбе, ибо такова должна быть цель всякого разумного воспитания»⁶.

Для того, чтобы стать способным к подобной борьбе, необходимо получить правильное воспитание, надлежащее образование. «Учение и образование, — писал преосвященный Гавриил, — иначе можно назвать преобразованием человека или всесторонним изменением его к лучшему, переходом от низшего, натурального состояния всей его природы в другое, высшее и лучшее»⁷.

Точка зрения епископа Гавриила при решении вопроса о цели и сущности воспитания в полном смысле религиозная, единственно верная и правильная, вполне отвечающая настоящим запросам и нашего времени. При этом следует помнить, что в отношении религии и церкви допускались перегибы, полностью отрицалось значение веры. Рационалисты, преследуя религию в воспитании, желали основать его лишь на началах и требованиях разума. Вот почему преосвященный Гавриил предупреждал: «Скверное время ныне! В мозгу народа рождается много пагубных мыслей и стремлений, от коих гаснет вера в сердце человека»⁸. Но для того, чтобы учащаяся моло-

дежь была в силах противостоятъ «тлетворному веянію века сего, необходимо ей дать воспитание на началах христіанской религіи, или, иначе сказать, необходимо ее религіозно-нравственное воспитание»⁹. А поэтому, по словам проповедника, «христіанское воспитание детей из всех обязанностей человека выше и лучше всех»¹⁰.

Воспитанный на религіозных началах, человек должен согласовать свою жизнь и деятельность с содержанием следующих слов св. Апостола Иакова: «Мудръ ли и разумень кто изъ васъ, докажи это на самомъ деле добрымъ поведениемъ» (гл. 4, с. 13). Исходя из этого высказывания, можно заключить, что в духовной природе человека нужно различать две стороны. «Жизнь человека, — говорится в проповеди, — имеет две стороны: первая — мысль и разум, одним словом, невидимые душевные дарования и свойства, вторая — дело, движение, поведение, характер. Вторая сторона человеческой природы нужнее и важнее, дело выше мысли и слова. Первую сторону Бог дал человеку для служения второй. И однако обе эти стороны требуют исправления, улучшения в результате образования»¹¹.

Образование человека должно совершаться в двух направлениях: умственном и нравственном¹². Необходимо, чтобы воспитание установило полную гармонию между этими двумя сторонами человеческого духа. «Образование, — по мысли Гавриила, — должно привести человека к высшей цели и эта высшая цель не что иное, как нравственное развитие. Образование же хорошо только тогда, когда оно возвышает и облагораживает человека со всех сторон, и проповедник приходит к выводу: дело выше слова, жизнь драгоценнее учения. Образование должно улучшить все дела наши, всю нашу жизнь. Какая польза, если ум человека богат многоразличными познаниями, а его дело и жизнь ничуть не различаются от дела и жизни безграмотного человека?»¹³.

К таким выводам нельзя не присоединиться. Ставя высшей целью воспитания нравственное развитие, проповедник не отрицает необходимости и важности умственного развития, однако желает, чтобы между ними были соответствие, согласие, гармония: «Лучше и желательнее всего то, когда человек богат познаниями и вместе с этим тверд в христіанской нравственности»¹⁴. Проповедуя всестороннее развитие человеческой природы, преосвященный Гавриил возлагает заботы о человеке и на семью, и на школу.

Вторая, третья и четвертая главы статьи посвящены вос-

питанию в семье. После общего обзора во второй главе «Воспитание в семье» автор переходит к конкретным вопросам о «семейном воспитании в Имеретии» в третьей главе, а о «значении женщины, как жены, матери и хозяйки» рассуждает в четвертой. Он характеризует семью, как часть общества, а общество, как часть государства. Государство же состоит из суммы многих семей. «Благородная и благочестивая семья может воспитать отечеству благородных и благочестивых граждан. Семья — маленькая церковь и маленькое государство».

«Семья, — продолжает проповедник, — вторая церковь для нас... Что дома скажешь или сделаешь, то имеет значение для всего семейства. Каждое твое слово и дело в семье есть семя, которое своевременно даст добрый или злой плод. Если ты имеешь детей, все средства употребляй, чтобы они вышли добрыми и боголюбивыми»¹⁵. И далее: «Та семья, в коей господствует мир, тишина, единство и любовь, в коей родители показывают детям добрые примеры, дети подчиняются родителям и почитают их, подобно церкви, в такой семье есть царство Божие»¹⁶.

Самое главное и важное значение имеют в семье для детей их родители. Дети любят подражать родителям и вообще старшим. Отсюда понятно, какое значение для нравственного воспитания детей имеет жизнь их родителей: «Нечестивые, безнравственные родители своим дурным поведением добровольно готовят гибель для своих детей, которые в родительском доме не в состоянии будут получить прочные задатки для нравственного воспитания... Вся будущая жизнь малолетнего ребенка, его поведение, его характер и почти спасение его души зависят от того, каким образом он воспитан, что внушали, к чему приохотили его родители во время его молодости»¹⁷. Потому-то «родители должны забывать самих себя и думать о воспитании и счастье своих детей»¹⁸. «воспитывать нравственно детей и таким образом направить их на путь истинный с самого детства»¹⁹.

Известно, что дело не менее важно, чем слово, практика выше теории, а пример лучше наставления. Поэтому нужно нравственно воспитывать детей не только наставлениями, но и собственным примером. Родители обязаны показывать им добрые примеры благочестивой жизни. Несомненно, что в подобных случаях наставления родителей приобретают для детей характер наглядности. Епископ приводит пример в чистом церковном духе. Если родители говорят — «нужно утра...

вечером, пред обедом и после обеда молиться Богу», а сами не стесняются исполнением этого важнейшего христианского долга, конечно, их наставления для детей не будут иметь ровно никакого значения. «Помни, — обращается епископ Гавриил к отцу семейства, — что дети всегда смотрят на тебя и от тебя научаются поведению»²⁰.

Родители должны стремиться к тому, чтобы дети их презирали ложь и леность. Конечно, и тут родительский пример имеет воспитательное значение. «Если хочешь, — призывает он, — сделать сына своего счастливым, учи его говорить правду. Ложь — первый грех младенца, она обращается в источник всех его грехов. На правде и прилежании должно быть основано воспитание детей: они основа земной жизни, а также будущей. Лживый и ленивый человек не может быть счастливым ни в этой, ни в будущей жизни»²¹.

Правильно поставленное семейное воспитание служит основой школьного воспитания. Семья для будущего ученика должна быть первой школой, где он усвоит прочные задатки будущего умственного и нравственного воспитания, указанные основы должны будут предохранить его от крайностей и заблуждений в учебном заведении, свойственных пылкому, легко увлекающемуся юношескому возрасту. Первое, на что проповедник обращает внимание родителей, это отсутствие присмотра за детьми до их поступления в школу. Благодаря таким обстоятельствам, дети привыкают ко многому дурному и безнравственному. До поступления в школу в некоторых детях, благодаря невнимательности к ним родителей, вырабатывается нравственная физиономия, которая налагает особый отпечаток на всю их дальнейшую жизнь в школе и в обществе.

Как видно из проповедей епископа Гавриила, он придавал важное значение воспитанию детей в школе. Проповедник находил недостатки в области школьного нравственного воспитания, которые главным образом обуславливались тем, что в тогдашних учебных заведениях основное внимание обращалось на умственное развитие питомцев, а между тем известно, что «нравственное воспитание юношества гораздо важнее и труднее, чем умственное, оно должно идти впереди умственного и вызывать большие заботы со стороны воспитателей». И хотя считал, что для умственного развития юношей делается многое, совершенствуются методы преподавания, издаются многочисленные учебники по всем предметам, «...но для нравственного воспитания не делается и десятой доли»²².

Школьное начальство должно относиться к воспитанию

детей с заботливостью и вниманием, имея в виду ту важную ответственность, какую Бог возлагает на него. «Если ты учитель, — говорил проповедник, — должен давать совести своей строгий отчет. Помнил ли ты всегда, какое великое дело — воспитание детей, какого тяжкого ответа Бог требует от учителя?»²³.

Ставя целью улучшение всестороннего образования и преобразования человеческой природы, Гавриил желал, чтобы молодежь прежде всего заботилась о нравственном совершенстве: «Нравственное образование гораздо важнее, необходимее, выше и труднее, не об одном изучении разных наук вы должны стараться, а еще более и ревностнее о приучении себя к истине и добру: ...Знание само по себе, без всякого доброго влияния на жизнь, бесполезно и не угодно Богу. ...На что человеку знание, если оно не улучшает и не облагораживает его жизни»²⁴.

В настоящее время понятия «нравственность» и «нравственное воспитание» снова начали занимать подобающее место в нашей жизни, и потому мысли епископа Гавриила на этот счет удивительно современны.

Учащаяся молодежь в школе должна сознательно усвоить все, что в ней преподается. Однако механическое, бессознательное зубрение оупляет детей, убивает в них способность к мышлению и охоту к самостоятельному умственному развитию и самодеятельности. Много воспитанников, окончивших не только средние, но и высшие учебные заведения, не способны к самостоятельному мышлению. А между тем, «великая и разнообразная пища предлагается вам здесь. Но она будет питательна и полезна только для тех из вас, которые не рабски будут относиться к ней, а сознательно и свободно, не наизусть только будут изучать предлагаемое, но перерабатывать и усваивать»²⁵.

Интересны и другие взгляды проповедника относительно бессодержательного и неосновательного «всезнания», выражающегося в том, что воспитанник знает о многих предметах отрывочно, рассуждает обо всем, не имея твердых и основательных сведений, а в сущности, ничего не знает: «Не в том состоит хорошее образование, когда ученик с жадностью глотает множество мыслей и знаний обо всем. Лучше основательно знать одну или две науки, один или два языка, нежели поверхностно знакомиться с десятками наук»²⁶. С этой мыслью нельзя не согласиться. Она актуальна и в наши дни, так

как мы все больше приходим к осознанию необходимости профессионализма.

Преосвященный Гавриил обличает и тех, кто имеет одностороннее, утилитарное понятие о действительной цели образования: «Многие учатся для того, чтобы приобрести некоторые права, например, для поступления на службу, получения жалования, награды — словом, воспользоваться учением чисто для внешних материальных выгод. Можно пользоваться образованием для улучшения своего материального положения, но все-таки прискорбно видеть, когда большинство учащихся останавливается на этой одной цели учения»²⁷.

Есть и такие воспитанники, «которые учатся прилежно и ревностно потому, что сам процесс учения, приобретения знаний доставляет им удовольствие»²⁸. Вот они-то и составляют радость и утешение обществу.

«Преосвященный Гавриил в одной из своих проповедей, сказанной в классической гимназии, говорил, что телесные наказания, само по себе явление непривлекательное, не только дозволительны, но необходимы и полезны. Телесные наказания в прежнее время были часты, грубы и жестоки, а в настоящее время телесные и все другие наказания отменены или доведены до самых незначительных размеров. И вот здесь он высказывает мысль, с которой вряд ли можно согласиться. Отмена телесных наказаний — другая крайность и довольно вредная. Ему не нравятся нынешние приемы воспитания, как то отметки по успехам и поведению, оставление без обеда, заключение в карцер, внушения, выговоры, замечания, а также увольнение из учебного заведения. Последнее наказание проповедник считает жестоким, ибо «уволенный из одного заведения ученик редко может попасть в другое заведение, и он окончательно предается своим инстинктам и погибает нравственно, тогда как его следовало лечить более сильными средствами, подобно тому, как опасно больных врачи часто спасают от смерти прижиганиями или отсечением членов»²⁹.

Так передает мысли епископа Гавриила И. Перадзе. Но подобное понимание его слов — вольное толкование, он не сумел понять и оценить социально-политическое положение Грузии и в том числе епископа Гавриила, «туземца» по происхождению, который, несмотря на нападки слуг царизма, с достоинством исполнил свой «гражданский долг» (А. Джорджадзе).

Здесь не приводится вся статья дословно, это не входит в задачу данного обзора, но обвинение в адрес епископа Гав-

риила можно опровергнуть словами И. Зурабашвили: «В Кутаисской гимназии имелась своя церковь св. Николая, поэтому в день св. Николая епископ Гавриил проводил службу, и мы, выпрямившись, с благоговением слушали. После службы он, встав в привычную ему позу, начинал проповедовать своим правдивым и чувственным голосом. Дело касалось ста двадцати учеников, которых исключили в тот год из гимназии. Озадаченный этим Гавриил был вынужден пойти на уступки и стал оправдывать остальные меры наказания, лишь бы удалось защитить гимназистов от исключения. «Телесные наказания, — говорит проповедник, — применяемые разумно и осмотрительно, могут быть в известной степени полезными»³⁰

Келенджеридзе³¹ вспоминал, что при произнесении этих слов лицо епископа Гавриила исказила мученическая гримаса. И отвергая отчисление гимназистов, он оказался сторонником телесных наказаний.

Люди беспристрастные и доброжелательно относившиеся к деяниям епископа Гавриила правильно оценивали все его поступки. И слова, предпосланные эпитафией к «Слову, произнесенному в церкви Кутаисской классической гимназии»³²: «Господь кого любит, того наказывает, бьет же всякого сына, которого принимает». (Ев. 12—6) как нельзя лучше подходят к судьбе его самого.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. «Духовный вестник Грузинского экзархата». «Мысли преосвященного Гавриила Епископа Имеретии о воспитании детей, по его проповедям». 1896 г., № 21 и № 23, с. 16.
2. «Слова и Речи», Тифлис, 1870 г., с. 397.
3. «Проповеди Епископа Гавриила» (на груз. яз.). I и II тома, Кутаиси, 1913 г., т. II, с. 313.
4. «Слова и Речи», с. 420.
5. Там же, с. 418.
6. Там же, с. 416.
7. «Проповеди Епископа Гавриила», с. 378.
8. Там же, с. 387.
9. Там же, с. 334.
10. Там же.
11. Там же, с. 382.
12. «Слова и Речи», с. 438.

საქართველოს
ხალხთა ეროვნული
ბიბლიოთეკა

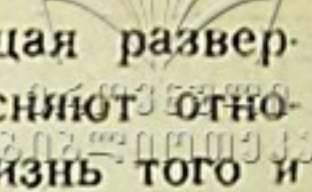
13. «Проповеди Епископа Гавриила», т. II, с. 447.
14. Там же, с. 445.
15. Там же, с. 280.
16. Там же, т. I, с. 23.
17. Там же, с. 493.
18. Там же, т. II, с. 137.
19. Там же, т. I, с. 280—281.
20. Там же, т. I, с. 492.
21. Там же, с. 494—496.
22. «Слова и Речи», с. 440.
23. «Проповеди Епископа Гавриила», т. I, с. 15.
24. «Слова и Речи», с. 438—439.
25. Там же, с. 398.
26. Там же.
27. Там же, с. 433.
28. Там же, с. 434.
29. Там же, с. 442—443.
30. Ил. Зурабишвили. «Память о великих грузинах» (на груз. яз.), Париж, 1962 г., с. 51.
31. Мел. Келенджеридзе. «Гавриил Епископ Имеретинский», Кутаиси, 1913 г.
32. «Слова и Речи», с. 440—444.

УЗЫ ФАТУМА

Если первая фраза автора не служит тому, чтобы вызвать единое впечатление, тогда, делая первый же шаг, автор допускает просчет. Это высказывание Эдгара По неоднократно вспоминается, когда читаешь роман Заура Каландиа «Жертва» («Литературная Грузия», 1989, № 2). Заур Каландиа избежал просчета, от которого предостерег непревзойденный мастер композиции. Не только первая фраза, но уже заглавие его компактного романа предвосхищает и производит единое впечатление, лишь подтвержденное дальнейшим повествованием. Заур Каландиа реализует основную функцию заглавия, призванного мобилизовать читателя, озадачив его. Заглавие «Жертва» нельзя назвать оригинальным. Если угодно, оно озадачивает как раз некоторой своей тривиальностью. Но эта тривиальность мнимая, так как она точно рассчитана, взвешена и потому художественно действенна. Провоцирующее подозрение в мелодраматической сентиментальности лишь заинтриговывает, сразу же преодоленное деловитой точностью первой фразы: «Столик, что стоит между сложенными в человеческий рост пустыми ящиками слева от кухни (оттуда виден весь зал), принадлежит Барону». С первых же фраз читателю предлагается определить, кто жертва. Речь идет о двух убийствах, о трех насильственных смертях, и повествование убеждает, что не убитый, а убийца является в данном случае жертвой.

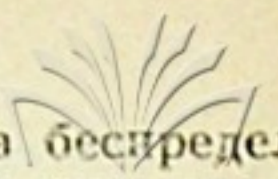
Нельзя отрицать: неполные пять печатных листов этой прозы представляют собой именно роман, а не пространную новеллу и не повесть с авантурным сюжетом. Перед современным прозаиком всегда возникает проблема, сформулированная в свое время Дьердем Лукачем: рассказывать или описывать? Заур Каландиа решительно предпочитает рассказывать, а повествовательная культура его прозы весьма высока, иногда виртуозна. При этом Заур Каландиа пренебрегает соблазном устного сказа, неминуемо влекущего за собой прямолинейную новеллистичность. Он совмещает различные временные пла-

ны, то зарисовывая одной фразой годы, то посвящая развернутые периоды минутам. Пока Барон и Алиа выясняют отношения на песчаном побережье, автор живописует жизнь того и другого со всеми корнями и потрохами. Тот же прием срabaтывает, пока Алиа лежит в постели у Ано. Двумя-тремя абзацами, высвечивающими социально-психическую подоплеку нередко кровопролитных городских коллизий, предварен горький монолог поруганной и попраанной женственности. И на песчаном побережье герои неоднократно впадают в театрализованный диалог, и автор выдает свое присутствие лишь тем, что, как в драме, метит их реплики именами действующих лиц. Вообще, театральность многое определяет в проблематике романа. При этом имеется в виду не театральность повествования (автор подчеркнуто отвергает подобную театральность), а театральность поведения, вернее, даже театральность судьбы, но в романе подобная театральность вызывающе контрастирует с полным отсутствием подлинного драматизма в традиционном его понимании, так что в своих театрализованных моментах роман уподобляется скорее киносценарию, чем собственно, драме. В поведении героев ощущается некое предопределение или, лучше сказать, механизм, управляющий ими помимо их воли и отнюдь не навязанный волей автора, чье искусство в том и состоит, что он лишь выявляет эту роковую обусловленность.

Современная проза, можно сказать, мечется между многосмысленной аллегорией, с большим или меньшим успехом претендующей на мифотворчество, и бессюжетными бессвязными вариациями, то лирическими, то психологическими, то тенденциозно публицистическими. Заур Каландиа не прельщается этими крайностями. Он любит насыщенный жизненный материал, острый напряженный сюжет. Он идет навстречу современному читателю, жаждущему беллетристики, по выражению известного критика. Читая Заура Каландиа, вспоминаешь, что в свое время сам Достоевский не стыдился звания «беллетрист». Это отнюдь не означает параллели с Достоевским. Проза Заура Каландиа имеет другие истоки. Его беллетризм не исчерпывается самим собою, отличаясь той же раздражающе загадочной вопросительностью, что и заглавие «Жертва». Заур Каландиа пишет своих героев, а не описывает их. Отсюда своеобразный эффект пружинности в его прозе. В сущности, роман «Жертва» значительно больше своего рукописно-полиграфического объема. В романе чувствуется энер-

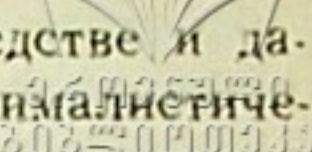

гия сжатия, которая могла бы распространиться в беспридельность, но не нуждается в этом именно в силу своей другой концентрации.

В этой связи хочется отметить и мастерство переводчика Георгия Сартания. Он дает полноценную русскую прозу именно потому, что сохраняет и подчеркивает грузинское в повествовательной манере автора. Переводчик искусно выявляет эпическое в прозе Заура Каландиа, вскрывая тем самым ее истоки. Роман «Жертва» с не меньшим основанием мог бы быть назван «Сага об Алиа». «Сага» была бы точным обозначением жанра, а не данью литературной красоты. Не знаю, насколько сознательно ориентировался Заур Каландиа на традицию древних саг, но, на мой взгляд, нет ничего более родственного его роману. Сагу напоминает сама авторская интонация, стремящаяся сочетать лаконизм с эпическим размахом. Более того, проблематика романа во многом совпадает с проблематикой древнеисландской саги: та же тема кровного родства, кровной мести и обреченности. Это не мешает Зауру Каландиа остаться впечатляюще современным. Современен сам контраст эпического повествования с мелким, но беспощадным драматизмом унизительной будничности. Судьба героя особенно трагична потому, что ей отказано в истинном трагизме. Фридрих Гёльдерлин усматривал трагизм в том, что личность, жертвуя собой, находит лишь мнимое временное решение вечной проблемы. Эпическое повествование срывает, показывая, что жертва Алиа вообще не есть решение, так как она вынуждена и бессмысленна. Внешние приемы драматического действия, с почти пародийной демонстративностью минуя трагизм, впадают в абсурд, не исключая, впрочем, жестких детерминаций и мотивировок.

Зауру Каландиа свойственно острейшее чувство реальной действительности, но ему претит как нарочитое бытописание, так и распространенное любование патриархальной экзотикой местного колорита. Заур Каландиа избегает готовых, общедоступных рецептов и шаблонов. Его герой, пожалуй, оттого и гибнет, что принадлежит одновременно городу и родной деревне, между которыми общего больше, чем различий, и это общее, к несчастью, воплотилось как раз в самой личности Алиа.

На первый взгляд, трудно сопоставить рискованную, но благоустроенную жизнь приморского города с первобытной деревенской глушью, где одного родича растерзали зимой волки, а другой умер от укуса змеи, но именно эти зловещие пол-

робности свидетельствуют в романе о близком соседстве и даже родстве города с деревней. Роман изобилует анималистическими образами и сравнениями. Сначала они настораживают некоторой литературностью, но потом убеждаешься, что их функция вполне определена и конструктивна. Когда об убийце, вышедшем из тюрьмы, говорится, что он стал опаснее бешеного пса, когда Алиа представляет себе поверженного врага, извивающегося, раздавленного, подобно червяку, эта наивная риторика — в духе самого незадачливого, мечтательного героя, но когда Алиа сбивает человека с ног и у сбитого на подбородке запеклась тонкая полоска крови, похожая на раздавленного червяка, когда у двери этого человека «стоит смерть, как старая собака со слезящимися глазами», и сам он походит «на скорпиона, преданного своими же сородичами», сравнения угрожающе оживают. Помпезный гобелен, украшающий комнату подозрительной городской красотки, изображает льва с каплями крови на когтях. Характерно, что сама Алиа сладострастно упивается поддельной свирепостью альковного экспоната, тогда как Алиа обессилен отвращением и даже страхом. Эти животные чувства мотивированы животными же ассоциациями: «Алиа заметил, как изменился цвет ее глаз, они стали холодными и невыразительными, как чешуя мороженой рыбы. В эту минуту она напомнила готового опуститься на жертву стервятника».

Иногда анималистические сравнения достигают у Заура Каландиа поистине пронзительной точности и меткости. Саднящее стремление к мести, не свойственной герою, но тем более неизбежной, запечатлено в романе так: «У Алиа кольнуло сердце. Будто пчела его укусила больно и, оставив жало, исчезла». Многие в романе проясняет ностальгическая миграция бездомных ворон: «По весне, когда становится тепло в природа пробуждается, вороны покидают эти места. Зима их вынуждает кружиться над елками, они же любят лес. Вот и мы так, люди, склоняем наши головы там, где лучше». Однако настоящим лейтмотивом романа становится образ волка. Заур Каландиа далек от идеализации волка, вошедшей в моду с легкой руки Чингиза Айтматова. Для писателя христианской традиции волк остается существом зловещим и омерзительным, не вызывающим никакой симпатии. Волки растерзали отца деревенского мальчика Джани, и он стал социальным оборотнем, городским волком по прозвищу Барон: «Одесские вору прозвали Барона «Волком», и его это радовало». «Человек человеку — волк» — для Барона это не просто

афоризм, а подлинный символ веры. Он как бы усыновлен убийцами своего отца. Он ведет волчий образ жизни, руководствуется волчьей моралью или, лучше сказать, волчьей природой: «Угоди он сейчас, как волк, одной лапой в капкан, он тут же, не раздумывая, отгрыз бы ее и пополз дальше».

Однако волчья природа имеет свою изнанку: «Сам-то он знал, какой он «Волк». Он ходил один в поисках жертвы скорее как лис, а не волк. Порой он сам себя ловил на мысли, что трусит перед делом, как заяц...». «Старый лис», — думает о Бароне его односельчанин Алиа, «Лицо у меня непроницаемо, как маска, но нюх — острый, как у ищейки». — хвастает Барон. Однако Барон вовсе не обольщается насчет себя: «Еле живой, он уходил, зарывался в свое логово — беспомощный и дряхлый и в то же время победивший в очередной раз, окрыленный и восторженный, как урвавший добычу шакал...». Волк, лис, шакал... Эти образы характеризуют и патриархальную деревню, и таежный лагерь, и приморский город: «И здесь, как и в том северном лагере, действовал закон джунглей — кто кого».

Барон принимает закон джунглей за универсальную, чуть ли даже не космическую норму бытия. Пример Барона показывает, как срослось в современной жизни преступное с прибыльным и престижным, причем сращение проходит по линии полудозволенного в социальном вакууме, где по-своему интерпретируется максима: «Что не запрещено, то дозволено». Автор отмечает, что многих удивило, когда Барон, уголовник, даже не бывший, а только отбывший длительный срок, получает разрешение на постройку кофейни. Читателя же озадачивает само это удивление, не усматривающее, вообще-то говоря, ничего из ряда вон выходящего в подобной ситуации: «Разумеется, у кофейни был государственный план, который она, как правило, выполняла». Точно также удивляет, но не слишком, благоприобретенная гражданская респектабельность Барона, играющего одновременно в бизнесмена и в передовика: «Что поделаешь, и я по-своему служу стране», — говорил знакомым Барон, и, пожалуй, в его словах была доля правды». Барон продает не только одесскую квартиру, он продает и кофейню, угодив очередной раз в тюрьму, однако сохраняет, вернувшись, почетное место за столиком, и новый владелец даже не берет с него денег за кофе. Эти детали, упомянутые автором как бы вскользь, больше говорят о так называемой теневой экономике, чем пространные социологические медитации. На очередное преступление Барона толкает запах

блуда в его комнате. Естественно, в мире анималистических преступлений нюх не может не определять или даже предопределять поведения и судьбы. Воздух города напоен морем, «хвойным и цитрусовым ароматом: Но был еще один запах, который трудно было определить сразу... Человеку становилось ясно, что это за запах. Это был запах денег, который присутствовал во всем. Деньги определяли место человека в обществе, круг его знакомых, друзей... Деньги могли освободить человека из тюрьмы, и они же упекали его за решетку».

Запахи определяют атмосферу, атмосфера обуславливает образ жизни. В городе вырабатывается свой кодекс нравственных ценностей: «Как конокрадство в свое время не считалось слишком зазорным занятием среди мегрелов, так и блатные, отсидевшие в тюрьме, пользовались в этом городке определенной симпатией, тем более среди подростков». Легко сказать, что подобный кодекс — ложный или извращенный, однако он по-своему обоснован: «Возможно, симпатии к Гудже и подобным ему были вызваны страхом или недоверием к городским руководителям, которые, прикрываясь своими должностями, подчас действовали бесчестно». «Хозяину» ничего не стоит целый год не давать шоферу новой машины, и он только снисходительно улыбается, когда Алиа, доведенный до отчаянья, в глаза называет его свиньей, однако улыбка хозяина мигом отрезвляет незадачливого бунтовщика, и он уже униженно просит прощения и получает машину лишь тогда, когда за него хлопочет влиятельный дружок, тоже достаточно близкий к уголовному миру.

Злым гением для Алиа и едва ли не для всего приморского города, несомненно, является Барон. Заправский литературный критик наверняка сказал бы, что этот образ удался автору. Барон, действительно, удался Зауру Каландиа, так как в этой фигуре сосредоточились все связи и узы, скрепляющие действующих лиц. Соблазнительно уподобить этого блатного интеллектуала и книгочехя крестным отцам западных мафий, но Барон отличается от них тем, что не вовлечен в организованную преступность: он предпочитает действовать в одиночку. Барон принципиально одинок, но при этом он не изолирован. Его горделивое одиночество усугубляет ореол тайны и романтики, не просто совращающей молодежь, но задающей тон в человеческих жизнях. Алиа, прежде всего, — жертва Барона. Барон убивает его даже не своей ненавистью, а наигранно презрительным безразличием, но связь Алиа с Бароном — если не взаимность влечений, то так называемая

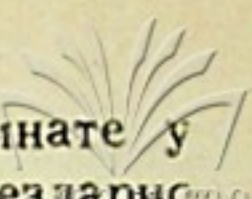

обратная связь. Они не просто родом из одной деревни, Алия подпадает под влияние Барона, не как его подражатель, а как его младший двойник.

Барон и Алия сближаются, опять-таки, через образ волка. Старый Тада, дед Алия, говорил, «что в жизни надо быть волком». «Да, славный был человек», — говорит о нем сам Барон. Оказывается, дед Алия шел перед арбой, на которой везли кости, обглоданные волками, — все, что осталось от Геры, отца Джани, будущего Барона. Старый Тада страдал от того, что на него слишком похож его внук Алия, который отнюдь не волк. Образы совсем других животных помогают обрисовать Алия: «Поздней ночью Алия шел по улице. Шаггал уныло, рассеянно переставляя ноги. Так идет по знакомому переулку к калитке корова, голодная и исхудалая». Алия попусту скулит, как слепой щенок. Даже совершая убийство, Алия оскаливается не по-волчьи, а по-лошадному. «Ведь ты не убийца», — говорит о нем Барон. И действительно, Алия предпочел бы сам умереть, лишь бы не убивать: «Кровь надо было смыть кровью, а этим, казалось Алия, он возьмет на душу еще больший грех». Однако Барон угрожает ему: «Если ты отступишься и не пришьешь его, смотри...» Тот же Барон увещевает его: «На греховный путь вступил ты, парень, на мой путь, и нет между нами разницы». Это отсутствие разницы между двойниками фантастически подтверждается тем, что, убив убийцу брата, Алия бросается убивать Барона, оступившись, падает и напарывается на нож, которым только что убивал; иными словами, он замещает своего двойника собой.

Очевидно, Барон угрожает Алия не смертью (Алия предпочел бы собственную смерть убийству), а чем-то другим. Он толкает Алия на убийство именно потому, что не продает ему оружие. Ведь не убил же Алия Бондзи, когда пришел в суд с револьвером за поясом. Зато теперь он убивает Бондзи чужим сапожным ножом, потому что Барон отказал ему в оружии: «Ему предстояло вновь обогреть нож гнилой и подлой кровью Барона. Ничто его не сдерживало, и он не помнил, что такое страх. Он понял, какую роль взял на себя Барон... Роль — главное оружие Барона, источник его тлетворного влияния. И роль — ключевое слово к жертве Алия. Он жертва, потому что такова его роль.

Так мы подходим к проблеме театральности в романе, где царит театральность без трагизма и, собственно говоря, даже

без драматизма: «Когда в маленькой полутемной комнате у него отобрали револьвер, Алиа стало стыдно за бездарно сыгранный спектакль». Подобный стыд, в сущности, движет в той или иной степени всеми героями романа. Сам Барон исколотил случайному возлюбленному своей падчерицы лицо осколком бутылки и отправился в тюрьму, чтобы поправить свою репутацию среди уголовников, которая пошатнулась, когда он открыл кофейню: «Его всегда подстрекали честолюбие и ...страх». «Все, что у него осталось, было имя, обеспечивающее его неприкосновенность и одиночество». Барон берет на себя такую роль, чтобы произвести впечатление на женщину, чей муж застаёт его с нею в постели. Но по-настоящему он взял на себя эту роль еще в деревне, когда не позвал знахарку к своему двоюродному дяде Каджиа, умирающему от укуса змеи. Маленький Джани винит Каджиа в смерти своего отца, и Каджиа невольно признает его правоту, избегая мальчика: «Дурные у мальчонки глаза...». Усыновленный волками, Джани бросает вызов законам рода, бежит из родной деревни: «Удрал, как не приемлющий жизни своего рода-племени предатель-цыган». И в этом Алиа не прочь подражать Барону: «Говоря по правде, он бы с радостью покинул этот город, который ненавидел и которого так боялся». Но его предостерегает сам философствующий Барон: «Какая разница, где ты родился, если солнце светит лишь для тебя одного... Трава не трава, а земля лишь прах, грязь и ничего больше. Нет, ты не думай, что это ностальгия и всё такое. Да и не зов крови. Меня не тянет на круги своя. Скорее это страх перед смертью. Не хочется подышать в одиночестве, вроде бездомной собаки... Видно, любовь впитывают с молоком матери, еще в утробе, и она должна жить в человеке, пускать корни и цвести... Любовь к земле, луне и небу, роду и племени...»

Родовое начало в романе двойственно. Оно не подкреплено социально, оно как бы не существует, однако по-прежнему нет силы более мощной в человеческой жизни: «Гостеприимство и взаимопомощь были поставлены в городе на широкую ногу, и неписанный закон этот имел здесь большую силу, чем закон юридический». Станным образом в городе трансформируется функция денег. Они всегда нужны позарез, но не для того, чтобы обогатиться. Деньги позволяют человеку играть родовую роль, без которой человека нет: «Гость совал под подушку новорожденного младенца купюру, и у покойника в остывших пальцах тоже торчала аккуратно сложенная сторублевка». В таком мире неимущий работяга Алиа должен, по

крайней мере, убить убийцу своего брата. Алина будет опозорена, если Бондзи убьют названные братья, дружки из блатной компании: «Правда, Гуджа был твоим братом, но... Ведь и мы с ним были такими же братьями, и один из нас возьмет на себя это дело!»

Вот где раскаленное средоточие романа. Святое чувство с неумолимой логикой ведет к преступлению. Поэтому старый Тада жалуется на то, что честного человека принимают за труса. Для него человек сегодняшнего дня — архаический хищный волк. Герои романа склонны поверить в роковое предопределение. Подобную философию проповедует и Барон: «Просто, если тебе суждено стать убийцей, ты им станешь». Так роль, навязанная маленькому человеку, выдается за его судьбу, и сплывающая пуповина рода, отрезанная от матери Земли, превращается в смертоносные узы фатума.

Однако в романе брезжит луч надежды, и хотя это луч одинокий, Заур Каландиа дает почувствовать, что он от могучего южного солнца. Совсем неподалеку в деревне живут младшие братья Барона: «Они были крестьянами, простыми работающими людьми и больше всего на свете любили свой клочок земли, свою деревню. Это была неосознанная любовь, но такая же сильная и неподдельная, как сама земля». Во все времена были охотники холодно иронизировать над этой любовью, Заур Каландиа не из их числа. Разумеется, безблагодатная жертва Алина ничего не искупает и никого не спасает. Но есть в романе один древний впечатляющий образ. Если человек умирает вне дома, его душу возвращают в семью с помощью ниток. Смысл романа в том, чтобы превратить гибельные узы фатума в такие пусть посмертные, но связующие родовые нити. Тогда древняя традиция православной Иверии вернет к жизни живых и мертвых. Икона возвестит вновь благословение, а не проклятие, как в романе, а в храме Илори зажжется спасительная свечка, которую поклялся поставить, но так и не поставил Джани-Барон.

В романе не хватило ниток, чтобы вернуть заблудшую душу, и соседки собрали еще несколько катушек. Такой братской катушкой становится сам небольшой роман Заура Каландиа.

Владимир МИКУШЕВИЧ

Главный редактор Роман МИМИНОШВИЛИ

Редакционная коллегия:

Чабуа АМИРЭДЖИБИ, Элисбар АНАНИАШВИЛИ, Роваз АСАЕВ, Хута БЕРУЛАВА, Анаида БЕСТАВАШВИЛИ, Игорь БОГОМОЛОВ, Тенгиз БУАЧИДЗЕ, Хута ГАГУА, Марк ЗЛАТКИН, Камилла КОРИНТЭЛИ (ответственный секретарь), Сергей СЕРЕБРЯКОВ, Лия СТУРУА, Георгий ЧАРКВИАНИ (заместитель главного редактора), Серги ЧИЛАЯ.

Технический редактор И. Зурабашвили
Корректор Т. Бадриашвили

Сдано в набор 5.09.90 г. Подписано к печати 23.10.90 г.
Формат бумаги 84×108^{1/32}. Бумага типографская № 1. Печать высокая. Печ. л. 7,0. Усл. печ. л. 11,97. Уч.-изд. л. 14,0. Тираж 7.300. Заказ 1945. Цена 65 коп.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

При перепечатке ссылка на «Литературную Грузию» обязательна.

При обнаружении полиграфического брака просим обращаться в типографию Издательства ЦК КП Грузии, по вопросам подписки и доставки журнала — в «Союзпечать».

Адрес редакции: 380008, Тбилиси, ул. Костава, 5.

Телефоны: Главный редактор — 93-65-15, заместитель главного редактора — 93-13-57, ответственный секретарь — 93-31-28, приемная — 99-06-59, отделы — 93-31-43 и 93-65-19.

Ордена Трудового Красного Знамени типография Издательства ЦК КП Грузии, Тбилиси, ул. Костава, 14.

6 1/2

65 კ.

ИНДЕКС 76117
საქართველოს
ბიბლიოთეკა

ყოველთვიური ლიტერატურულ-მხატვრული და
საზოგადოებრივ-პოლიტიკური ჟურნალი

„ლიტერატურნაია გრუზია“
(რუსულ ენაზე)

საქართველოს მწერალთა კავშირის ორგანო
გამოდის 1957 წლის ივნისიდან

